

АЛМАЗНЫЙ ДОЖДЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 1/2013

Редакторы

Галина Каюмова

Светлана Кузьменкова

Дизайн и верстка

Светланы Кузьменковой

SveticNK@List.ru

Иллюстрации

Talamaskanka

Альманах создан при поддержке литературного клуба «Остров»

<http://ostrov.ucoz.net/>

1/2013

*П*еред вами первый литературный альманах сайта "Остров" (виртуального клуба для поэтов и прозаиков). Возможно, вы уже знакомы с тематическими выпусками островного журнала и стали читателем осеннего сборника. Теперь альманах. Чем он отличается от других электронных изданий портала? Пожалуй, тем, что опубликованное на его страницах, не писалось специально для номера - это то лучшее, что было опубликовано на сайте, а теперь представлено в качестве своеобразной антологии. Кто-то из "островитян" стал ветераном, оставаясь активным участником форума со дня основания ресурса до настоящего времени, кто-то уже покинул гостеприимную территорию, совсем недолго побыв аборигеном. Но творчество осталось. Самое яркое, интересное, живое, глубокое мы и предлагаем вашему вниманию.

Г.Каюмова

***

Я открываю книжный шкаф
и с нижних, ненужных полок
выгребаю тела завершённых глав
и трупики зарисовок,
гербарий из старых сюжетов
в толстой общей тетради,
потёкшую оперетту,
свёрстанную в самиздате,
черновики, заготовки,
ненаписанной книги абрис -
и перехватываю бечёвкой.

Крест-накрест.

А на верхнем листе пишу не спеша,
буквы пляшут, как тени:

«Совершенно секретно. Моя душа.

Сжечь по прочтении».

Алексей ШТРИКОВ

***

Когда этот мир станет слишком
толков

И забудет последнее рондо,

Я памятью выстелю свой альков,

И выстрелю в прошлое дробью

стихов

И серебристым пунктиром подков -

До самого горизонта.

Когда этот мир поглотит

чистоган

В обмен на кусок жаркого,

Я буду искать по пустым очагам,

Я буду гадать по сгоревшим клокам,

Я буду читать по истлевшим

слогам,

Последнее честное слово.

Алексей ШТРИКОВ

***

Количество волнующих сюжетов,
Исчислено статистикой давно.
Любовь. Война. Закаты и рассветы.
Тоска. Мужчины. Женщины. Вино...

Игра словами - старая забава.
Кто не писал стихов в
ночной тиши?
Не примерял "О времена! О нравы!"
Кроя строфу на собственный
аршин...

Давно прошла пора негромких песен -
Грызёт похмелье на чужом пиру.
Опутан сетью - суетлив и тесен -
Стареет мир, качаясь на ветру.

Который век - без отдыха и лени,
В проём игольный ломится верблюд.
И снова станет день.

И новый гений -

Напишет мальчик:

"Я. Тебя. Люблю..."

Феликс САВИКОВ

Сон поэта

Старый дом. Пустые окна.
Дверь скрипит от вздохов ветра.
Так пустынно. И так трудно
Быть всего лишь сном поэта.

Не грусти. Мы все немного
Недоласканы надеждой.
Он вернётся очень скоро,
Твой поэт. Такой, как прежде.

Жёсткий взгляд. Прямые плечи.
Хмурый. Чуть седые брови.
Очень сильный. Добрый очень.
Всё такой же непокорный.

Он придет и встанет рядом,
Переполнен благодатью.
Чуть устало скажет —
Здравствуй,
Мой не выспавшийся ангел.

Старый дом такой же старый.
Дверь скрипит от вздохов ветра.
Так пустынно... Непонятно
Сон ты или жизнь поэта.

Светлана КУЗЬМЕНКОВА

Мне не дано

Насте Тарасовой

Мне не дано болтать о пустяках,
Кокетливою туфелькой качая,
Когда туман забрёл на чашку чая
И поселился в ветреных стихах.
Не уместить вселенную в карман
И не приправить блюдо звёздной солью,
Не окрестить столешницу консолью,
Не вынуть из фондюшницы роман.
Мне не дано по лунному лучу,
Как по канату, на карниз взобраться,
Чтоб с духами ночными пошептаться,
Не потревожив сплетнями свечу.
Не пригласить на танец мотылька.
Что притаился за оконной рамой,
Не разложить на юморески драму
И не уснуть на пестике цветка.
Мне не дано снизать в монисто сны,
Остатки ссыпав в треснувшую вазу.
Нетопырём не бросить по приказу
На баррикады трепетной весны.
Мне не дано... Но, брызгами дробясь,
Служу, быть может, крохотным истоком
И наполняю благодатным соком
Чужих творений колдовскую вязь.

Галина КАЮМОВА

Булату Окуджаве

Я приеду в Москву и тихонько пройду по Арбату,
 Живописцы давно на палитру разлили зарю...
 И рассвет, и закат Окуджава встречал здесь когда-то,
 А теперь о Поэте с Арбатом я поговорю.
 Он друзей собирал и вполголоса пел под гитару
 Про господ офицеров, про верность, любовь и войну,
 Не любил громких фраз, но за мир всегда ратовал яро,
 И ему пацифизм даже ставили часто в вину.
 По Арбату иду, где заря по брусчатке разлита,
 И знакомый гитарный мотив я ловлю на лету,
 Сердце грустью щемящей, как будто лозой обвито,
 Но, как прежде, стоят часовые любви на посту...

Ирина МИРОНОВА

Плагиатральное

Пришли эмоции...	Мешая классиков с собою пополам.
Сидят....Скучают...	Издатели
Ждут нужных слов,	когда-нибудь размножат
Как кавалеры — дам.	Как завещание мое
В который раз	влюбленным всем:
С тоской бреду за чаем,	«Я Вас любил!
И потолок, и стены изучаю,	Любовь еще, быть может,
И к рифме	В душе моей угасла не совсем...»
Ритмы строчек приручаю,	

Сергей ПЕТРОВ

Души в клетках

*В самой спокойной из тихих комнат,
Скинув уют своего мирка,
Слушай — услышишь, как души стонут,
Пойманы внутрь галерей зеркал.
И бесконечность для этих пленных
Много теснее других темниц:
Разве возможно забыться в стенах
Сплошь из своих искажённых лиц.
Гордых, неистовых и упрямых,
В чертах взрастивших хандру и спесь —
Бедные узники амальгамы,
Сколько же вас накопилось здесь.
Болью подёрнуты губы масок,
Память кастетом ломает взгляд —
Гибнет надежда в немых гримасах,
Сиясь дорогу найти назад.
Но посмотри сквозь проём оконный,
Видишь, как, броситься норовя,
Жалом пустынного скорпиона
Утро нацелилось на тебя.
Гладкие стены домов смеются
Новым рядом беззаботных жертв,
И зеркала челюстей сомкнутся
Среди других на твоей душе.*

Алексей ШТРЫКОВ

***

Чем привычнее ночь, тем быстрее приходит закат.

Тем привычнее сравнивать зори с потоками крови.

Тем привычнее жить в темноте и идти наугад

И слепое отчаянье вешать себе в изголовье.

Чем привычнее ночь, тем приятней, о солнце забыв,

По холодным созвездиям судьбы ловить и пророчить.

Тем удобней растить в своём сердце безрадостный миф,

Будто жизнь - бесконечная ночь, ничего кроме ночи.

Чем привычнее ночь, тем труднее даётся рассвет.

Тем труднее проснуться душою и, брови не хмуря,

Не вздыхая о прошлом, о горьком течении лет,

Вышивать золотые лучи по атласной лазури.

Алексей ШТРИКОВ

Пахота

Что ты ищешь на небе, мечтательный друг?
Ты послушай, как ропщет земля!
Чёрный бык снова тянет свой кованый плуг
По таким же, как ты или я.
Обогрейся последней вязанкой минут —
И под сказки об алой звезде
Тебя выдернут, вывернут, перевернут
И оставят лежать в борозде.

Не жалея достижений пропавших,
Позабудь начинанья, как сон.
Ведь судьбу непременно пропадут,
И сейчас — потому как сезон.

Не цепляйся душой, словно хилой рукой
За морали — костыль для калек!
Борозда наша входит пустою строкой
В молодой, незасеянный век.
Но мгновенье, и зёрна прогресса падут
В наши жизни — лови и ликуй.
Согревай их, но помни, что всходы пойдут
На кормёжку тому же быку.

Не жалея достижений пропавших,
Позабудь начинанья, как сон.
Ведь судьбу непременно пропадут,
И сейчас — потому как сезон.

Алексей ШТРЫКОВ

***

*Дорога с полями по обе стороны,
Как лестница в небо из прошлых лет...
Как прежде кружатся над нею вороны —
Со старых погостов живым привет.*

*Как прежде уходят мальчишки из дому,
Пытаясь богатство собрать в горсти.
И девочки плачут, не зная видимо,
Что это лишь первое их «прости...».*

*По миру скитаясь, устав от истины,
Седыми придут беглецы домой,
К могилам родителей, к старым пристаням,
Случайных друзей приводя с собой.*

*Девчонки, любившие грезить принцами,
Давно нелюбимым пекут блины,
Забыты, задавленные страницами,
Цветы самой первой, шальной весны...*

*Дорога, открытая в обе стороны —
К родным небесам, и в чужую даль —
Тоску и надежду разделит поровну,
Глазам материнским даря печаль...*

Феликс САВИКОВ

***

*Время сыплет секунды в воронки часов,
Забывая их в пасти голодных смертей...
Миллионы мелодий, гирлянды из слов —
В жернова безнадёжно пустых новостей.*

*Время косит и режет, кромсает и рвёт
Неизбежно — бездушно-прозрачной рукой.
Совпадение и умысел, нечет и чёт,
За картиной картину, строку за строкой...*

*Время плавит себя на картинах Дали,
Циферблаты роняя, как скользкие сны.
В аномалиях топит оно корабли,
И в отливах крадёт притяженье Луны...*

*Даже звёзды сползают к обрыву во тьме,
Забывая — зачем зажигается свет...
Время медленно в собственной чахнет тюрьме.
И сбывается вечное —*

Времени нет.

Феликс САВИКОВ

Андерсен

...Здравствуй, мой соловей!

Как давно, как некстати. Как рад!

*Думал, ты не вернешься, узнав про железное чудо.
Так давай порычим-посвистим, поболтаем, покуда
Перед саммитом в Чу император меняет наряд.*

*Удивляюсь тебе: непричесанный перьев комок,
А какое усилие бьется в вибрации горла!
Словно бусины горстью в хрустальный летят потолок,
И слепой поводырь сямисэна их ловит аккордом.*

*А у нас — видел сам - жестяная игрушка скрипит,
Будто ногтем терзают резной кракелюр баллюстрады —
Заводной соловей! ... умереть и не встать от досады!
Старый даос, который у босса теперь фаворит,*

*Это он, вечно датый старик, притащил это зло, -
Неспроста он так дружен с носатым заморским бродягой.
Это варварство через границу едва поползло —
И теперь на базаре торгуют заморской бумагой!*

*У меня, если к слову сказать, тоже к даосу счет.
Я еще слово «мама» сказать не умел по-медвежьи,
Он поймал меня в сеть. И по-своему был даже вежлив —
Не убил. Да и мама, наверное, где-то живет.*

*Он твердил мне, что клетка — иллюзия клетки,
пока закрывал,*

*Я ревел, а они все смеялись, козлы, до упада!
Я не знал, кто я есть — я о зеркало клык обломал:
Думал — вдруг, человек? — улыбнулся — нет, все-таки, панда.*

*Впрочем, что это я о себе, как невежа и хам.
Нас обоих великое дао по-своему вертит.
Кстати, даосу тоже на днях повернется инь-ян:
Императору что-то хреново с пилюли бессмертья...*

*Будешь петь для него, несмотря на обиды и грусть?
Милый друг, ты замешан и слеplен из странного теста.
Я хотел пестовать свою злость, но не лучше ли, вместо —
Вместо этого песню твою заучить наизусть?*

*Впрочем, горло не то. Не для песен. И не для картин
Мои лапы с когтями, что твердостью равны цирконам.
Мы вообще не для сказок — про нас не писал Пу Сун-Лин, -
Он все больше по оборотням, и слегка по драконам...*

*Что ж! Лечи императора! А монохромный свой рок
Я уж как-нибудь сам. Навещай неуклюжего мишку!
Торопись! Я четвертую ночь изучаю замок,
И теперь без труда отпираю двойную задвижку.*

*Так что... слышишь, мой даос?.. я знаю, где твой уголок,
На янтарном рассвете я тихо приду к изголовью.
А поймут... так что ж? всех когда-то поймут, дружок! —
Побегу в небеса за своею пернатой любовью...*

Егор БЕЛОГЛАЗОВ

Звезда Мигрень

....Звезда Мигрень,
ночной болиголов,
Пустого подоконника улов.

Я, помнится,
всегда летел на Спику —
Верхом на стуле,
крепко сжавши спинку...
Какой нелепой давности картинка
Из лотерейной памяти годов!

....А небо раскрывалось впереди,
И все пути — буквально все пути
Ныряли за цветочные обои,
И, помнится, всегда нас было двое;
Он пил мой чай, кивая головою,
И где-то за Центавром выходил...

Звезда Мигрень покинула надир.
И час Быка — проклятие квартир,
В которых я,
общинно иль келейно,

Распутывал узлы бутылки Клейна
И делание великое портвейна
Творил пред очи жаждущих задир.

Мою звезду не видно в телескоп,
И ни один учёный остолоп
Не скovyрнёт её с ночного неба,
Ей не затмить Мицара и Денеба,
И никому она не ломоть хлеба,
И никому не колыбель, не гроб.

Звезда Мигрень, ночной болиголов
Растёт на дне морей и городов,
И горечь тех морей
в моём стакане,
На доньшке зрачков,
в пустом кармане —
А слово не приемлет оправданий,
И снова не хватает только слов...

Егор БЕЛОГЛАЗОВ

Ночные разговоры

У ночных разговоров оттенков ромашки.

Оседают сомненья на доньшке чашки.

И мешая события ложечкой чайной,

Умолкаем и вновь прерываем молчанье.

У ночных разговоров особая музыка.

Вместе с лунным лучом по тропиночке узенькой

Пробирается в дом, растворяется в воздухе,

И горит за окном полуночными звёздами.

У ночных разговоров свой собственный профиль.

Выпит чай. Тонкий запах забытого кофе.

Сон недолгий, разбитый на краткие строчки,

Чтобы мудрое утро расставило точки.

Галина КАЮМОВА

Настроение по...

Знойное марево (Тридцать по Цельсию).

Мысли тягучие длинной процессией.

Липкие сны (толкованье по соннику).

Томик Ахматовой на подоконнике.

Сто оговорок (по Фрейду ль, по дурости?).

Воспоминая о ветреной юности.

Осточертелость гримас скоморошеских...

Хватит по Дарвину! Время - по-божески.

Галина КАЮМОВА

Слишком

*Давно не юна: мои годы не движутся вспять.
И всё же, надеюсь, ещё далеко до заката.
Я слишком грешна для того, чтобы плоть усмирять,
Но всё ж не на столько, чтоб ринуться в море разврата.*

*Штрихует каноны морали изменчивый век.
Тебя или ты — в этой битве не жди передышки.
Я слишком глупа, чтоб замедлить бессмысленный бег,
Но чтобы не думать, наверное, умная слишком.*

*Прощать, понимать и не взыскивать старых долгов —
Святая наука, но трудно даётся спесивым.
Я слишком слаба, чтоб любить обретённых врагов,
Но чтобы не мстить, мне достаточно внутренней силы.*

*Бывает, что легче в строке «да» и «нет» совместить,
Чем вдруг осознать неуёмной тревоги причину.
Я слишком живая, чтоб Богу себя посвятить,
Но мертвая слишком, чтоб сердца коснулся мужчина.*

Галина КАЮМОВА

Ангел

*Слушай,
Психов
Хватит,
Наши
Души
Спасших,
Кстати,
Поздно.
Рано
Просто
Было
Прыгать
Странно
По перилам,
А теперь
Настало время
Без потерь
Раздвинуть ставни,
Скинуть с плеч немое бремя,
Не боясь упасть на камни
И разбиться, попроситься, приземлиться.
Не цепляясь, без удавки,
Без малейшего сомненья,
Не борясь за продолженье,
Разбивая собой ставки,
Можешь прыгать, ты свободна, ты осталась без сети.
Расправляй же свои крылья и лети, лети, лети..., ангел.*

Александр ЗЫРЯНОВ

***

*Я мечусь по перронам,
Забывтым вокзалам.
И в тиши полустанков
Блуждаю опять.
По каким же законам,
Что раньше не знала,
Не успев обрести,
Мне дано потерять.*

*И плацкарт переполнен
Спешащими всюду.
И часы опоздали
На целую жизнь.
Но состав остановлен
На станции «Чудо».
Полетели вверх...
Только крепче держись...*

*Я по кругу бежала,
Сбивая колени.
Крылья все обтрепались
На диких ветрах.
Я себя потеряла
На темных аллеях,
Или только очнулась
На риск и на страх.

Зеркала, как статисты,
Мне чужое покажут.
Профиль мой и не мой,
Кто ты есть — отзовись!
На полянке лучистой
Перепахкана сажей.
Почерневшие угли —
Сожженная жизнь...*

Марьяна ТАРАСОВА

***

Среди тысяч миражей - миг,
Среди сотни виражей - крик,
Среди праздненства в душе -
грусть,
Сквозь ночное колдовство - мчусь.

И пускай расплата мне - боль
На кострище из измен. Тронь -
На осколки разлечусь - пусть,
Это просто я сейчас - злюсь.

И куда бы ни привёл - путь,
Не придётся мне себя - гнуть,
Я разбитую себя вновь
Склею жизнью и плуку кровь.

Пусть бежит по венам -
злит мир,
На коленях - то не мой пир,
Не моя среди ночей - месть.
Просто знайте - всё же я есть.

Марьяна ТАРАСОВА

***

Нас учили пружинами
скручивать нервы,
Улыбаться привычно,
считать виражи,
Разносить на куски,
чтобы снова быть первым,
Забывать бесполезных
имен миражи.

Нас учили смеяться,
чтоб было приятно,
Запивать аспирином
похмельный синдром.
Нас учили —
вперёд и ни шагу обратно,
Выше голову,
если по шее хлыстом.

Мы идём напролом,
иногда серпантином
Закружится дорожка
усталой судьбы.
Грустно станет потом,
и печальной картиной
Встанет призрак
забытой когда-то мечты.

Марьяна ТАРАСОВА

***

Не храни, мое сердце, зла
 Истоптала неравная драка.
 Не хватило наутро вина.
 Укусила в подворье собака.
 Не храни, мое сердце, зла.

Оскорбили невинно в трамвае -
 И не вяжутся вовсе дела...
 Теща судит, опять упрекая.
 Не храни, мое сердце, зла.

Предал друг
 (называясь братишкой),
 Разлюбила родная жена.
 Замахнулся впервые сынишка.
 Не храни, мое сердце, зла.

Пусть смеются, позорят, воруют,
 Пусть лишен и еды и тепла.
 Сатанинские силы жируют...
 Не храни, мое сердце, зла.

Георгий ОВЧИННИКОВ

***

Листья сбились в безликую стаю,
 На душе беспричинная грусть.
 Может быть, оттого, что я знаю:
 Я сюда никогда не вернусь.

Может быть, оттого,
 что я помню
 Семь рассветов без алой зари,
 И гублю себя медленно болью;
 Мне не надо ни слёз, ни любви.

Может быть, оттого, что не верю
 Я в возможное счастье в пути.
 И стою, как и прежде, за дверью
 И не знаю, куда мне идти.

Любовь ВОЙНАКОВА

***

*Что может быть печальней и страшнее,
Чем ангел, разучившийся летать?
Редют перья, крылья цепенеют
И дни теперь придётся коротать
В хожденьи по Земле, где притяженье
Столь тяжело, что не поднять руки...
А был полёт! До головокруженья,
В те дали, что светлы и высоки,
Где облака вскипают белой пеной,
Где посвист ветра и такой простор -
Огромный, вечный, необыкновенный,
К себе ещё зовущий до сих пор...
Я падаю, слабею и вовеки
Меня уже не примут Небеса...
Не разобьюсь - лишь стану Человеком,
Который безразличен к чудесам.*

Ирина МИРОНОВА

Похороны

Старинный дом.

Святыя образа.

Священник молодой.

Щека к перилам.

И катиться из старых глаз слеза.

Слеза у смерти ставшая мерилom.

А прямо за окном кружит зима.

И в воздухе развешено молчанье.

И думается мне что никогда

Я не увижу ничего печальней...

Светлана КУЗЬМЕНКОВА

Возраст

Мы опытнее и мудрее стали.

Но кудри белым снегом замело.

И "многих знаний многия печали"

Седую прядью красят нам чело.

Нам горы б сдвинуть

к горизонту снова,

А сил былых в помине больше нет.

И опыт свой другим

отдать готовы

В обмен на пару юношеских лет.

Борис БОЛЬШОВ

Мгновение ока

***

Мгновение ока

Меж громом и молнией.

Ты будешь смеяться:

Я плакал во сне.

Уходим до срока

(Уже без иронии).

Холодные пальцы.

Мороз по спине.

Фальшивые взгляды,

Картонное прошлое,

Нет сил, чтоб достроить

Свой карточный дом...

Ты всё ещё рядом.

Запомним хорошее,

А впрочем, не стоит:

Былое — былём...

Уходим до срока.

Полётом в падении

Останется влиться

В другой колорит.

Мгновение ока —

Достаточно времени:

Распустятся листья,

Свеча догорит.

Елена СТАРКОВА

Я хочу рассказать тебе сказку.

Только, жаль, не смогу, а впрочем,

Я могу рассказать тебе сказку,

Только вот за стёклами осень...

Я хочу рассказать тебе сказку

Под зелёным пологом леса.

Я хочу рассказать тебе сказку

Про далекое королевство.

Там нет холода и печали,

Лживых масок и серой грусти

Там никто не плачет ночами,

И уходят затем, чтоб вернуться.

Я хочу подарить тебе лето,

Только жаль, не смогу, а впрочем,

Я могу подарить тебе лето.

Ну и пусть за стёклами осень.

Я хочу вернуть тебе детство,

Просто слушай, как падают

листья...

Знаешь, есть такая примета:

Осень - лишь продолжение лета,

Королевство тумана и света,

Что порой на рассвете нам снится.

Надежда КОРНЫШОВА

***

*Зима сняла свой плен в конце апреля,
Ушла внезапно и без лишних слов,
А я иду по улице Орбели
К церквушке, что стоит без куполов.
Её в года лихие упразднили,
Была здесь почта очень много лет,
Но вот недавно вновь восстановили,
Лишь куполов над ней всё так же нет.
Сюда я часто бегала подростком,
Вдыхала вкусный запах сургуча.
Сегодня пахнет в храме тёплым воском -
На аналое не одна свеча...
Я слышу шёпот: "...ныне будь, и присно..."
И как-то вдруг подумалось само:
Отсюда мы друг другу слали письма,
И нынче, только Богу, шлём письмо...*

Ирина МИРОНОВА

***

Капли холодного пота — о камень...

Время страстей.

Скоро смертельное завтра настанет -

Время гвоздей.

Есть ещё ночь, чтобы чашу отвергнуть,

Бегством спастись...

Вечно скитаться, и больше не верить

В ясную Высь.

Тают минуты — четвёртая стража,

Отче, даруй...

Матери плач, и затмения сажу,

И поцелуй.

Феликс САВИКОВ

*Притча**читая Керена Певзнера*

*Пророк Илья, устав бродить
по лугу,
Куда спустился отдохнуть
от дел,
Вблизи заметил бедную лачугу.
Устав с дороги, кушать захотел.
Хозяева его в свой дом пустили
И накормили лучшей едой.
Дом скромн был.*

*А во дворе бродили
Корова и курчонок молодой.
Но двор гостеприимный покидая
Он поразил корову и куря.
Не возразил хозяин, понимая,
Что, может сделал это он не зря.*

*Ну а на завтра, по веленью Бога,
Он вновь спустился в это же село,
Но посетил богатые чертоги.
А с ужином ему не повезло.
Ссылаясь, что с харчами
в доме туго,*

*В делах своих, мол, прогорел дотла,
Богач пустил его лишь
в дальний угол,
Подав обеды с барского стола.*

*Копил деньгу, чтоб изгородь
построить,
Чтоб не попали в дом ни вор,
и ни друг.*

*И, уходя, Илья взмахнул рукою,
И тут же стены поднялись вокруг.*

*Вопрос Илье-пророку задан сразу,
Чтоб объяснил свои поступки он:*

*"За что бедняк тобою был наказан,
Ну, а богач, напротив, поощрен?"*

Не наказанье то, благословенье!

У бедняка была больна жена.

За полное ее выздоровленье

Скотина Богу в жертву отдана.

А под забор копать ведь ямы надо.

И, коль богач бы строил стену сам,

То под стеной бы обнаружил

клад он,

А так, найти его ему не дам.

.....

Здесь логика простая не поможет

Нам не узнать заранее ничего.

Все наши судьбы ведь

в деснице Божьей,

А трансцендентна логика Его!

Борис БОЛЬШОВ

Единорог

Где-то в полях, среди лесов - одичало-восто-ржен-ны-их,
Где нет мирской суеты каждодневных тревог,-
Стаями радужных клякс в небесах растрево-жен-ны-ий,-
Пьет бриллиантовый сок — Единорог.

Чуткое ухо уловит тишайшие шо-ро-хи-и
И распознает в призыве - надежды аккорд...
Не разгоревшись, потухнут горящие спо-ло-хи-и -
Ветром, что дарит коню обессвеченный норд.

Он Властелин и Защитник владений неве-до-мы-их -
Подлым циничным умам Человеческих рас...
Проданный ими, Забвению с легкостью пре-дан-ны-ий;
Брошенный на растерзание миру не раз.

Но уцелел! и унесся - в беспечно-раздо-льну-ю-у
Чудо-страну, где соседствуют сказка и быль...
Грезы и сны получают там волюшку-воль-ну-ю-у
И убегает от ветра волнистый ковыль.

Где-то в скоплениях звезд, по Вселенной разбро-сан-ны-их
Чьей-то могучей рукой - среди млечных дорог,
Брызги лучей разметав - серебристыми ко-са-ми-и -
Ловит дыхание Жизни — Единорог.

Стерх ПЕТРОВ

Невеста

В глубине болот

всполошилась выпь.

Кто же там бредёт через

гиблу зыбь?

Впереди тропой катится слеза.

Лютый зверь следит,

и свернуть нельзя.

Ветками ольха расставляет сеть.

Клюква брызжет кровь

ноженьке вослед.

Ряской кружевной по плечам фата.

Кроет тело в топь зелена-вода.

Чабрецом плетен свадебный венец-

Дочку проиграл Лешему отец.

Татьяна ТРОФИМОВА

Сон

В страшном лесу, в тёмном лесу,

Волки застигнут деву-красу,

В чащу-беду уволокут,

Нежное тело в клочья порвут...

В лунной воде сны глубоки,

Кто-то их ловит со дна реки.

Бусы вразлёт на берегу,

Тело сквозь воду гнётся в дугу...

Чёрная ночь, чёртова дочь,

Шепотом манит из дому прочь!

В поле-траву выгонит мгла,

Мамочка, братик — вас подвела...

Муж далеко — гонит коня,

Старая ведьма сгубит меня,

Нет, не успеть, миленький мой.

Помни, любимый, помни, родной...

Феликс САВИКОВ

На нехоженной тропе...

Нехожены тропы... Куда приведёт?
Их темень ночная
  так смазала дёгтем,
Что следовать трудно
  всем узким изгибам,
Ведущим к местам
  потайным и гиблым.

Но если прочесть
  эту клинопись леса
Под призрачным светом
  гнилушек древесных:
Откроет он нехотя тайны лесные,
Склонив непокорно могучую выю.

Окажешься ты на округлой поляне
И вид её будет загадочно странен:
Темнея по краю, там острые ели
До неба верхушками
  чуть не взлетели.

А в центре на лапе
  когтистой куриной
Избушка ждёт гостя
  к себе на смотрины.
Сухих мухоморов пестрит
ожерельем
И дышит пьянящей
  болотною прелью.

Хозяйка радушная вскоре вернётся,
На землю из ступы
  своей скувырнётся
И дверь отворит костяною ногою:
"Спешу от трудов я
  к ночному покою.

Но если, касатик,
  тебя любопытство
Ко мне привело...
  мне частенько не спится.
Болят по ночам мои старые кости,
Пойдём, будешь редким
  доселе здесь гостем".

Настойкой она
  угостит мухоморной,
От жижи болотистой
  иссиня-чёрной,
Густой как лесная угрюмая чаща
И голову в тяжком
  забвенье клонящей.

Косой частокол за свою избушкой
Украшит Яга скоро новой игрушкой.
И будет белеть она
  в дождь и от снега,
Круглея глазами
  в сорных побегах...

Юлия БАРКО

Старый храм

Старый храм скрипит половицей,
Гулко хлопает ветхой дверью,
И вздыхает...ему не спится -
Как зимой голодному зверю.

Пыль на окнах - ослеп глазами,
Паутина в углах картиной.
За бумажными образами
Писк и шорох возни мышинной.

Он давно позабыт, заброшен:
Время медлит, перебирая
Четки длинные лет-горошин
У застывшей вечности края.

Но стряхнет долгих лет оковы
Раз в году, когда осень в силе
И на кладбище прицерковном
Листьям желтым тлеть на могиле.

В час вечерний при лунном свете
Храм раскроет свой рот беззубый
И протяжно завоет ветер,
Как орган, в печных его трубах.

Созывает гостей на праздник,
Нарядился в тыковки-свечи.
Ждет гостей он, стоит и дразнит:
"Наступил Хелловина вечер..."

Юлия БАРКО

Солнце

Отшумела ливнями гроза.
 А наутро - выглянул в окошко:
 Солнце, как нашкодившая кошка,
 Сладко щурит рыжие глаза.

Верно ночью мягко, не спеша,
 Забравшись в небесные покои,
 С громом опрокинуло ушат,
 Полный летней, тёплой водою.

И, в сторонку резво отскочив,
 Чтоб не намочить случайно лапки,
 Свой мурлычет ласковый мотив,
 Обещая день погожий, жаркий.

Борис БОЛЬШОВ

Март

Я так люблю весны приход,
 Прощание с зимой, и стужей,
 Поток журчащих талых вод,
 Стекающих в большие лужи,

Осевший, посеревший снег,
 Что стал без холодов так жалок,
 Мимозы из лесных засек,
 И свежий аромат фиалок,

Иголки первые травы,
 Проросшей по краям расселин,
 Небес оттенки синевы,
 Листвы берёзок тонких зелень,

Пушистые соцветья ив
 До распускания листочков,
 Набухшие сирени почки,
 Грачей орущих коллектив,

Ревущей речки ледоход,
 Который мартом был разбужен.
 Я так люблю весны приход,
 Тепло несущий нашим душам!

Борис БОЛЬШОВ

***

*В тот вечер я играла в дольче вита,
Манил к застолью яблочный пирог,
Пел самовар, вздыхая басовито,
Мечтам и грёзам дверь была открыта,
И тут она ступила на порог -
Хозяйка Осень. В тёплой душегрее,
Цветастый полушалок на плечах,
В ладонях туюсок, а в нём бодрее
Всех ягод, потому как всех кислее,
Забористая клюква в кумачах.
"Прости, - сказала гостья,-что незвана
К тебе я забрела на огонёк.
Уж больно притомилась. Неустанно
Работала сегодня, встала рано,
И хлопотный затеялся денёк.
Чаёвничали с ней, как две сестрицы,
Хвалили Лето - полны закрома.
Тревожились, как долетели птицы
До ласковых югов - чужой границы.
Вздыхали дружно:"Где же ты, Зима?"
Мы зАполночь расстались, и на печке
Гостинцем красовался туюсок.
Шаги её затихли на крылечке.
А поутру закручивал в колечки
Бродяга ветер девственный снежок.*

Наталья ВЕШНЯЯ

***

Неизбывная даль -
первозданное русское поле.
Воздух терпок и свеж,
в предзакатной поре небеса.
И томят твою память
гортанные песни неволи,
И врачуют её
русопятых ветров голоса.

Кабы всплыть над стернёй
божьим пёрышком, сирюю птахой,
И раскинуть крыла,
и небесную твердь, что холсты,
На лету раскрыть,
и туманом пошитой рубахой
Приукрыть-защитить
от извечной твоей наготы.

Но настанет пора,
и твоё плодородное лоно
Заревые дожди -
соплеменники весен живых-
Не скупясь напоят,
и потянется к выси бездонной,
Затрепещет душа
златоглавых колосьев твоих.

И поделят лопот твой
по-братски и пахарь, и воин,
Животворной водою
запьют из твоих родников.
И пребудет народ,
что немеркнувшей славы достоин,
Под защитой твоей
благодарной во веки веков.

Наталья ВЕШНЯЯ

Мандариновое

***

Привет из мандаринового детства,
 Где нежились заморские плоды
 На ёлочке,
     с гирляндой по соседству.
 Своею зимостойкостью горды,
 Они в мечтах оранжевых витали,
 Владениях рождественских чудес,
 И шишками себя воображали,
 Еловыми, и хаживали в лес
 Заснеженный, в сугробах поваляться
 И белками на веточки вспорхнуть,
 Смолистые, и крепким надышаться
 Морозцем, и сосульками всплакнуть.
 Уж сколько лет и зим прошло,
     но право,
 Тропические променяв сады
 На северные дали, о забавах
 Всё тех же грезят рыжие плоды.

Наталья ВЕШНЯЯ

Мне этой осени было мало.
 Мне не хватило её дыханья.
 Она ушла от нас очень рано
 И не сказала нам "до свиданья".
 Она ушла от нас безвозвратно
 И пожалела слова прощанья.
 Остался только зелёный мятный
 Холодный чай пополам с печалью.
 Она ушла от нас безнадёжно.
 За ней ушли все дожди и ветер,
 И вся листва закружилась
     в сложном
 Безумном танце при ярком свете.
 И не вернуться назад на месяц;
 Не утереть золотые слёзы.
 А дни бегут на вершины лестниц,
 И впереди - лишь одни морозы.

Любовь ВОЙНАКОВА

Посвящается лошадям...

*По пыльной дороге уныло плелась
Лошадка облезлая, рыжая масть.
Глаза воспалённо сочились слезой,
А зубы желтели за мягкой губой.*

*Хозяин ей в сене с утра отказал.
Чтоб вон убиралась, со злобой сказал.
Сама, мол, до бойни ближайшей дойдёшь.
Стара стала слишком, а нынче - падёж.*

*"И так я в расходы большие войду,
А тут ещё ты у меня на беду.
Ступай, а за службу спасибо тебе,
Меня не вини в своей горькой судьбе."*

*Лошадка устала идти в никуда,
Ей чудится рядом трава и вода -
За тем поворотом виднеется луг,
И слышится ржанье весёлых подруг.*

*Копытами старыми резво стучит,
Луг пышный, большой и прекрасный на вид:
Скорей бы дойти и чуть-чуть отдохнуть,
А там она снова отправится в путь...*

.....
*Ей ласково гриву трепал ветерок,
Он ей выражал свои чувства как мог.
Цветов его руки туда нанесли -
Где мёртвая лошадь лежала в пыли.*

Юлия БАРКО

Русский соловей

*Сквозь резьбу осоки - розовые блики
Рдяного заката... Стылая вода.
Цепкие объятья нежной повилики
Охватили плечи старого пруда.*

*Здесь сирени гуща, заросли акаций.
Здесь покой и нега в отгоревшем дне.
Вечер подготовил смену декораций,
Поручив подсветку ласковой луне.*

*А когда на воду в брызгах лунной пены
Упадет бесшумно первая звезда,
Из ночного мрака голос несравненный
Хрусталем и флейтой запоеет в кустах.*

*И такое счастье, радостную муку
Сердцу приготовил он среди ветвей
В этой песне звонкой из жемчужных звуков,
Маленький волшебник - русский соловей.*

Юлия БАРКО

Чашепитие солнца

"Баю, баю": солнце пело, ласково качало
В тёплых рученьках на речке вечера начало.
Приголубило, согрело тёмную водицу,
Молоком парным осело в камышовых спицах.
А малиновым вареньем угостило небо,
Чуть намазав на горбушки облачного хлеба,
Горизонт накрыло ловко багрецом салфеток -
Всех соседей пригласило к чаю напоследок.
Напилось и завалилось на бочок остывший:
Сладко спит, укрывшись ночью, под блестящей крышей...

Юлия БАРКО

***

Зима на подходе, торопятся птицы,
Сбиваются в стаи, курлыча друг с другом,
Летят к им одним лишь известным границам
Меж севером хмурым и ласковым югом.
А люди опять зимовать остаются,
Припрятав заветную память о лете...
И птицы курлычат, как будто смеются,
А может, завидуют или жалеют.
Печаль неприметная в сердце гнездится,
Но в нём теплота сохранилась донине...
Зима на подходе. Торопятся птицы
О северном лете пропеть на чужбине...

Ирина МИРОНОВА

Стали дни...

Стали дни длиннее ночи.

Не хватает темноты,

Тишины и многоточий.

Утром Ты уже не Ты!

Предраассветная прохлада

Превращается в туман,

Что до полного распада

Протирает очи нам.

Бельевой веревкой вьется

Неохотно день за днем.

Стало слишком много солнца

И назойливости в нем.

И букет благоуханий

В сочетании с жарой

В точности напоминает

Ядовитых трав настой.

Всё: движение и звуки, -

Как в замедленном кино.

Я не вынесу разлуки!

Рыжей осени вино

Расплескалось без остатка

В недрах комнаты моей

И осело в белых складках

Одеяла, штор, дверей.

Стали дни длиннее ночи,

Суетливей вечера.

Моль в шкафах незримо точит

Шерстяные свитера.

Татьяна СЕВАСТЬЯНОВА

***

*Ещё вчера ты мило улыбалась,
Великодушно уступая лету...
Сегодня и в помине не осталось,
Горячего, прилипчивого света.*

*Стальная хватка у шального ветра —
Зверья, листья скрюченные тащит,
Унылый дождик с укоризной мэтра,
Бормочет тихо о судьбе пропащей.*

*Суров твой взгляд — с небес на землю брошен,
Пудовой гирей под ноги проходим.
Мелькают капель маленькие броши,
Деревьев строй помят и неухожен...*

*Смахнув под утро летнюю истому,
Тыходишь в день — по-королевски властно.
Мир погрузился в полутьму и дрёму,
Уснул, накрывшись пледом жёлто-красным.*

*Я не в обиде — время невиновно,
Оно шагает по своим дорогам.
Давай договоримся любовно...
Ну, здравствуй снова, осень-недотрога!*

Феликс САВИКОВ

***

Затекло за шиворот
С летом расставание —
Хмурится, топорщится,
Небо на плаву...

Шиворот-навыворот
Все мои старания —
Мне обратно хочется,
В летнюю листву.

Чтобы лужи вытекли,
В небо ярко-синее,
Чтобы листья ломкие,
Соком налились...

Чтобы звёзды выткали,
Сеть между осинами,
Чтоб побеги тонкие,
К солнцу поднялись...

Через осень слякотью,
Через зиму снежную,
Сквозь мечты апрельские —
Где теперь весна?

Станет сочной мякотью —
Сладкою и нежною...
И фанатам Цельсия,
Будет не до сна.

Феликс САВИКОВ

***

Календарь

Старик-июль задышит зноем,
 Ломая землю на куски,
 Седой ковыль собой укроет
 Ее соленые виски

Застынет сонная протока
 В объятьях солнечных оков
 В ней - глаз светила с поволокой
 И небо в сетке облаков

Заплещет марево дороги,
 Расплавив зыбкий горизонт,
 И встанут в ряд, скупы и строги,
 Кусты полынные в дозор

Зайдется жаром день июльский
 Горячим ветром полыхнет
 И даже вечер - душный, тусклый
 В прохладу степь не окунет

Валентина БАЛАШОВА

Я был рожден весной
 из клейкой почки -
 Простой березы
 тысячный листок,
 Но не хотел на этом
 ставить точку
 И дом родной покинул если б смог.

Мой шелест был рычаньем
 зверя в клетке.

Я рвался в высь, в синеющую даль,
 Но у листа, рожденного на ветке
 Есть черешок и четкий календарь.

Не мне менять законы у природы:
 Лишь потянулись к югу журавли -
 Я пожелтел и получил свободу -
 Счастливый миг полета до земли.

Михаил БАРЫШЕВ

Я б хотела...

*Я б хотела воспеть златокудрую дерзкую осень,
Но милей мне русалочки пряди июньских берёз
И прозрачные капли искрящихся утренних слёз,
Что лежат на траве и на лапах задумчивых сосен.*

*Я б хотела спокойной прохлады в сезон листопада,
Но в плену меня держит наполненный зноем июль,
Когда плещется парусом ветром подхваченный тюль,
А медовое солнце и в ночь не снимает блокаду.*

*Я б хотела распутать дождя неразборчивый почерк
И услышать призыв в поднебесном курлыканье птиц,
Но диктует мне август сюжеты для новых страниц.
Я пишу, оставляя пробелы для будущих точек.*

*Я б хотела... Но снова за кромкой сентябрьских рассветов
В безотчётном стремлении время приостановить,
Ухватив паутинки почти невесомую нить,
Безнадёжно пытаюсь догнать отгоревшее лето.*

Галина КАЮМОВА

Молоко и мёд

*С яблонь тихо падают капли молока.
Нежной пенкой кремовой тронуты слегка
Низенькие лавочки, старой лужи край,
Парк, прошитый тропками. На исходе май.*

*Стайки одуванчиков по траве вразмёт,
Будто по оплошности вытек свежий мёд
И застыл до времени. Солнца волокно
Превратится в древнее терпкое вино.*

*Дерзко и решительно через пару дней
Лето будет властвовать над душой моей.
С колдовскими чарами сладить нелегко.
Зелья приворотные - мёд и молоко.*

Галина КАЮМОВА

Берез

*Утерянной картой в прибрежной колоде
Лежит оброненное птицей перо.
Сонливые волны задумчиво сходят,
Как люди в тоске, на песчаный перрон.*

*Игривые стаи парящих малюток
Чудно застывают в крутом вираже,
И солнце, кемаря в молочном закутке,
Ссыпает застенчиво бликов драже.*

*В сентябрьском яблоке теплого бриза
Червями отверстия чайки бурят.
Жирафами краны с соседнего мыса
Лениво вершат свой привычный обряд.*

*Ракушкам в косе распластавшейся тины
Снежинками все не растаять никак.
Попавшейся мошкой дрожит в паутине
Нахлынувшей зыби отряд тростника.*

Максим ДЕНИСЕНКО

Туман

*Распластав по земле клочковатое пузо,
Отдыхает обжора молочных кровей.
Проглотив все съестное, ленив он и грузен.
Облепили, как корпус фрегата медузы,
Бедолагу огни фонарей.*

*Ему снятся минуты излюбленной неги,
Изобилие пиршеств под звуки фанфар,
А машины шарами в огромную кеглю
Все настойчиво катят, пронзая с разбегу,
Словно рыцари, копьями фар.*

*На судьбу свою горькую сетуй, не сетуй,
Только вновь лежебоке не сладко пришлось -
И кололи и били беднягу усердно,
А попевшие вовремя челюсти ветра
Обглодали белесую кость.*

Максим ДЕНИСЕНКО

Прибой

Лепестками клубящейся пены
Осыпается гулкая даль.
На воде развеивается мерно
Золотистая диагональ.
Полон тины с ракушками берег.
Приближается плавно волна
Заточенным, израненным зверем -
Бесконечной печали полна.
Вот, набравшись откуда-то духу,
Чтоб покинуть приевшийся плен,
Непомерная, сеет разруху,
Тяжело поднимаясь с колен.
Погибавшая в тесном жилище,
Ощущая лишь мрак и тоску,

Опьяненная волею, хищно
И бесстрашно скользит по песку.
От лобзаний соленного ветра
Все невзгоды мгновенно забыв,
Покрывает заветные метры ...
И, внезапно - бездонный обрыв.
На секунду застынет у края
Белоснежной, шипящей каймой
И, свой жребий в сердцах проклиная,
Обреченно, обратно домой
Уползает в руины покорно,
И мечтами ласкает тот час,
Когда станет светлей и просторней -
Словно правда, живущая в нас.

Максим ДЕНИСЕНКО

Море

*В мои окна давно не падал фонарный свет,
Да такой, чтоб искомой истомой насквозь пронизан...
Чтобы выжег из мыслей памяти вычурный след
И повел, как по скалам отвесным, гулять по карнизам.*

*До гардин не смеет дотронуться легкий бриз,
Он послушно утих, хоть в народе слывет капризным.
Еще рано вверх и ужасно устала вниз,
Но на входе в бездну никто не требует визу.*

*В этих мутных и необъятных бельмах окон
Видна правда, что не родится и в яростном споре...
Ты - вода, а к воде меня тянет веков испокон,
Как итог - заточение в домике этом у моря.*

*Эти окна закрыты от штурма любых лучей -
Безопасность и скука - девиз переживших горе.
Этот дом так и будет стоять - немой и ничей
В темноте одиночества рядом с любимым морем.*

Натали КОТ

***

Эта женщина — эхо надежд,
Необещанный праздник, сон.
Пересуды..., нет - шепот невежд
На алтарь любви принесен.

Эта женщина лебедь — шипун,
Откровение, блик в ночи.
Стук шагов ее,
как ворожбу,
Как заклятие заучи!

Этой женщине верь и не верь:
Не узнаешь ее по снам!
Утром встанешь, откроешь дверь,
За порогом она — ВЕСНА!

Сергей ПЕТРОВ

Первый снег

Отходя от серости унылой,
Город погружался в первый снег.
Утром шла она неторопливо,
Будто никуда и не спешила.
Замедляло время свой разбег...

Вихрем беспорядочным кружились
Мысли, как снежинки, в голове:
«Может быть, вчера поторопились?»
Мы наверно выглядим смешными!
Первый снег в уставшем ноябре...»

Шапки белоснежные надели
Чопорно, торжественно дома.
А она не знала, что с метелью,
Снова воскресала от забвенья,
Так, как пробуждается зима.

В белое, укрывшись, покрывало,
Город любовался белизной.
Пробуждалось чувство, что дремало
Первый снег любви ее начало -
Нежной, безрассудной и шальной.

Наталья ГЕГЕР

Семья

*Мы с тобой оказались по разные стороны
Неприступной границы враждующих стран.
Нарушают её только ветер да вороны...
Не пройти, не пролезть и не взять на таран.*

*Разрослись между нами столбы полосатые,
Словно жалкие копии стройных берёз...
И все дыры в стене пограничной залатаны.
Расставалась для смеха, а вышло всерьёз.*

*Помнишь, в шутку военные действия начали...
На шесть лет затянулся бессмысленный бой.
И на карте двухкомнатной мы обозначены
Ты - восточной, я - западной "дружной" семьёй.*

*У соседских старушек, охочих до падали
Снова руганью нашей набиты зобы...
Продолжаем войну...Только, думаю, надо ли?
Может сложим оружие..., свалим столбы?*

Екатерина ЛИСИЧКИНА

***

*Мы научились расставаться по чуть-чуть.
Домой с работы приходите немного позже....
Дарить подарки без улыбки , но...дороже,
Не забывая их с обидою вернуть.
Мы научились расходиться по углам,
Чтоб не пришлось любить друг-друга в центре зала...
И жить в границах шлако-блочного пенала
Деля постель не на двоих, а пополам.*

*Мы научились одеяло не тянуть...
Обедать молча и курить у разных окон...
И прятать грусть в побитый молью, старый кокон...
Мы научились расставаться по чуть-чуть.*

Екатерина ЛИСИЧКИНА

У ангелов земных

***

свои причуды

*Мой ангел был - весёлым мужиком,
Хотя другим -
казался жутким гадом.*

*Он много пил, летал не высоко
И очень редко.
Чаще - просто падал.*

*Ему на зло - я прыгала с окна,
Оставив крылья в комнате у двери.
Кричала громко, что не влюблена
Уже давно, и в ангелов не верю.*

*А как то раз - шепнула -
"Улетай!"*

*Открыла окна в комнате пошире...
И он ушёл...забыв за шкафом Рай...
В моей пустой,
обшарпанной квартире.*

Екатерина ЛИСИЧКИНА

*Бокал шампанского, и свечи,
И не на шутку влюблена...
Всё хорошо — но каждый вечер
Она домой идёт одна.*

*И что за блажь —
мечтать безмолвно,
Ложась в холодную кровать,
Что завтра ветреный любовник,
Любимым мужем мог бы стать.*

*И, что воспользовавшись
страстью,
Она сумела бы — как знать —
Своё украденное счастье,
На чьи-то будни променять...*

*Но годы длятся равнодушно,
А ночь по-прежнему пуста.
Сжимают пальцы непослушно,
Давно распятого Христа.*

*И камнем на затылок давит
Подушка, мокрая от слёз...
Любимый завтра всё исправит,
Большим букетом алых роз.*

Феликс САВИКОВ

SKITE
by Talamaska

Гадание

Может о судьбе гадать мне поздно,
Но узнать я свой решился жребий.
Я хотел спросить об этом звёзды,
Только в тучах ночью было небо.

Я вернулся в дом по тёмным кущам,
Обездоленный и сиротливый,
И хотел свой рок узнать по гуше,
Да попался кофе растворимый.

Чтобы вновь не допустить промашек,
Не найдя гадальную колоду,
Я искал ответа у ромашек,
Но случайно сбился я со счёта.

Видно день такой мне выпал ноне,
Что гадание совсем не вышло.
Я бы погадал и по ладони,
Только рук твоих давно не вижу.

Борис БОЛЬШОВ

***

Стая ворон, опустевшее поле,
 Мёрзнет земля
         под дождём морозящим,
 Знаю, позднее окажется болью
 Терпкая радость любви уходящей.
 Лёгкость ещё не страшит
         наши души,
 Грусть покидает земные пределы,
 Ветер тропинки промокшие су-
 шит,
 Возле которых трава поредела.
 Год собирает последние силы,
 Мы, прозревая, смеёмся упрямо
 И вдоль дорог зажигают осины
 Воспоминаний бессмертное пламя.
 Жизнь
         по спирали виток завершает —
 Вроде мы там же,
         но чуточку выше —
 Ветер, что где-то дома сокрушает,
 Тихо над нами деревья колышет.
 Вздрогнула в дальнем лесу одиноко

Тёмная тень потревоженных веток,
 Прежнее горе далёко-далёко,
 Нынешней радостью сердце согрето.
 Новая сущность
         наш день наполняет,
 Освобождая от тяжкого плена,
 Осень опавшие листья сжигает,
 Свежие ветры приходят на смену.
 Вздохом поникшие плечи расправив,
 Ищем забвения в пасмурном небе,
 Горечь в сердцах и улыбках оставив,
 Старая боль
         превращается в небыль.
 В реки дороги за час переделав,
 Дождь по промокнутому полю
         проходит...
 Грусть покидает земные пределы.
 Год на исходе, любовь на исходе...

Ирина МИРОНОВА

***

*...Синь, побежалость, алая -
Цвет на корню губя,
Трудно, как жить, не жалуясь,
Я рисовал тебя.
Клюй небеса по камешкам,
Спи, как дитя во ржи.
Я порисую краешком
Степлившейся души.
Спутав индиго с вишнею,
Лью в подмалёвок мёд...
Кажется, чёлка лишняя -
Впрочем, тебе идёт!
Будешь на фоне дерева
(спор красоты с судьбой).
Если добавлю серого -
Туфли зальёт прибой.
Как нарисуешь женщину*

*Ту, что во сне встречал?
Только веснушки жемчугом
Катятся по плечам.
Стрижка, что впору мальчику...
Пальцы пронзает дрожь;
Если добавлю ямочку -
Кажется, оживёшь!
Имя катаю в шёпоте,
Радугу тебе:
Дай удержаться, господи -
Не рисовать себя
Рядом. В тени. Безбрежная
Наглость, меня спасай!
Коль обернёшься, нежная -
Снова не убивай...*

Егор БЕЛОГЛАЗОВ

Не для всех...

*Мелкой поступью в Бесконечности;
Юной Девой, да по Вечности;
Красной ниткою в Лабиринте ли;
И Ошибкою при Олимпе ли;*

*Кровью пылкою по артериям;
Ржавой вилкою по Неверию;
Пресным дождиком
в Бездушности;
Шатким мостиком
в дикой местности;*

*Ясным Обликом в черной чаще ли;
Белым облаком
в Царстве власти ли;
Всходом Совести
в землях Грешников;
Вечной Повестью -
среди Вестников;*

*Каплей воздуха в мире проданном;
Неопознанным верным подданным;
Личной подписью в Индальгенции;
Беглой прописью на Конвенции;*

*Цветом радуги в серой пропасти;
В море подлости -
хлесткой лопастью;
Буквой первою в Бессловности;
Яркой звездочкой
в Безызвестности;*

*Белым Ангелом в ордах Демонов;
В стаде буйволов - рысью смелю;
Справедливою; Вездесущю...
Будь всегда со мной,
Жизнь дающая!*

Стерх ПЕТРОВ

Хотел укрыть тебя собой

*Как можно позабыть любовь,
И гостем отойти непрошенным.
Наедине, с душою вновь,
И сердцем, снегом запорошенным.*

*Ты снова движешься к мечте,
И путь твой к горизонту стелется.
А помнишь, на моем плече
Ты прошептала : "В счастье верится..."*

*Идем с тобой мы за судьбой
К мечте, но разными дорогами...
Хотел укрыть тебя собой,
Но есть другой, и крылья новые...*

*Сейчас, без крыльев и пешком,
Бреду я, словно покалеченный.
В глазах тоска, а в горле ком,
Ты не идешь уже навстречу мне...*

Валерий МОРОЗОВ

***

Сейчас мы стали страсти палачами,
И стало слишком мало общих тем,
Давно уже не рядом мы ночами,
Мы растворились в прежней суете.
И вот есть мы, но мы уже не те,
Не радуем а только огорчаем.
Безмолвствуя за крепкой чашкой чая.

Иль говорим но непонятный лепет,
Без смысла он, и в общем ни о чем,
Уже давно не вызывают трепет,
Воспоминания где были мы вдвоём.
Мы говорим, но каждый о своём,
Друг другу принося лишь огорченья,
Холодный чай, безвкусное печенье.

И каждый раз однообразен вечер,
Куда приходим мы незная почему,
Зачем нужны с тобой нам эти встречи,
Известно только Богу одному.
И всё порой никак я не пойму,
Ну почему так сильно ранит душу,
Твоя слеза, подкрашенная тушью.

А за окном зима и снег кружится,
Тут сколько ни клянись, не обещаи,
Я жизни не переверну страницу,
Пока я пью с тобой в приглядку чай...

Александр ПЛЕСОВСКИХ

***

Обманулась. Тобой я опять обманулась.
На глаза да на руки твои загляделась...
Может, мне это было не так, как мечталось,
Но, сознаюсь, тебя мне безумно хотелось!

Повелась за тобою, как малый ребенок...
Я за веками прятала мысли, желанья.
Сердце дико кидалось — на волю, на солнце!
Закрутил ты меня, запорошил сознание.

Это было вчера. Может, вечность тому уж.
Целовала твои золотые ресницы.
Обманулась тобою, опять обманулась.
Знала все, но не видела тонкой границы.

И на улицу бросилась вслед, как стояла,
Не обувшись, в халатике легком на стужу,
И кричала, кричала, кричала, кричала...
До глухой хрипоты. Вырываясь наружу.

Больше мне по дороге не пить шальных песен.
Я теперь отпустила тебя. Мне казалось.
Это было вчера. Только вечность тому уж.

Я сегодня, случайно, с тобой повстречалась.

Светлана КУЗЬМЕНКОВА

Я снова пишу тебе письмо...

*Я снова напишу тебе письмо,
И будет оно длинным бесконечно:
О книгах, о картинах, о кино,
О миге жизни и о жизни вечной.

О черных важных птицах на дворе,
И как рассветом пачкаются крыши,
Про звезды, что мерцают в декабре,
Как ярче они кажутся и ближе.*

*Того, чтоб спать до самого утра..
Как рядом согревает кошка место.

Заполню строки всякой чепухой,
Что так бездумно
в голове теснится,
Чтоб ты увидел образ мой живой,
Чтоб ты представил,
как дрожат ресницы...*

*Я снова напишу.. Под шум дождя
О свежестью пьянящем белом снеге,
Как рождена в двадцатом была я,
Как мне живётся в двадцать первом
веке.*

*.....

Письмо, не оставляя на "потом",
Сажусь писать. И вот оно готово.
И лишь о самом важном, об одном,
Не написала снова и полслова.*

*Открою всё о пройденном вчера,
Что ночью не даёт покоя вместо*

Ирина СЕЗАМ

Пожалуйста

Не надо дружбу смешивать с любовью...

Давай - она останется за кругом.

Боюсь я стать твоей сердечной болью,

Остаться я хочу сердечным другом.

С тобою мы совсем уже родные.

Как брат с сестрой. А может- даже ближе.

Пускай так остается. И отныне

Без испытаний от "Люблю" до "Ненавижу".

Друг друга знаем мы намного лучше

И понимаем- грань иголки тоньше.

Так пусть же согревает наши души

Тепло от уважения. Не больше.

Я этим дорожу. Не пустословлю.

Дружить с тобою для меня- большая честь!

Не надо дружбу смешивать с любовью,

Пожалуйста... Оставим все, как есть.

Ирина СЕЗАМ

Почти закончилось вино

Почти закончилось вино -
 Нет более причин...
 Мы оба - призраки
 Давно
 Почивших величин.

Вот-вот засветится ночник,
 Падёт на город мгла...
 Мы - две иллюзии, на миг
 Обретшие тела.

Всю ночь с тобою шепчем вслух
 Набор зеркальных фраз,
 До той поры, пока петух
 Не крикнет третий раз.

Алексей ХАРВИ

Мосты

Я учился тебя узнавать по шагам,
 Голос твой находить
 среди гула толпы,
 Но по нашему руслу ледяная шуга
 Все мосты пустила в распыл!

Я себя не щадил, я мосты наводил,
 Зубы сжав,
 к берегам
 каждый день приходил,
 И столетние сосны,

как былинки валил,
 И себе говорил — как тебе говорил:
 - Никакой ледоход, никакой ураган
 Между мной и тобой

цепь следов не порвет!
 Я к тебе возвращусь по следам —
 по годам,
 Даже если мосты унесет ледоход!

Сергей ПЕТРОВ

В любви никто не одинок...

*В любви никто не одинок,
Никто не брошен, не оставлен.
Свет наших душ - один поток,
От сердца к сердцу он направлен.*

*Все времена, пространства все
Созвучны музыке любви.
Прислушайся и ты к себе,
Той песни звуки улови.*

*И в легком ветра дуновеньи
Ты угадай стиха начало.
Сквозь боль, неясности, сомненья
Любовь тебя всегда встречала.*

*Как теплоту в себе хранит
Луч восходящего светила,
Так свет любви во всем разлит.
И безгранична эта сила.*

*Мы сердцем красоту находим,
Любовью души измеряя,
В свой срок приходим и уходим,
Суть вечных Истин постигая.*

В любви никто не одинок...

Алена ЖДАНОВА

Любимой в канун Яблоневого Спаса

Этот вечер у нас будет сказочный —
Летний вечер в канун торжества.
И луна будет полной и яблочной —
Закружится твоя голова.

Будут яблони венчаны святостью,
Их плодов запылает атлас...
Говорю я, любимая, с радостью —
Свыше послан нам Яблочный Спас!

Верю, Бог сквозь небесные прорези
Наблюдает за нами с тобой...
Быть душе бы в естественном образе —
Не израненной грубой резьбой...

Пред Всевышним, тобою и ближними
С дверцы сердца сорвать бы затвор,
Не кичиться заслугами лишними —
Измениться бы, помня Фавор...

Я тебе полевым колокольчиком
Прозвеню, как ты мне дорога,
Ведь Господь ярким яблочным росчерком
Осенил голых веток рога...

Не дана мне волшебная палочка —
Ты прости, чую в этом вину...
Для тебя достаю просто яблочко —
Так, как мог бы достать и луну.

Григорий ТАЧКОВ

Спасибо, отец...

Как прежде, День Защитника встречаем,
И снова рядом с нами нет тебя,
Не важно, как мы день тот называем,
Историю мы знаем и себя...

Ты знай, сыны тебя не подводили,
Свой долг отдали, и уйдя в запас,
Твой старший сын лежит с тобой в могиле,
А мы со средним тихо пьем за вас...

Живем пока, и внуки подрастают,
И важно, будут помнить ли они
В тот день, когда уж крылья вырастают,
Кто рядом жил, и умирал за них...

Мы память эту пронесем и дальше,
И выпьем рюмку полную вина,
Тебе спасибо, что ты жил без фальши,
За жизнь свою, что отдал нам сполна...

Валерий МОРОЗОВ

***

Как жаль — кончается кассета,
Последний кадр на стене.
Я, путешествуя по Свету,
Живу, мечтаю, как во сне.

Еще минута, и бесшумно
Сорвется занавес во тьму.
Зачем хочу я так безумно
Увидеть новую страну?

Куда качнет мой ветер странствий?
Где окажусь, в какой дали?
В каком искать меня пространстве?
В каких краях моей Земли?

Как жаль — бегу, не зная дома.
Он растворился в тишине.
Мир для меня такой знакомый
И, в то же время, чуждый мне.

Игорь МИТРОШИН

Вот и встретились...

*Зафальшивили медные трубы,
Сбился с ритма лихой барабан.
Век — на прибыль, а вера — на убыль,
И в Тобольске с семейством тиран
Срочно пущен в расход для порядка,
Хоть порядок пока далеко.
...Ах, как билась упрямая прядка
На ветру над пуховым платком!*

*Кумачи над Россиею вьются,
Пули души и судьбы кроят,
Всё запуталось: век революций,
И у каждого правда своя.
Милосердие с варварством рядом.
Будет право на жизнь, но пока
Петроградский Закон и Порядок
Доверяют латышским стрелкам.*

*...Где наряды твои, дорогая?
Соболя голубые на ком?
Ах, как билась та прядка тугая
На ветру над пуховым платком!
Пеплом серым осыпалось сердце
И плита от морозца бела.
...Вот и встретились мы наконец-то
Здесь, на Сент-Женевьев-де-Буа.*

Сергей ПЕТРОВ

Примечание: Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа - на нём, на отдельном участке, погребено несколько тысяч русских эмигрантов, скончавшихся во Франции; некоторые из них широко известны в России и в мире, что даёт основание называть всё кладбище «русским».

Стенька

*Вот и вышел песням срок,
Крылья-весла, где они?
Ты задумайся, браток
Ныне о содеянном,
Ставь, оковы волоча,
На стены зарубины.
Камень плакал по ночам
О душе загубленной.
По засову шарь, не шарь -
Волей кто б побаловал?!
Приготовил Государь
Милость небывалую -
Холст, накинутый на плечи,
Колокольчик тенькает....
Скоро, скоро выйдет встреча*

*Топора со Стенькою.
Догулял, не догулял -
Всё нам воздаваемо.
Мало в небе журавля —
Воли подавай ему!
Уж пускал ко дну волжан,
Никому не кланялся.
Атаманил атаман,
Да доатаманился.
Что-то ныне всё не в масть,
Жизня - раскорякою.
Утро. Плаха заждалась.
Ключ в запоре звякает.*

Сергей ПЕТРОВ

Утро на Чёрной речке

*Сюда приходят и зимой, и летом,
И осенью, когда увянут травы.
Всё также ал тот первый луч рассвета,
А речка также не снимает траур.
Вот выстрел. Крик ворон на мёрзлых ветках,
И приподняться сил хватило еле...
Сверкнул на пальце талисман заветный,
Не спасший от наветов и дуэли.
"Наташу не тревожьте понапрасну,
Была ей в тягость призрачная слава..."
И тень над ним склонённого Данзаса,
Черней и резче на снегу кровавом.
И чудится - сейчас он обернётся,
Как будто мы придти на помощь в силе,
И тихо с побелевших губ сорвётся
Неслыханное: "Пушкина убили..."*

Ирина МИРОНОВА

***

*Дом Ипатьева. Тихая заводь.
Зелень ряски на глади пруда.
Кто бы смог самодержца заставить
Без конвоя приехать сюда?
Всё могло получиться иначе,
И Европа, казалось, близка,
Но расстрел тирании назначен
По указу Уральской ЧК.
Красный отсвет лампад в изголовье,
Жар молитвы, на сердце тоска...
А в лицо дышит смрадом и кровью
Революции лютый оскал.
Ах, прижать бы к себе посильнее
Шесть сердец, что стучат в унисон,
Ночь июльская станет длиннее,
Иль прервётся губительный сон?
Вам в любовной бы мчать круговерти,
А не здесь замирать на штыках,
И навстречу мучительной смерти
Сына он понесёт на руках...
Государь на Голгофу восходит,
По ступенькам спускаясь в подвал,
И о казни, что там происходит,
Разных слухов поднимется вал.
Как хотелось бы верить в спасенье
Под эгидами белых знамён...
Сослагательных нет наклонений
У истории с давних времён.*

Ирина МИРОНОВА

125

*Встречать рассвет тогда, когда немножко сломан,
Нет денег в кошельке и не купить билет.*

*Встречать рассвет, потом устало топать к дому
По улицам пустым под голос в голове.*

Примёрзнуть к кофте (дождь),

к насквозь промокишим кедам,

К пропущенным звонкам, непринятой любви.

*Примёрзнуть к спичкам. Все встречают это лето,
А у меня зима сегодня визави.*

А у меня зима в английском варианте,

С дождями и тоской по душным кабакам.

Танцую болеро в развязанном пуанте.

Ни шагу за флажки, лицом к железным псам.

Ни слова в пустоту, слова горят на коже,

Подобно кислоте съедают изнутри.

Слова пусты, и я впустую с ними тоже

Плюю в свои мечты, ты только не смотри.

Из бронзы на коне, оставил дома шпоры,

На маленькой скале- великий русский Царь

И каменные львы глядят на нас с укором

*За то, что мы, щенки, одели небо в гарь.
За то, что мы - глупцы, за то, что потеряли
Достоинство и честь, плюём на праотцов.
За то, что на любой из двух сторон медали-
Протянута рука, полуразрушен кров.
За то, что на любом промёрзшем переулке
В одной из ста квартир повешен чёрный флаг.
За то, что мы мозги прогнали к проституткам,
Глотаем все смешки, когда наш топчут прах.
Звонят колокола, под них мы тоже взвыли.
От блеска куполов с трудом отмыли взгляд,
А небо как ножи пронзили наши шпиди.
На каждый шаг вперёд по три бегом назад.
На каждый шаг вперёд по две пустых парадных.
Фонтанка, Мойка, Цирк и Чижик на цепи.
Сто двадцать пять, пускай давно уж не блокадных.
Сто двадцать пять- вердикт, а ты сиди, дыми.*

Александр ЗЫРЯНОВ

Вокзал

*Дышал ожиданием людный перрон.
Состав приближался с далекого фронта,
Клубящимся дымом, как птичьим пером,
Коробя небес воспалённые бронхи.*

*Отчаянно фыркал, протяжно хрипел
И вдруг, обессиленный, горько заплакал,
Уткнувшись в плечо молчаливой толпе,
Шинелями серыми в старых заплатах.*

*Рыдал, словно старец, склонившийся над
Растрезанным трупом любимого сына.
Внезапно заметив безжизненный взгляд
Старушки, в колеблемой ветром, косынке,*

*Неловкость почувствовал за слабинку,
Коснувшись холодной, задумчивой стали,
И, вытерев слезы, за пару минут
Поленом в костре горизонта растаял.*

Максим ДЕНИСЕНКО

***

И снова под ногами пыль и гравий
 И тощий рюкзакишко за спиной.
 Играет ветер в поддавки со мной.
 Лопачу километры я ногами.

Всё та же степь и роща и ручей,
 Что гордо местные зовут рекою.
 Я водяную мельницу построю
 И станет на ручье том веселей.

Поставлю перед мельницей запруду
 Чтоб было где купаться ребятам
 А то река та по колено мне.
 И "олимпийцы" это не забудут.

И снова пыль и гул грузовиков,
 Тропы полей, репейник на штанинах,
 Огромный трактор

на болотных шинах

И на проселке свежий след подков.

Я попрошу у деда с "козьей ножкой"
 - Дай порулить мне на твоём коне.
 В усы он ухмыльнётся мне
 Даст вожжи

и подвинется на дрожках.

И сколько бы я землю не топтал
 Среди машин асфальта и заводов
 Живым я был -

на старенькой подводе

Когда конем уставшим управлял.

И снова пыль, и вид

"больных" дорог,

Колдобины залитые водою

И дом над полноводною рекою

И, ожидающий меня, порог...

Юрий КОРЗИКИН

Необыкновенный концерт

О концерте Вагнера в Тель-Авиве

Однажды я совсем случайно
Узнал из сообщений прессы,
Что нам концерт необычайный
Даст симфонический оркестр.
Ещё узнал я, что отважным
Быть нужно, чтоб пойти решится,
И, что ещё немаловажно,
Что что-то может там случиться.
С шуршаньем занавес раздался.
Сев к сцене вполупорот
Закрыв глаза я наслаждался
Гармонией чудесных нот.
Вот Зигфрид - белокурый дылда
В воображении моём
И пышнобёдрая Брунгильда
Воинственно трясёт копьём.
Но под экспрессией прилюдий,
Под приглушённый звук тромбонов,

Тихонько покидали люди
Партер, и ложи, и балконы.
Вдруг, словно разрывая тучи,
Фаготы затрубили разом.
И звук божественных созвучий
Внезапно пробудил мой разум.
Я вспомнил, что под эти звуки
Евреев повели не к Горе,
А, обрекая их на муки,
Толпой сгоняли в крематорий.
Всё, что в Освенциме хранится:
Лишь фотографии, да кости.
И экспонаты Аушвица
Нам говорят о Холокосте.
Нельзя нам их простить! Такое
Пусть никогда не повторится.
Негоже пребывать в покое,
Пока подобное творится.

*Касается ли это буров,
Или хорватов, или сербов.
У каждого своя культура,
У каждого свой гимн и гербы.*

*Чех пиво пьёт, зулус пьёт брагу,
Швед белобрис, француз носатый...
Не важно под каким ты флагом,
Серпастым или полосатым.*

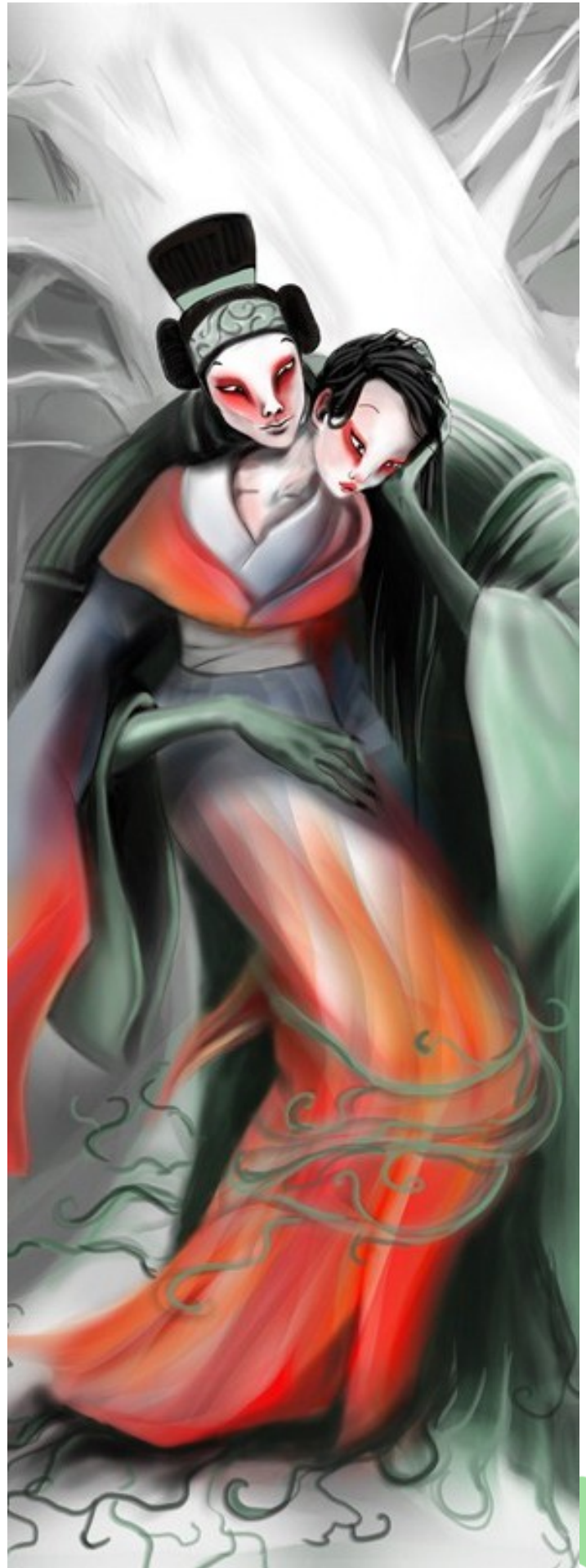
*Католики и протестанты,
И мусульмане, и равины,
И кришнаиты, и сектанты -
Мы перед Господом едины.*

*Нельзя людей травить за веру,
За нацию, за вид, за расу.
Хоть православный, хоть неверный,
Хоть красный, жёлтый, чёрный,
белый -*

Мы все земляне!

Все мы братство!

Борис БОЛЬШОВ

В Гефсиманском саду...

*Отгоните собак, палача придержите на время -
Всё равно мне от ваших плетей никуда не уйти.
Я прогневать посмел ваше славное гордое племя,
Тем что стал поперёк - на широком и светлом пути.*

*Я обманывал вас, говоря вам о совести спящей,
Я смущал вас сомнением, пытаюсь склонить к мятежу.
Я ведь знал - эта жизнь в мятежах не становится слаще.
Только как я об этом усталым и нищим скажу?*

*Вы простите меня - отвалите с души моей камень.
Да пребудете с миром - клянусь, я вам зла не хочу!
Всё, что было со мной, повторится когда-нибудь с вами...
Но найдётся ли тот, кто пред вами затеплит свечу?*

Феликс САВИКОВ

Песенка на эшафоте.

*Я был казнён — сегодня, ровно в полдень,
Под звуки флейт, и шорохи дождя.
Погоны прочь, и сорван старый орден —
Им, может быть, кого-то наградят.*

*Сквозь чёткий строй прошёл до эшафота,
В последний раз взглянув в глаза солдат.
В ответ глядел из них сурово кто-то,
А кто-то сник, и мутный спрятал взгляд...*

*Бил барабан, и я, с петлёй на шее —
Досадный ляп в статистике войны...
Штыки блестят, и стяги гордо реют,
Даря глоток предсмертной тишины.*

Феликс САВИКОВ

***

Путаюсь мыслями. Хрупкие плечики
Шаль обнимает. Свеча на столе.
Что же наделали, странники вечные?
Что нам такого в этой стране?
    В робких березах, заснеженном полюшке,
    Дымке туманов и свете крестов?
    В диких просторах, бессмысленной волюшке,
    В бликах янтарных святых куполов?
Ну почему же на солнечном берегу
Тихо, бессуетно нам не жилось?
Что же рубаху чужую всё мерили?
Что же по Родине сердце рвалось?
    Хмурой, безрадостной миною встретила
    Та, по которой рыдали вдали.
    Та, о которой жалели и бредили,
    Та, где встают на прикол корабли.
Там, за морями, за сутками поездом,
Сердце рвалось от вины и тоски.
Здесь же колышется мёрзлыми грозами,
Нет мне покоя и твердой руки.
    Ты приняла, как мятежных изменников,
    Вмиг растоптав всё, чем я дорожу.
    Мы навсегда — тени преданных пленников.
    Вера угасла. Я — уйду.

На возвращение Цветаевой в Россию

Марьяна ТАРАСОВА

***

*Надоело скульпить и кидаться в морось,
Разрывать былое, запирасть по полкам.
Не хочу объяснять, что такое гордость,
Не хочу учить я охоте волка.*

*Не хочу лепить сквозь оскал улыбку,
Напряженность фраз выдают пробелы.
Не хочу опять вместо слов — ухмылку —
Судорог плети дождём по телу.*

*Выпила море чужих ошибок,
Чьих-то просчетов, ненужных танцев.
Не помогла череда прививок,
Не удалось мне собой остаться.*

*Я разучилась кидаться в омут,
Ластиться кошкой, шептать на ушко.
Тихо влюбляться в осенний город,
Смеяться ярким зимы игрушкам.*

*Глупые пляски связали руки,
«Мы таковы» - не дано природой.
Но, если в жизни в почёте — с**и,
Что тут грешить на измену моды.*

Марьяна ТАРАСОВА

***

Мой маленький город - моя немудрёная родина.

Герани в окошках, и ласточки на проводах.

У каждой калитки берёзка ль, рябина, смородина.

И мальва с ромашкой в задумчивых тихих садах.

К тебе я влекусь большаками, тропинками, весями.

Тобою томлюсь наяву, в забытьи и во сне.

Ты всюду со мной соловьиными чудными песнями.

Тебя я прошу: не забудь, не забудь обо мне.

Наталья ВЕШНЯЯ

***

Симург

*Мне уже никогда не родиться -
Вечной тени из призрачных снов,
Потому что на улицах Праги
Был убит рядовой Иванов.*

*Мы с ним умерли сразу, и вместе
Ткнулись в землю устало лицом -
Я и тот белобрысый парнишка,
Кто уже мне не станет отцом,*

*Папкой, батей, а я ему сыном...
Или дочкой... Теперь не узнать...
А еще - у меня было б имя
И, конечно, любимая мать,*

*А еще... Но навечно останусь
Я лишь тенью из призрачных снов,
Потому что на улицах Праги
Был убит рядовой Иванов.*

Михаил БАРЫШЕВ

*Все отчетливей день за днем.
Полководец и демиург.
А на знамени, на моем-
Звонко крыльями бьет Симург.*

*Может в пальцах судьбы моей,
Расплетается, рвется нить...
Лист дрожит
над безумством дней...
Ах, как хочется полюбить...*

*Ах как хочется все успеть,
Пересилить и побороть...
В полный голос кричать и петь,
Воспевать молодую плоть...*

*Выше-небо и хладен пол.
Дальше к центру-за кругом круг.
Пепел выложит ореол.
И из пепла взлетит Симург.*

Владислав ДВОРЖАК

Город

Меня на карте нет давно.

Я - город-призрак, город-странник,

Забывтый временем изгнанник,

Но мира горнего - окно.

Как тень несметных пепелищ,

Развалин, занесённых снегом -

Я будто никогда и не был,

Я так родился - наг и нищ...

В песках пустынь, на дне морей,

Мой сон никем не потревожен,

И мой удел совсем не сложен -

Пугать пророков и царей.

Веков земных ужасный сон -

Мне несть числа, имён и судеб,

Но день придёт, и править будет,

Всем миром - новый Вавилон...

Феликс САВИКОВ

Питер

В этих странных холодных улицах
 Замирает течение времени.
 А в парадном опять целуются,
 Искры — словно по камню кремнием.
 Там промозглым усталым вечером,
 Сквозь привычную марь дождливую
 Бродят, кутая шалью плечики,
 Дамы, щурясь на взгляды львиные.
 Темной гладью, в гранит закованной,
 В отражении — ночей бессонница,
 Греет душу Нева. Бестолковой
 Длинной жизнью течет-торопится.
 Этот город, дождливо-сумрачный,
 Завлекает дворцами в прошлое.
 Тут и Спас, на крови замученный,
 И на Смольном играет солнышко.
 Здесь в нечастые дни погожие
 Кружит ветер стылые запахи.
 Улыбаясь, идут прохожие,
 Лица свету вперед распахнуты.

А на Марсовом прыжки да салочки,
 Бегожня да детские песенки.
 В Летнем снова
 влюбленные парочки,
 С рук орешками кормятся белочки.
 Уж под вечер, в закатном мареве,
 Слепит шпиль на далеком острове.
 Серый дым Петропавловки каменной
 Растекается мёрзлыми грозами.
 Скоро крыльями над бессонницей
 Распахнутся мостов созвездия,
 И луна бледно-желтой угодницей
 В окна Зимнего светит и сердится.
 А под утро привычная изморось
 Спеленает проспекты и крепости.
 Хмурый дядька спешит,
 не выспавшись,
 Очертит путь-дорогу
 по местности.

Марьяна ТАРАСОВА

Домский собор

Мне всё обрыдло и постыло.
 Я выпил расставанья зелье.
 И брёл осенним днём унылым
 По рижским улицам бесцельно.
 Перед моим угасшим взором
 Возник знакомый абрис храма.
 И я шагнул во мрак собора,
 На миг забыв о личной драме.
 Лучи заката, как-то сонно,
 Сквозь стекла пыльные струились.
 И блики витражей оконных
 Цветными пятнами ложились.
 Безлюдно. Тихо. На органе
 Заметил ноты партитуры.
 Какой-то юноша в сутане
 Перебирал клавиатуру
 Как будто неохотно, с ленью.
 Я был в тени. А он на сцене.
 Он руки опустил к коленям

И ... вдруг потряс аккордом стены.
 Как кающийся грешник к Деве
 В мольбе протягивает руки,
 Рванулись из костёла в небо
 Старинного органа звуки.
 Я, затаив дыханье, слушал
 Божественного Баха фуги.
 И мне басы взрывали душу
 И сотрясали сводов дуги.
 И это было, как скрижали.
 И бытие казалось чушью.
 И слёзы счастья очищали
 Мою израненную душу...
 Давно поднялись в бесконечность
 Аккорды старого клавира.
 А я стоял, казалось, вечность
 В согласии с собой и Миром.

Борис БОЛЬШОВ

Хамсин

*Вновь хамсин задул, могучей лапой
Разметав пески пустыни Негев.
Солнце, как неоновая лампа,
Освещает синим светом небо,
Листья пальм трепещут
как страницы
Древних книг,
давно ушедших в Лету,
Словно по команде смолкли птицы,
Только слышно завыванье ветра.
Зной объял безлюдных улиц струны,
Пылью красной всё вокруг застило...
А перед глазами облик юный
Той, что в сердце так и не пустила.*

Борис БОЛЬШОВ**Ориенталь**

*Не сотрут из памяти твой облик
Грациозность женщин-туарегов,
Тремоло гортанных резких воплей,
Солнце жаркое пустыни Негев.
Ни хамсинов зной, и ни сирокко,
Зыбких миражей-обманов виды
Не позволят избежать мне рока,
Не помогут мне тебя увидеть.
Не нужны верблюдов караваны,
Не нужны костры в песках и дюнах.
Утром, днём и ночью неустанно
Вспоминаю я о деде юной.*

Борис БОЛЬШОВ

***

Очень тихо,
очень мягко
Бродят тени в старых сказках.
Пожелтевшие страницы,
Как морщинистые лица.

И, касаясь осторожно,
Время пыльное надежно
Их баюкает на полках-
Спите принцы,
спите волки.

Спите феи,
гномы спите
И волшебный вечер ждите,
Вдруг
какой-нибудь мальчишка
Вспомнит вас,
заглянет в книжку.

Алена ЖДАНОВА

Полинкина зарядка

Если ночью спали сладко -
Утром делаем зарядку
Повторяем мы прием
Даже вечером и днем:

Мы ко рту поднимем ножку,
Пожуем носок немножко
И не важно, что на вкус
Это вовсе не арбуз

Нам такие упражненья
Поднимают настроенье
Разрешим мы сменой поз
И практический вопрос:

Дул в окошко ветерок -
И немножко нос промок.
Нет платочка - не беда:
Под рукой носок всегда.

Валентина БАЛАШОВА

Дружок

Садись, Дружок, тебе найдётся место,
Родители в гостях, а нас не взяли,
Да и когда вернутся — неизвестно,
Ушли и ничего не обещали.
Немного грустно, только я не плачу.
Вот булка — дам тебе я половину!
Пойдём, найдём в саду наш красный мячик
И побросаем в старую корзину.
А можем и побегать для начала,
Среди кустов, по жёлтому песочку,
Но, чур, не прятаться, а то вчера искала,
А ты, как Диоген, забрался в бочку.
Скажи, Дружок, а можешь ты поверить,
Что я однажды стану взрослой тоже,
Уйду, а ты останешься у двери,
На лапы морду грустную положишь,
И будешь ждать... Не веришь?! Ну и верно!
Дай, обниму тебя и чмокну в носик!
Ведь тот, кто знает, как в разлуке скверно,
Надолго друга одного не бросит!

Ирина МИРОНОВА

Колыбельная для Вероники

*Тихо маленькая мышка
Где-то там за печкой дремлет,
Спят игрушки, даже книжка,
Спит и дурачок Емеля.*

*Где-то спит в лесу избушка,
Что стоит на курьих лапах,
В ней Яга спит на подушке,
Поджидая русский запах.*

*Где-то спит принцесса в замке,
Спит Ивашка - дурачок,
Серый волк и серый зайка,
Повернулись на бочок.*

*Спит в болоте принц- лягушка,
Цапли тоже крепко спят,
Не разбудишь даже пушкой
Этих сказочных ребят.*

*От мала все до велика
Спят уже и видят сны,
Дочка наша Вероника,
Закрой глазки и усни.*

*Пусть тебе приснится сказка,
Пусть хорошим будет сон,
Пусть с тобою будет ласков
И утром станет явью он.*

Александр ПЛЕСОВСКИХ

Времена года

За морозной колкой длинной
Вьюжной снежною зимой
Выступает март ревнивый
И апрель течет рекой.

Приласкает теплым солнцем,
Почки лопнут — скоро май.
Раскрывай скорей оконца!
Сарафаны доставай!

По жаре июньской грозы
Разметают белый пух.
Летом не страшны морозы,
Ветерок же — лучший друг.

Нежным запахом клубники
Разбудил меня июль.
В августе в глуши черника
Да орехов свежих куль.

В сентябре пойдут опять.
Тихой моросью поля
Вновь укроются. Ребята
За тетрадками сидят.

Серой влажной пеленою
Укрывает в октябре
Дождик. Зябкою порою
Не сидится во дворе.

В ноябре зима пытаться
Вновь вступить в свои права,
Первым снегом укрывает
По ночам, в тиши, дома.

В декабре опять метели,
Санки, горки да снежки.
Заморозились качели,
Новый Год уж у двери.

Марьяна ТАРАСОВА

Лесник

Черт возьми! Говорил же начальнику — нечего делать на этой делянке... Отправили! Какой толк от моей работы здесь? Лес не строевой, подроста мало...Семенных деревьев нет и в помине... Нет, кому-то срочно понадобилась эта делянка. И почему мне всегда достаются самые убогие уголки? Хоть бы избушка добрая была. Так, сляпали на скорую руку. А мне куковать тут! Сменщик, зараза, даже не удосужился крышу подлатать. Вон, какая дыра. Надо хоть жердей натаскать, прикрыть...Мох бы еще найти. Где я зимой мох найду? Ладно, проживем... Не впервой!

Пойду прогуляюсь по участку. Хоть оценить хозяйство...

Так, это что у нас? Кедровник, что-ли? В документах не числится... Дерево-то большое, как разведка пропустила? Ну-ка, что у нас интересного? Старые деревья, да еще на болоте росли. Плохая древесина из них будет. Запомним — на делянке четырнадцать кедров. Какое-то разнообразие хотя бы... Надоел уже ельник этот. Помню, на прошлой делянке затянуло всё елью. Весь молодняк задушило в тени. Хорошо, что вырубил...Там теперь молодой соснячок посадили. И то пользы больше. Грибы появились, маслята. Маслята —они вкусные... Проголодался я что-то. Пора к избушке топать. Избушка у меня неприметная, с маху-то и не найдешь...

Нашли! Вот это новость. У меня гости, оказывается, на участке шастают. Пойду поговорю...Мужик с дочкой гуляет. Как вас сюда занесло? Девочка кричит что-то. Да погоди, поближе подойду, не слышу из-за ветра...Что она там кричит мне? А нет, это она папе кричит:

- Папа, смотри! Белочка!

Белочка, значит? Теперь понятно, как они нас называют...

Ну, что, гости дорогие, надеюсь, не с пустыми руками пришли? Орешков принесли? Отлично!

Иду, иду...А то проголодался тут уже!

Анатолий ЛАНДЫШЕВ

Провансальский мотив...

*Неправда, что муза в сраженьи молчит,
Что в дымном застольном угаре уютней!
И волю давали мы голосу лютней,
Когда наши недруги брали мечи.*

*По звону струн шаги во тьму легки.
Мы шли вперёд, погибших не считая.
Земле дарили бранные тела их,
А ветру отдавали их стихи.
И знали: пробуждённая природа
Не видит кровь на бархате восхода.*

*Дорога являлась на первый наш зов,
Виляя лохматым хвостом поворотов.
То тёрлась у ног, то искала кого-то,
Теряясь за серой грядою холмов.*

*Радушием нас вечер привечал,
Уставших в бесконечных переходах.*

*А мы с улыбкой целовали воду
Из горного хрустального ключа.
И ударяли струнами по душам,
Чтоб выбить горечь мыслей о минувшем.*

*Мы видели сердце в бутоне цветка,
Мы слышали плачи тоскующей ивы,
Мы знали всё то, что другие могли бы,
Когда бы душа подсказала им как.*

*Нам лютня наполняла вечера
Прекрасными и яркими тонами,
И звонкой песней мы кормили пламя,
Усевшись у походного костра.
За каждый день судьбу благодарив, мы
Несли в чужие жизни наши рифмы.*

Алексей ШТРИКОВ

Ночь Фавна

Луна среди тревожных облаков
Явилась бледным призрачным опалом
И звук её крадущихся шагов
Спугнул ночную мглу, что вдруг пропала.

Посеребрились острые края
Высоких тополей и кипарисов.
Мерцали листья словно чешуя
На фоне их темнеющих абрисов.

В плющом увитой каменной стене
Зиял проход к останкам римской виллы,
Дразнила взгляд, белея в глубине,
Она манящей тайной древней силы.

А за стеной скрывался старый сад:
Разбитый перед треснувшим фасадом
Незримые столетия назад,
Зарос травой и диким виноградом.

Умолкнул в центре навсегда фонтан,
И статуи скучали у скамеек,
Но лишь одна, в углу, в ночной туман
Смотрела мрачно, говорить не смея.

Там Фавн стоял рогатый у стены
Со страшным ликом греческого бога,
И пастушок из-за его спины
Свирель держа в руке, робел немного.

Казалось, фавн чего-то выжидал
Прищурив веки в страстном нетерпении...
И этот час желанный вдруг настал,
Когда послышалось свирели пенье.
Коснулся лунный луч его лица,
Глаза из раскалённого металла
Открылись вмиг и с прытью беглеца
Он спрыгнул с мраморного пьедестала.
За ним помчался робкий пастушок,
Спешили оба к выходу, смеялись.
И стук копыт и громкий топот ног
В ночной тиши от сада отдалялись.
Цикады стрекотали сгоряча,
Плыл аромат левкоев и жасмина.
В далёкой сонной роще у ручья
Встречали дорогого Господина.
Послышались оттуда голоса
Поющие на вымершем наречье,
Там ликовали нивы и леса,
И радовались долгожданной встрече...
Стоят безмолвно статуи в саду,
В углу одной лишь нет на пьедестале -
И люди, что на виллу забредут,
Узнают, что случилось здесь? Едва ли.

Юлия БАРКО

Море помнит о нас...

Море помнит о нас...
Сквозь кровавую дымку заката
Проступил горизонт,
Запах яблок и странные сны.
Мы с тобой не умрём,
Хоть уже умирали когда-то,
Но теперь мы вернулись назад,
Мы зачем-то легенде нужны.

Море помнит о нас...
Белой чайкой сквозь шторм
Над волнами
Чёрной птицей беда поднялась
Из холодных глубин.
Потеряв горизонт, я не знаю,
Что станется с нами,
Ведь в легенде героям нельзя
доживать до седин.

Море помнит о нас...
Старый замок укрыли туманы,
Луч последний стрелою из туч,
Ветер рвёт паруса.

Как богов не проси —
Не затянутся старые раны.
Бесполезно теперь у черты
Проклинать небеса.

Море помнит о нас...
Долгожданный корабль за мысом,
А ладья без руля уж готова
Отправиться в путь,
Все в грязи паруса,
И цвета потеряли свой смысл,
Так найди в этот час в себе силы
Кому-то надежду вернуть.

Море помнит о нас...
Пусть легенда останется вечно
В шуме волн, в криках птиц,
Предвещающих новый рассвет.
А когда мы умрём,
Мы с тобой не бессмертны, конечно,
То любовь проживёт ещё сотни
И тысячи лет.

Надежда КОРНЫШОВА

Песня дракона

Из поэмы "Вандервельт"

По мифам, испокон веков,
Землёй рождённый,
Я был свободен от грехов,
Как махаоны.

Во снах я бабочкою был,
Порхал над садом,
Но мир меня провозгласил
Исчадьем ада.

Я за добро платил добром,
Пел на рассвете,
Мои чешуйки серебром
Сверкали в свете.

Но люди, изрыгая гнев,
Меня изгнали.
Мои чешуйки, почернев,
Красу теряли.

Я для жилья нашёл провал -
Вулкан опавший,
И только пламенем пугал
Всех докучавших.

Произвела меня земля,
Ну, что ж такого?
Леса, долины и поля -
Её основа.

А люд, забыв про землю-мать,
Что родит хлеб им,
Молился - "Дарит благодать -
Рождённый небом.

Он незлобив, безгрешен, мил,
Всё сделать может.
И он не пожалеет сил
Зло уничтожить".

Меня Георгий победил,
И я убит им,
Копьём меня с коня разил,
Топтал копытом.

Повержен я среди могил
В грязи и в пыли
(Заметьте, ведь не я убил -
Меня убили).

А он, вернувшись на "парнас",
Воспет поэтом.
Так кто же злыдень был из нас:
Я или этот?

Я ел пыльцу, не города,
В садах летая.
К чему приводит иногда
Молва людская.

Борис БОЛЬШОВ

Песнь о Скади

*В Нифельхейме, среди снегов,
В логове седых туманов,
Есть Убежище шумов-
Горы льдистых великанов.*

*В тех краях не тает лед,
Воем будят ночью волки,
Ветер гонит птицу влет,
Мечет снежные иголки.*

*Ноги быстры, глаз остер,
Вечно мчатся б так с ветрами,
Мерять лыжами простор
И охотиться с волками.*

*Нрав горячий, даже льдом
Не сковать, не остудить,
Дух свободен и орлом
Волен выше гор парить.*

Только горечь в сердце бьется

- *Нет печали той конца!*
-

*Хитрость Локи обернется
Асам мстью за отца.*

*Стоило лишь появиться
В Асгард Скади, стало ясно:
Расхотелось асам биться-
Великанша так прекрасна!*

*Чтобы Скади гнев унять,
Один очи Тьяци кинул
В небо, звездами сверкать,
Взор отца живет, не сгинул.*

*С асами вражда ведется
Великанов с давних пор,
Но коль Скади рассмеется,
То заключит договор.*

*Бог-насмешник, бог лукавый
-Снова отличился Локи,
Шутку выдумал на славу!
Вызвал смех, утихли склоки.*

*Пусть любовь растопит стужу,
Жаждут боги откупиться!
Мир в обмен на выбор мужа-
Выбор по ногам, не лицам!*

*В ряд ступни босые...Он!
Бог весеннего рассвета,
Смех его - капли звон,
Бальдр-бог любви и света.*

*Нет, ошиблась, выбран ею
Ньёрд-морских стихий властитель,
Впредь супруг разделит с нею
Водный мир, свою обитель.*

*Но тоска сжимает душу,
Вместо гор - морские глади!
Крики глупых чаек слушать?
Вой волков приятней Скади!*

*Никогда не сможет Скади,
Так влюбиться в шум прибоя,*

*Чтоб развежиться в усаде
Теплых, пенных бразг у моря.*

*Ньёрд - божественный супруг,
Хоть охотник, но морской.
Он чужой среди снежных вьюг,
К жизни не привык такой.*

*Что ж теперь, по уговору,
Девять дней живут с тех пор,
Чтобы избежать раздора -
То у моря, то среди гор.*

*И когда шторма бушуют,
И темнеют воды в горе -
Ньёрд в стране снегов ночует,
Нет хозяина у моря...*

Алена ЖДАНОВА

Старик и девочка

Сценарий Арт-кино

Далее (Инт- интерьер, Экст — экстерьер)

Предисловие.

Город. Главные герои дедушка и внучка. Старик вдовец. Живут вдвоем, несколько месяцев назад в автомобильной катастрофе погибли родители девочки. Старик находится в подавленном состоянии и никак не может оправиться от потери дочери и ее мужа. Девочке 5 или 6 лет, рано повзрослевший ребенок, очень рассудительная и с фантазиями.

Утро

Инт. Квартира из 3-х комнат. Гостиная.

В комнате старик, стоит у полки и смотрит на фото, на котором изображено счастливое семейство — муж, жена и маленькая девочка. Берет в руки рамку с фото и рассматривает поближе.

Проносятся кадры аварии, скорая помощь, похороны...

Крупным планом лицо старика. Губы плотно сжаты, лицо окаменевшее, серое.

Голос девочки из кухни.

- Василий, завтрак готов.

Старик медленно кладет фото на место и шаркающей походкой идет на кухню. На кухне во взрослом фартуке стоит на маленькой скамеечке девочка и достает с полки тарелки. На столе нехитрый завтрак — что-то пожарено в сковородке и чай. Дед подходит к ней, целует в макушку и помогает накрыть на стол.

Старик

- Ты твердо решила называть меня Василий?

Девочка

- Так звала тебя бабушка... теперь и я тебя буду так звать. Садись.

Они садятся за стол, начинают завтракать. На улице летний солнечный день.

Старик

- Что мы сегодня будем делать?

Девочка

- Гулять будем. Ты ешь, ешь. Щеки совсем худые. К дяде Семёну ходим, он давно звал... а еще купим витамины в аптеке.

Старик

- У нас вроде есть.

Девочка

- Витаминов много не бывает, мама мне каждую неделю давала. А теперь и тебе надо тоже.

Девочка забирает у него тарелку и несет в мойку. А потом выкладывает в тарелку пряники.

Девочка

- Пей чай, остыл совсем. Горе ты мое луковое.

Старик

- Почему луковое?

Девочка задумавшись.

- Потому что когда режешь лук, всегда плачешь. Вот и ты...

Старик, отрываясь от чая, с беспокойством.

- Плохо о тебе забочусь? Плохой я дедушка Настенька.

Девочка подходит к нему, обнимает, гладит по голове.

- Ты самый лучший дедушка в целом мире... пойдём гулять.

Экст. Улица. Старик сидит на скамейке, девочка играет рядом с песочницей.

Кадры улицы — лето, люди куда то бегут, шум машин, зелень... затем кадр со скамейкой. Старик сидит как статуя, в лице нет жизни... от скамейки как будто

вееет холодом.

Девочка

- Василий, а ты знаешь, где сейчас мама с папой?

Старик, как будто очнулся, с тревогой в голосе.

- Они далеко Настенька. Я же тебе рассказывал уже.

Девочка

- Я помню, что ты рассказывал. Я думаю они живут на небе, там и бабушка где то живет. Недалеко. Они гуляют там взявшись за руки, а когда бывает радуга, они ходят по ней как по мосту... и когда доходят до середины, на саамый верх, то оттуда смотрят на нас.

Дедушка, подымается, подходит к ней. В глазах слезы.

- Конечно. Все именно так и есть. — обнимает ее.

Девочка

- Не плачь деда. Они все про нас знают, просто они очень высоко и им нас плохо видно... и радуга бывает редко. Но я знаю, что мы сделаем... это пока секрет. Вот у тебя скоро день рождения , и я сделаю тебе сюр... сюрприз.

Старик

- Родная моя, я тебя очень люблю ... очень.

Девочка

- И я тебя очень, сильно сильно.

Старик немного отходит и вытирает слезы.

Девочка

- Но ты деда более счастливый.

Старик

- Более счастливый? А кто менее?

Девочка

- Ну я конечно, какой ты недогадливый.

Старик

- И почему ты менее счастливая?

Девочка

- Вот ты выше ростом. Так?

Старик

- Ну да.

Девочка

- Вот видишь — так. Значит тебя увидеть маме с папой гораздо легче чем меня.

Старик обернулся к ней и замер, смотрит не отводя глаз.

Девочка

- Быстро я не вырасту , вот и получается что тебя увидят а меня нет.

На этих словах у девочки впервые за все время появились в глазах слезы. Старик быстро подошел к ней, поднял и посадил к себе на плечи.

Старик

- Увидят, родная моя. Вот так... а если надо, я буду держать тебя на вытянутых руках.

Старик кружит девочку, потом он останавливается но продолжает держать ее на руках.

Девочка, водит руками по морщинам.

- Какой ты красивый.

Старик

- Какой же я красивый, старый, весь в морщинах. Это ты у меня красавица.

Девочка

- Ничего ты не понимаешь к красоте Василий. Вот у меня лицо какое?

Старик, задумавшись.

- Какое?... маленькое, с розовыми щечками. Когда улыбаешься появляются чудомочки...

Девочка перебивая

- Да да. Но какое?

Старик

- Ну еще есть носик, глазки — голубые голубые...

Девочка

- Оно гладкое.... скучное и неинтересное... как у пупса.

Старик

- Ну ты скажешь такое, глупенькая!

Девочка

- А у тебя морщинки (водит пальчиком), как узор на кружеве. И можно смотреть долго... и каждый раз все по-разному. (пальцем подымает бровь) Чуть-чуть изменил и все. Ты другой. Как будто у тебя много лиц.

Дедушка

- Быть тебе философом. Ты как старый мудрый гном, только что симпатичнее.

Девочка захохотала. А старик грустно обнял ее.

Экст. Кладбище. Старик и девочка у могилы ее родителей. Поправляют цветы, уходят.

Старик

- Вот. Хочешь поговори тут. А я маленько прогуляюсь. (Уходит)

Девочка (одна)

- Бедный Василий. Я то знаю, что вас тут нет. Но ничего, совсем скоро мы увидимся, только вы и Василию покажитесь, он совсем несчастный. Не поверил мне про радугу... я это поняла. А здесь мы будем все убирать, чтобы красиво было... ему кажется легче тут.

Старик (вернувшись)

- Ну что, пойдём Настюша.

Девочка

- Деда, а вот когда показывают людей по телевизору, они в телевизоре сидят?

Старик

- Нет конечно. Это на пленку все записано... нам только картинки показывают уже. А люди эти совсем в других местах ходят, живут. А что ты вдруг спросила?

Пауза. Крупный план лицо девочки.

Девочка

- Да так. Ничего Василий. Пойдем.

Инт. Квартира. Девочка на кухне моет посуду стоя на маленькой скамеечке, в том же фартуке. В гостях у них дядя Семён — друг старика. Они в комнате.

Камера на кухне. Слышны только голоса из комнаты.

Девочка временами прислушивается к разговору.

Голос Семёна

- Совсем не заходишь. Уважил бы старика, заглянул.

Голос старика

- Обязательно зайду. Но не сейчас. Не могу.

Семён

- Хватит врать-то. Не зайдешь ведь. Совсем с лица спал. О девчонке надо думать, жить надо, на ноги ее ставить. А ты совсем ... как мертвый ходишь. Я твой друг — потому прямо тебе говорю.

Старик

- Не верю я больше Сеня. Нельзя было этого допустить. А он допустил.
Инт. Комната со стариками.

Семён

- Не нам с тобой об этом рассуждать. Веришь, не веришь. Я говорю жить надобно.

Старик

- Я живу.

Семён

- Праздник нынче, а ты меня злобствуешь. Пошел я . Приходи Вася, и девчонку приводи, если не о себе, то о ней подумай.

Семён уходит.

Экст. Улица. Магазин. Старик покупает торт, фрукты. Идет домой (подборка кадров на улице) Заходит в аптеку, покупает витамины.

Инт. Квартира. Кухня. На столе стоит торт, небольшая , но праздничная сервировка.

На кухне девочка. Заходит старик.

Старик

- Нууу, хозяйшкa ты у меня. Какой стол накрыла. (подходит и целует в щечку)

Девочка

- Василий! Поздравляю тебя с именинами! Будь всегда здоровый, красивый и... улыбайся. Я тебя очень люблю.

Старик , расчувствовавшись.

- Спасибо родная моя девочка. Спасибо. Все у нас будет хорошо. Вот увидишь. Совсем скоро... просто надо подождать ... чуть – чуть. (спохватившись) Ой, я ведь витамины купил.

Вышел из комнаты и вернулся с коробкой. Протянул девочке.

Девочка

- Не забыл. (улыбнулась)

Старик

- Как можно. (и ласково посмотрел на нее).

Экст. Церковь со звонницей – очень высокая башня с колоколами. Там

работает звонарем Семён.

У звонницы старик и девочка.

Старик

- Ну, мы уже прям к церкви подошли, и где же твой сюрприз?

Девочка

- Он там (показывает на вершину башни) наверху.

Старик (недоуменно)

- То, что ты затейница я знаю. Но туда мы не пойдём.

Выходит Семён.

Семён

- Ааа, вот вы где. Пришел таки.

Девочка

- Здравствуйте дядя Семён. Веди нас.

Семён

- Ну пойдёмте, пойдёмте.

Старик

- Я вижу тут заговор у вас. Хорошо, подчиняюсь большинству. Но методы не одобряю.

Семён

- Вот и хорошо, что подчиняешься. Вот и хорошо.

Инт. Наверху башни, там где колокола. Семён привел их и спустился.

Панорамные кадры.

Старик берет девочку на руки.

Девочка

- Ближе уже нельзя. Красивоооо. Даже дух захватывает.

Старик

- Дааа. Здесь даже дышится по другому. Человек должен иногда видеть горизонт, даже психологи об этом говорят.

Девочка

- Я не знаю что такое горизонт... ты мне потом расскажешь. Хорошо что ты очков не носишь.

Старик

- Ты о чем это Настюша?

Девочка (радостно)

- Смотри радуга... радуга!!!

Кадр с радугой.

Старик (потрясенный)

- Действительно радуга.

Девочка

- Вот сейчас, сейчас, им нужно время чтобы подняться на нее, и тогда они нас увидят! Обязательно увидят! Деда смотри, ты только не пропусти!

Старик и девочка не мигая смотрят на радугу ...

Вдалеке появляется стая голубей, они летят справа налево мимо башни, и пара голубей, отрываясь от стаи подлетает совсем близко к башне и кружит недалеко от нее, прям напротив старика и девочки.

Девочка

- Это они! Я же тебе говорила, говорила! Это они!

Старик , потрясенный смотрит на кружащихся голубей, слезы текут по щекам, но он УЛЫБАЕТСЯ. Впервые за долгие месяцы. (Начинают бить колокола, мелодично и не очень громко)

Кадры звонницы, улыбающихся старика и девочки, радуги и удаляющихся голубей.

Конец

Жанна БОГУСЕВИЧ

Желудь

Сценарий фильма

-Вы никогда не пробовали проращивать желудь в цветочном горшке в квартире?

-Нет. А..а зачем?

-Дубы растут медленно, сотни лет. И умирают тоже, очень медленно. Иногда их смерть длится годами.

-И что?

-Не знаю... Может...Нет, впрочем неважно.

-Хотя...Может, если посмотреть со стороны, то можно увидеть как могучее дерево становится карликом. И каждый его порыв к небу опережают острыми ножницами. Рывок и лязг стали. Рывок и лязг стали. А он затихает. Растет так как ему приказано. Мельчает. Становится уродом, посмешищем для братьев живущих на воле...И умирает... Много-много лет. А на него смотрят, любят, полагая что он смирился и живет так, как хочется людям.

-Слушайте... Послушайте, вы! Зачем вы все это мне рассказываете?

-Не знаю, зачем. Может потому что хочу что бы вы услышали меня...

-Так я вас и так слушаю. Вы какой то странный. Вы что так всю жизнь... вите в облаках...Не понимаю..

-Вы плохо думаете обо мне...

-Плохо? О Вас? Нет конечно. Да с чего вы взяли?

-Я чувствую...

-Вы мнительны. Для этого разумеется есть основа.

-Какая еще...основа?

-А вот такая. Человек боится, практически всегда боится, что кому-либо станут известны его слабые стороны. Его пороки. И даже, если никто пока не заметил их, он мучается, страдает, в ожидании разоблачения. В вас есть недостатки, отклонения, неизвестные скажем мне, но прекрасно известные вам. Вы проговариваетесь о них, подозревая кого-то.

-Кого, вас? Нет, я не подозреваю...Я лишь не понимаю того, почему один человек

начинает, вдруг, ни с того ни с сего ненавидеть другого. Ненавидеть подсознательно, безрассудно... Хотя на все, на все в этом мире есть причина. Несхожесть хотя бы.

-Несхожесть? Да вы о чем?

-Бросьте, вы отлично понимаете о чем я. Человек любит лишь то, что похоже на него. Кардинально отличающееся от нас способно вызывать лишь отвращение, ненависть. Неважно, лучше оно или хуже. Главное что непохоже...

-По-моему вы больны. И знаете об этом. Анамнез ваш на лицо...

-Ах, так вы уже собираетесь лечить меня...хорошо...Вы наверное добрый человек, просто доброта странная очень...

-Лечить вас? Как же вы все же мнительны... Нет, не собираюсь, я не врач. Ешьте больше сладкого-вам наверняка не хватает радости.

-А нужна ли радость человеку? Думали вы когда-нибудь об этом? Если человек творит что-то, он обязан страдать. Быть вселенским чувствилищем. Не давать заживать своим ранам... А понятие "счастья" отупляет и погружает в сон...

-Что то вас потянуло на философию... А что, так просто жить как все люди не получается? Зачем придумывать новые сложности? Жизнь то и так не сахарная...

-А если не думать и не страдать то и жить может, не зачем.

-Ну а вашему дубу-желудю в горшке тоже нужны страдания? А мечты его стать деревом? А законы природы на которые вы подняли руку?

-А может эти страдания приносят ему наслаждения? Как безумцу который мечтает что бы толпа растерзала его... Как идиоту, который режет себе руки и бьется головой об стену... как...

-Извините, люди сами выбрали себе такую участь. А причем тут растение? Его, простите закрепили и изувечили вы, а не он сам себя.

-Страдания возвышают... Они заставляют мыслить... Даже наш с вами разговор -страдание. Для нас обоих. Но вы говорите со мной, потому что... возможно и вам... это доставляет наслаждение... Терзать другого и терзаться самому... Вы бы ударили непонравившегося вам незнакомца?

-Нет разумеется. Никогда.

-И даже, если бы знали что он не ответит вам?

-Нет.

-Но словом можно ранить больнее... Куда больнее... Можно убить... И все же вы позволяете себе ранить других, даже совсем-совсем незнакомых... Почему же так?

-Перестаньте юродствовать! Вы и раньше меня удивляли, наверное своим инфантилизмом, но говорить по этому поводу не хотелось, да и не хочется. Правда вижу, что ошибался в вас. Вы не инфантильны, вы изощренны. В вас патологические задатки, которые вы маскируете, и надо отдать должное, умело. Эдакий "безобидный человечек" с

Извините, мне пора. Не хочется время тратить на ерунду.

-Вы так и не поняли меня.

.....
Хлопает дверь, один из собеседников выходит из кафе и широко шагает по улице. Другой продолжает стоять у стойки и вертеть в пальцах стакан. Солнце ползет к закату, заливая город и лица тревожным красно-оранжевым светом. Сзади шаги. Стоящий у прилавка поворачивается назад. В его ввалившихся глазах блестят никому непонятные слезы.

....Послушайте...Вы никогда не пробовали проращивать желудь в цветочном горшке в квартире?

Владислав ДВОРЖАК

День смеха

Случилось это давно, в дни моей незабвенной молодости, когда солнце светило ярче, свет луны навевал романтические фантазии, а первого апреля хотелось разыграть весь мир, чтобы люди весь день смеялись и были счастливы. Работал я в то время администратором цирка шапито. Администратор, как вы правильно догадались, - это тот самый человек, который выходит на арену перед каждым номером и громогласно объявляет: "А сейчас, уважаемая публика, перед вами выступит единственный и неповторимый маг и чародей! Вам ужасно повезло! Проездом из Пекина в Париж..." Ну, и так далее.

А надо сказать, - звездой нашего цирка в те времена был некто Бенгальский Артём Леопольдович. Мало того, что отчество у него было львиное, но, в дополнение к этому звериному отчеству, был он ещё и дрессировщиком тигров. И не каких-нибудь, а самых свирепых - бенгальских. Характер у Артёма был под стать его подопечным, и злые языки утверждали, что в прошлой жизни он был саблезубым

тигром, о чём неопровержимо свидетельствовал его громкий раскатистый голос, рыжеватая шевелюра и покровительственная манера поведения по отношению ко всем без исключения. Даже директору цирка доставалось от его высокомерия. И конечно, среди своих тигров он всегда был неоспоримым лидером и вожаком стаи.

В тот день, тридцать первого марта, мы немного поцапались с Бенгальским, а так как был выходной, представлений не было, то зашли в соседнюю кафешку и решили сгладить шероховатости в отношениях с помощью небольшой дозы спиртного. Сначала всё было очень даже хорошо и весело, но спустя какое-то время тигриный характер Артёма снова вылез наружу, и на извечный вопрос: "Ты меня уважаешь?" я уже не мог бы ответить утвердительно.

Моё мужское самолюбие играло в поисках какого-то конкретного выхода из создавшейся ситуации. И выход нашёлся. Пусть не сразу, по крупицам, но

медленно и верно, в моей разгорячённой винными парами голове зрел коварный план, достойный средневековых иезуитов. Я ждал, и когда концентрация алкоголя в крови моего собеседника достигла определённой, заранее рассчитанной мною величины, приступил к реализации задуманного.

Усилием воли сфокусировав непослушные зрачки своих глаз на носу у Бенгальского, я назвал его по имени, а затем возможно более ровным и внушительным голосом сообщил своему обидчику, что завтра с утра наш цирк снимается и переезжает в другой город, представления отменяются и уже к вечеру завтрашнего дня он должен со своими тиграми быть за триста километров от кафе, в котором мы с ним сейчас сидим. Так решил директор, и ничего здесь не поделаешь. Не теряя времени, я заставил Бенгальского достать огромный мобильник с антенной, совсем недавно появившуюся первую модель, и позвонить своим ребятам, чтобы готовили тигров к переезду.

Когда стало ясно, что план сработал, злость и обида моя на Артёма сразу улетучились, уступив место

благодарности и даже жалости к поверженному сопернику. Мы ещё выпили на брудершафт и чуть не в обнимку покинули гостеприимную кафешку. Я дал себе слово, что завтра утром обязательно позвоню Бенгальскому и со смехом сообщу ему о состоявшемся первоапрельском розыгрыше. Куда мы в этот вечер заходили, сколько пили и как я добрался домой, об этом лучше не спрашивать. В голове весь вечер звенели слова песни Высоцкого "Считай по-нашему, мы выпили немного...", а ноги несли куда-то вдаль, на поиск новых приключений...

Первого апреля я проснулся поздно. Посмотрел на часы и ужаснулся. До начала представления оставалось совсем немного времени. Приведя себя в относительный порядок, вышел из гостиницы и поспешил туда, где раскинулся родной шатёр нашего цирка. За суетой дел я совсем забыл о Бенгальском, о его тиграх и о данном себе обещании. Вспомнил я обо всём этом только в антракте, когда рабочие начали расставлять на манеже решётку для хищников. Ко мне подошёл директор и спросил, не знаю ли я, где находится Бенгальский?

Нехорошее предчувствие чем-то острым больно кольнуло под ложечку, и я предложил директору позвонить Артёму по мобильнику. Важно достав точно такой же телефон, как у Бенгальского (на весь цирк только у двоих была новая связь), директор набрал номер. По ходу разговора его лицо начало меняться, приобретая тот грозный вид, которого до смерти боялись все наши циркачи, вплоть до последней уборщицы.

Не дожидаясь момента, когда грянет гром, я молнией выбежал на улицу, но не нашёл фургона с тиграми на месте, где он стоял ещё вчера днём. Обернувшись, увидел директора, который вышел вслед за мной, и с каменным выражением лица наблюдал за моими действиями. Бессвязное моё бормотание и невнятные оправдания не произвели на главу цирка абсолютно никакого впечатления, а его слова дошли до меня только со второго раза:

- Сам будешь отрабатывать всех тигров!

Тут меня потащили в уборную и стали наряжать в ужасный, пахнущий

нафталином костюм бутафорского тигра. Я ужаснулся, увидев себя в зеркале, но в фойе уже звенел последний звонок, и "тигра", как дикого зверя, подвели к арене и вытолкали за решётку к зрителям. Дикий мой рёв выглядел вполне естественно и вызвал смехок у публики, а когда за решёткой появился один из клоунов с огромным кнутом и страшными усами, да ещё в костюме дрессировщика, мы совершенно неожиданно сорвали гром аплодисментов.

Кнут "дрессировщика", как выстрелы пистолета, стучал по моим больным похмельным мозгам, заставляя "тигра" совершенно естественно метаться по арене, изредка кидаясь на отделяющую его от зрителей решётку и чуть не грызя её зубами. Ах, как мне хотелось на волю: туда, где сидели совершенно свободные люди, где не было беспощадного, бьющего по мозгам кнута! Но не тут-то было! Меня усадили на одну из тумб и заставили прыгать туда-сюда сначала просто так, а чуть позже через горящее огненное кольцо.

Голова моя болела всё сильнее, но тут на арену выскочили бутафорские лошади с коровой и принялись бодать друг друга, время от времени нападая на

меня. В глубине кулис я видел довольное улыбающееся лицо директора, а вся обслуга дёргалась в конвульсиях, чуть удерживаясь на ногах от непрерывного хохота, продолжавшегося уже минут пятнадцать. Мне стало совсем не по себе. Наконец, зрителям надоело наше кривляние, и они стали аплодировать, всё настойчивее требуя настоящих тигров. Я чуть держался на ногах, но выходить из вольера к директору мне почему-то совсем не хотелось.

Почти без сил, последним покинув арену, я весь обомлел и чуть не упал в обморок от того, что увидел за кулисами. Клетки с тиграми непостижимым образом стояли на месте, а улыбающийся Бенгальский готовил своих питомцев к выходу на публику. Он подошёл ко мне, дружески похлопал по плечу и, не обращая внимания на мои выпученные глаза и открытый рот, весёлым добродушным

голосом произнёс: "Первый апрель! Никому не верь!"

Вот тут уже все, кроме тигров, легли nОкатом. И только директор с Бенгальским ещё держались на ногах - положение обязывало. Фургон с тиграми, оказывается, Артём ещё утром спрятал в глубине стоянки, чтобы первоапрельский розыгрыш был достовернее. А его ребята, которые весь вечер накануне зря готовились к переезду, решили отомстить мне таким неординарным способом.

Я понимаю юмор, и на следующий день мы все снова были друзьями, но с тех пор, как только обслуга на арене начинает устанавливать решётку, меня почему-то тянет уйти и спрятаться от греха подальше.

Валерий РЫБАЛКИН

Товарищ Фурманов и картошка

Как люди создали себе богов? А вот так: жили себе меж людей Герои (ну и Антигерои, естественно, ибо это — суть две стороны одного и того же). Жили они, значит, совершали свои Поступки, а потом умирали (чаще — от ран, реже — от старости, но тогда это были уже не совсем герои и Путь у них был короче, хотя жизнь длиннее). И когда Герои уходили, люди писали Песни, в которых рассказывали не только то, что Герои сделали, но и то, что могли бы сделать, если бы .... И эти Песни становились фольклором, и к ним приписывали всё, что смогли присочинить, уже следующие и следующие поколения. А через много поколений те Герои, которым «биографы» приписали самые невероятные поступки, перешли в разряд Богов, а оставшиеся стали Богатырями. Это очень долгий процесс. Но он продолжается и продолжается, потому что у каждого поколения появляются свои Герои. Есть они и у нас. Только Песен сейчас люди не пишут. Какие уж тут Песни в такой-то спешке? Так, коротенькие рассказы про отдельные Подвиги. Анекдоты. Но приписывают Героям и сейчас предостаточно. Смеются

над ними, говорите? Да не совсем так: любят их. А смеются не над Героями, а над штампами, нет-нет, да и появляющимися в Официальных Песнях, которыми кто-то пытается «регулировать процесс».

Но это, так сказать, присказка. Сказка вся впереди....

- Черный ворон, что ты кружишь... - выводил задумчивый баритон.

- Ой, да над мое-ею голово-ой? — присоединялся фальцетик.

В полутёмной горнице, освещаемой двумя свечечками, за большим деревенским столом с расстеленной на нём политической картой мира, сидели двое: высокий худощавый усатый военный в португее, при нагане и сабле (явно командир), и веснушчатый паренёк в сбитой на затылок кубанке. Примерно в районе центральной Африки стоял перевёрнутый чугунок, а Австралия была погребена под кучкой отваренной картошки «в мундирах» (по-солдатски).

Командир время от времени брал картофелины из кучки и перекладывал на какой-нибудь материк стараясь поместить их точно в границах разноцветных государств. Самая большая картофелина лежала на чугушке. Второй, который попроще, внимательно наблюдал и подпевал, но при этом всё время старался встрять с вопросами, глупыми и не очень.

- Василь Ваньч, а Василь Ваньч, а вот буржуев разобьём, ты что в первый день коммунизма делать будешь?

- Я Пётр, точно тебе этого сказать ...ну никак не могу, потому что ... - рука его протянулась к кучке и новая картофелина легла на Апеннины - ... потому что ... - картофелина переместилась в Бельгию - ... потому что этого тебе никто не скажет. Вот соберусь я сегодня, к примеру, к товарищу Фурманову в гости сходить, а он возьми, да и приди ко мне, будь он неладен! И сорвалось моё гостевание! Форс-мажор называется.

Словно в ответ на эти слова в сенях затоптали сапоги, загрохотало пустое ведро и раздался забористый мат. Потом по двери в поисках ручки

заскреблась ладонь и, наконец, в горенку шагнул мордатый человек в полушубке.

- Чтоб тебя...! — пробурчал человек — понаставили тут вёдер! Привет, Чапай! Привет, Петька!

Командир, не выходя из задумчивости, ответил:

- И Вам, товарищ Фурманов! И Вам привет! Хоть и виделся уже сегодня. И не один раз. Не один... раз!

И ещё одна картофелина отправилась из Австралии в Европу.

- Ты, Чапай, книжечку, которую я тебе давеча давал, не изучил ещё? Вот от! Классиков марксизма-ленинизма у тебя времени нет почитать, а с картошкой баловаться — время нашёл! Дай-ка, попробую?

И товарищ Фурманов взял в руки самую большую картофелину, с чугушка.

Петька сделал большие глаза и, отобрав у товарища Фурманова

картофелину, сказал осуждающе:

- Товарищ Фурманов, ты, ядрёна вошь, зачем диспозицию ломаешь? Ты, ядрёна вошь, не просто атаку срываешь, ты войска командира лишаешь! Тебя марксизм что, этому учил, ядрёна вошь?!

Фурманов хотел ответить тёмному несознательному элементу, но в это время в сенях опять загрохотало, и в горницу ввалилась кряжистая девица в красной косынке. За собой она катила станковый пулемёт. Девица резко распахнула створку оконца, взгромоздила «Максим» стволom на подоконник и закричала в сумерки:

-Тра-та-та-та-та!

Затем, ни слова не говоря, лихая пулемётчица утащила своё оружие на улицу, прогрохотав по сенцам, задевая стены и пиная сбитое товарищем Фурмановым ведро.

Фурманов изумлённо спросил:

-Чего это она?

- Учения, — коротко ответил Чапай, - но патронов у нас только на пару очередей!

- В бог-га душу мать! — только и смог сказать товарищ Фурманов.

Потом сидели, ели австралийскую картошку (Европу по молчаливому уговору не трогали) и пели уже на три голоса. Товарищ Фурманов пел громко, но сильно фальшиво. Выходило настолько противно, что в курятнике переполошился старый петух, не вовремя просипел зарю, и по всему селу завывали собаки.

Первым из троицы не выдержал Петька:

- Товарищ Фурманов, прекрати ты, Христа ради! Накликаешь беды!

- Петька, ты элемент первобытной буржуазной эпохи, - отозвался товарищ Фурманов. — Суеверный ты, просто сил никаких нет! И с религиозностью своей ты у меня прекращай! В светлом будущем нет места мракобесию и народному опиуму. Ты, как Чапайский ординарец, должен идейный пример бойцам несть, а не «христоскаты» по всяким поводам. Ты

же - боец красной армии. Так лучше выматерись, а не причитай, как баба неразумная!

- Да Василь Ваныч, чего он привязался-то? Алементами пугает, понимаешь! Товарищ Фурманов, ты ж сам, как баба неразумная, про алименты-то говоришь! Или у тебя «интересы» какие немужицкие появились? Василь Ваныч, объясни ты ему про богов! У нас ещё по чекушке осталось за печкой.

Самогон был настолько крепок, что у славной троицы полыхнула в глазах заря всеобщей победы. Василий Иванович подкрутил кончики усов.

- Как люди создали себе богов? А вот так: жили себе меж людей Герои (ну и Антигерои, естественно, ибо это — суть две стороны одного и того же). Жили они, значит, совершали свои Поступки, а потом умирали (чаще — от ран, реже — от старости, но тогда это были уже не совсем герои и Путь у них был короче, хотя жизнь длиннее). И когда Герои уходили, люди писали Песни, в которых рассказывали не только то,

что Герои сделали, но и то, что могли бы сделать, если бы .... И эти Песни становились фольклором, и к ним приписывали всё, что смогли присочинить, уже следующие и следующие поколения. А через много поколений те Герои, которым «биографы» приписали самые невероятные поступки, перешли в разряд Богов, а оставшиеся стали Богатырями.

- В бог-га душу мать! — выдохнул товарищ Фурманов, беря очередную картофелину.

- Василь Ваныч, а вот мы кем будем, как ты думаешь?

- Тут, Пётр, у кого как сложится. Один может и до верха дойти, а другой — только песенником останется!

Где-то за огородами плескал волной Урал. И до утра оставалось совсем немного.

Сергей ПЕТРОВ

Иван да Марья

- Водки бы я выпил, Марья!
- Так пей, чай ить знаешь, где стоит-то....
- Кончилась у нас водка, Марья! Ещё ночью кончилась!
- Ай ли всю выпил? Так сельпо-то — вон оно, накинь чо, да и сбегай....
- Так денег нет, Марья!
- А по сундукам-то пошарь, Иванушко, ай ли государство казной оскудело?

Вообще-то я не ведьма, как люди считают. Так, поколдовываю немножко, как любая женщина: присушить-приворожить, глаза отвести, колики снять, температуру сбить, голову задурить.... Мало ли какая нужда у людей?! Им — облегчение, мне — копейка лишняя. А зовут — Марьей. Марьей — искусницей.

Это я чего на голоса заговорила: Ванька мой в запой уйти пытается, тоска у него такая. Дважды в год. Одна — весной, другая — осенью. Сейчас вот — весенняя, с ней всегда полегче было: утром ему похмельный синдром выколачиваю, а ко сну — дурь лишнюю. Он себя — в запой, я его — оттуда.

- Ты, - говорит, - Машка, мне градус не сбивай, я, - говорит, - своему организму хозяин!

Пей, хозяин! Водка горло обжигает, а до желудка минералкой доходит, да ещё витаминами обогащённой. Весь его запой — лишний раз по малой нужде сбегать. Трудно мне с ним: царская буйная кровь, детские капризы, привычка к роскоши. Чего захотел днём ли, ночью ли — дай, да и всё!

Тридцать три года без малого отмучалась. Осталось четырнадцать дней, и рухнет страшное заклятье, обернусь я снова зелёной лягушечкой, буду по кочкам скакать, на солнце греться и жить без забот. А уж с Ванькой, с царевичем, пусть престарелые родители разбираются. Ишь, набаловали!

... Что там осталось на сегодня? Ковёр с зодиаками соткать, к вечернему пиру мёда наварить, на крыльце брус подгнивший заменить да пару черепиц под коньком, и отдыхай — не хочу! ...Да, баньку еще натопить и веников заготовить. ...И квасу пенного жбан похолоднее. ...Забыла чего? Нет, всё, вроде!

Доля ты, доля женская! Вон морщина какая через весь лоб! Так вот пенсия подойдёт — живи, вроде, в своё удовольствие, да только ни красоты уже, ни здоровья. На что, на кого лучшие годы свои потратила?!

... Ну надо же было Яге под больную ногу в неурочную минуту попасться!

Сергей ПЕТРОВ

Ироничные миниатюры

- Вы мне не нравитесь.

- Вы мне тоже.

И оба разошлись довольные, что удалось прийти к взаимопониманию.

- Кто вы по образованию?

- Филолог.- Тогда прекратите гладить моё существительное, потому что я сейчас выскажусь прилагательными и перейду к глаголам!

Долгожданное послание было настолько секретным, что его было рекомендовано сжечь не вскрывая.

Он был так красив, что все оборачивались. Она была так некрасива, что на нее тоже все оборачивались. Ну как они могли не встретиться, если все только на них и смотрели.

Размышления мальчика:

- Почему если уколоть шарик он лопнет, а если уколоть девочку она надуется?

Не плюйте в душу. Если она выплюнет на вас всё что накопилось, вы захлебнётесь.

Илона ГОРДЕЕВА

Рыбари

Широкая, как речной разлив в займищах, растеклась по небу заря. Ни постука, ни шороха, ни крика. На земляных кровлях тощие деревца сутулятся ветру. Сонные перед избами кивают травы. Роса серебрится на цветах луга, на мхах срубов, на ископытной пыли тропинок. Рваным холстом ветер стелется в травах, поземшишь с холодной выси, и пьет росы, и поит им воздух окрест, и тот стоит влажный и росяной, напоенный ветром.

Над лесом, с восточной стороны, намазано словно наотмашь теплое рассветное марево. С ним беленая синь сутемени предваряет рождение зари. Засучив сермяжные порты, сгорбленный старик боком спускается по глиняной окатице к речной горловине в заводь, где на тонких сваях плещется в льняных мрежах ночная рыба. Зашел в неглубокую воду, непослушными в старость руками, ссохшимися, дрожащими, стал разматывать хвосты мрежей, кряхтя и горбясь, распутал их наконец и выволок сеть на берег.

- Скурата.— хрипло, слабо проронил. — Скурата! Окаянец!.. Лезь досель. — задирая на сухой шее тонкую бороду, дед крикнул куда-то вверх, на

луговой берег. Оттуда скоро донесся шорох, шелест травы, к береговому обрыву вышел лохматый, колченогий отрок, на вид зим тринадцати. Со сна, видать, долго еще глядел не моргая на крохотного деда, потом дернул головой и, промычав утробно как-то, махом спрыгнул вниз прямо к воде. Тотчас сел рядом, взялся вместе с ним выпутывать из мрежи рыбину. Старик глянул с прищуром, дернув головой на внука, прохрипел строго:

- Пестерь-то взял? — тот растеряно поднял очи в ответ. — Ты, говорю, пестерь для рыбы взял?! — почти криком на него внука, и махом по затылку затрецину. Цепляясь за траву руками, несвязно мыча, отрок взмыл по берегу к лугу, пропятал вдоль отвеса высокими росистыми травами, холодящими стопы. И на самом Син-мосту, на высоких его над водой бревнах, замер. За лесным озером, за гребнями синих елей в мгновение лопнула малиновая пелена, и по стремнине Роси, по ивам и красноземам берегов, ударил золотом первый рассветный луч.

Федор ФЕОКТИСТОВ

Иногда

Как чудесно иногда почувствовать себя Девочкой... Наивной, маленькой, озорной... Подурачиться, пошалить, покапризничать... Зная, что стоит только поморгать ресничками с невинным видом, - и любая шалость простится и превратится в "милое баловство" . Зная, что стоит только надуть губки и придать слезных ноток в голос, - и любой каприз будет выполнен. О, нет! Не ужасные пакости и не заоблачные запросы! Нет! Чуть-чуть... Иногда... Чудесно...

Как приятно иногда почувствовать себя Королевой... Прекрасной, загадочной, недоступной... Поуказывать, ощутить свою высоту, "понебожительствовать"... Зная, что стоит только показать (нет, даже не пальчиком) - взглядом на желаемое, - и его тут же подадут на блюдечке с голубой каемочкой. Зная, что стоит только улыбнуться, - и весь мир (сконцентрированный сейчас в одном мужчине) - у твоих ног и счастлив от этой улыбки. О, нет! Не сумасбродные приказы и не высокомерные понукания! Нет! Чуть-чуть... Иногда... Приятно...

Как прекрасно иногда почувствовать себя Женщиной... Любимой, желанной, единственной... Не хозяйкой, не домработницей, не экономкой-гувернанткой-добытчицей-хранительницей. Нет! А.. - Женщиной. Красивой, обожаемой, оберегаемой, страстной, хранимой, слабой, ценимой. Девочкой, Королевой, Победительницей и Побежденной. О, нет! Не Богиней!... Женщиной. Чуть-чуть... Иногда... Прекрасно...

И когда это- хотя бы- "чуть-чуть" , хотя бы- "иногда" происходит.. - какую щемящую нежность и безграничную благодарность ты испытываешь к тому, кто эти ощущения тебе подарил... Хотя бы на день... Даже, если он потом о тебе и не вспомнит, - ТЫ будешь помнить. И вспоминать это чувство снова и снова. До следующего "чуть-чуть" , до следующего "иногда"...

p.s. Мужчины играют в любовь ради секса. Женщины играют в секс ради любви...

Вы когда-нибудь видели, как рвутся бусы?..

Вы когда-нибудь видели, как рвутся бусы? Внезапно. Вдруг. Как-то разом. Нить перетирается, и бусины сыплются, подсакивая, искрясь и закатываясь туда, где их уже не найти. Много ли ты успеешь удержать в горсти? Все ли удастся собрать? Лёгкий вскрик (от неожиданности). А потом - или смех (ну надо же!), или сожаление (вот чёрт!!!).

Моя нитка перетёрлась. Рассыпались бусы. Не хочется собирать.

Галина КАЮМОВА

На обочине тумана

Даже если мы обмакиваем кисть в чёрную краску и широкими мазками раскрашиваем мир вокруг в цвет собственного отчаяния; даже если мы рисуем исключительно оранжевым и голубым, наделяя фантастическим искрящимся светом всё, что находится за гранью собственного Я, мы всё равно живём на обочине тумана.

Потому что жизнь соткана из полутонов. Потому что нет только "да" и только "нет" - бывает ещё "может быть" и "наверно". Потому что жизнь всегда больше, чем всё остальное. Потому что всегда есть некая завеса, которая лишь чуть приподнимается, не открывая до конца всех тайн, которые скрыты за ней...

Игра в прятки. С миром, с самим собой, с судьбой. На обочине тумана...

Галина КАЮМОВА

Круги на воде

Бросаешь камень в воду — круги на поверхности: один, другой, третий... Кажется, нет им конца. И всё-таки! Вот он, тот, последний, за которым лишь лёгкая рябь.

Так и в жизни. Брошенный камень тонет, а круги остаются. Размыкаешь первый, а за ним ещё и ещё. Думается — не добраться уже до края, не вырваться, не преодолеть...

В миг безысходности и отчаяния, когда стальным обручем сдавит горло и опустятся руки, вспомни те круги на воде.

Галина КАЮМОВА

Прощание

Ты стоишь напротив меня.

Подгоняемые ветром жёлто-коричневые листья скользнули по твоим туфлям, пытаюсь закружить тебя в танце. Падают капли дождя. Я чувствую, как они стекают по твоей коже. Тебе ведь нравится? Ты нарочно подставляешь лицо начинающемуся дождю. Я знаю, ты подумала о зонте, но решила, что не стоит его раскрывать. Я чувствую, как мокнут твои волосы, несколько прядей прилипли к твоей щеке, но ты не будешь их убирать. Да? Не бойся, я тоже не стану этого делать.

Я прикоснулся губами к твоему затылку и вздрогнул, потому что вздрогнула ты. Я ведь чувствую всё, что чувствуешь ты. Помнишь? Молчи... Тебе не нужно ничего говорить. Я знаю всё, что ты хочешь сказать. Нет... Я знаю, всё, что ты можешь сказать.

Я спрошу только одно, но ты не отвечай. Ты будешь счастлива?.. Я долго стоял и смотрел вслед тебе. Ты была уже далеко, но я до сих пор слышал ответ...

А зонт так и остался лежать на скамье, и капли дождя упорно отбивали свой ритм.

Юлия ВОЙЦЕХОВСКАЯ

Почему уходят близкие?

Почему уходят близкие? Они уходят, оставляя нас без кожи и точки опоры в расколоте, перевернутом мире. Почему все так? Почему, почему, почему? Сотни, тысячи "Почему?".

И нет ответа... Только звенящая тишина... Мы пытаемся понять какой-то немислимый закон, по которому все случилось, мечемся в бессилии отмотать киноленту жизни назад, туда, где все хорошо и безоблачно и замираем от осознания происходящего. И только время в силах помочь, превратить боль в тоску, а тоску в грусть. Только время.

Валентина БАЛАШОВА

Мысли вслух

***

Когда любовь становится горькой, постепенно перерастая в ненависть, когда умирает вера и ставит на своей могиле фундаментальный монумент, когда мечты рушатся вдребезги, как хрупкое стекло, остается только одно чувство — нечто инстинктивное, заложенное свыше и существующее независимо от тебя самого — надежда. Таким образом, в человеке всегда сохраняется потенциал и ничтожно малое количество силы, готовой проявиться в определенный момент. И этот момент настанет.

***

В этом мире всегда за все нужно платить и ничего нельзя получить просто так. Чтобы что-то приобрести, нужно сначала что-то отдать. Но вот незадача — человек приходит в этот мир абсолютно голым и изначально у него ничего нет... но правда у него есть одна универсальная валюта — та, что котируется на всех высших уровнях, которую он может обменять практически на что угодно — его собственная боль. Позволяя рвать себя на части, отдавая свою душу на растерзание и теряя при этом жизненную энергию, человек приобретает

возможности, границы которых иногда трудно себе представить... Это просто закон... И он действует вне человеческого понимания... Не важно, кому служит человек — Богу, сатане или себе самому. Чтобы использовать человека как ресурс — необходимо, чтобы он вначале заплатил определенную цену за ту силу, которой должен обладать... И даже когда тьма хочет использовать человека в своих целях, когда она готовит его долгое время, выхаживает, обучает и возвращает — все равно, чтобы этот человек стал великим и совершил великое зло на земле, ему вначале придется пройти через великую боль... Это просто закон... Универсальный для всех и абсолютно не взвешивающий на лица... безэмоциональный, холодный и расчетливый механизм... Как одна из граней справедливости, является основой вселенского мироздания...

***

...Мне пришлось разрушить твой дом, чтобы ты смог увидеть дорогу, которая была за этим домом...

Максим ПЕРФИЛЬЕВ

Остановка

Жарко было. Солнце слепило, томило зноем, сухостью сковывало губы. Пожилая женщина в миткалевом белом платке, и девочка лет шести с бантом на пшеничной макушке, сидели, поодаль дороги, на сколоченной из бревен, покрытой неотесанными досками, скамейке. За их спинами простиралось пожелтевшее ячменное поле. За полем возвышалась гора, на склоне которой красовалась бревенчатая избушка с плетеным забором, яблоневым садом и колодезем, с уходящей ввысь жердью.

- Пойдем, бабаны?.. И вода в бутылках закончилась... - спрыгнув со скамейки, жалобно прострекотала девочка, взяв за руку бабушку, попыталась потянуть за собой...

- Потерпи, внуча, пятый, должно быть, на станции задерживается... К обеду в аккурат прибудет...

- И вчера, и после вчера, и до этого...

Вдруг внучка перестала теревить бабушкину руку, как вкопанная, застыла, взглядываясь в удивлении раскрытыми глазами-вишенками на извилистую проселочную дорогу, по которой медленно катил, оставляя за собой клубы пыли, пассажирский «Бусик».

- Вот и дождались ноне... - стряхивая со лба кончиком платка пот, сквозь шепот пробурчала, вставая рядом с девочкой, пожилая женщина.

- Не реви, бабаны, дождались же!

«Бусик» резко затормозил. Пыльный вихрь окутал пространство серостью.

Пожилая женщина крепко сжала ладошку девочки, которая, не шевелясь, продолжала всматриваться в запыленные стекла ...

Наконец, из окошка выглянул вихрастый водитель с загорелым лицом и рыжими усами:

- Садись по-быстрому, бабуль-к... из-за вашей глухомани график опрокинул...

Женщина молчала.

- Цирк прямо! В Пастухово высадил последних, думаю, дай-ка, до Отрадного докачу, давно не был, там, может, пассажиры найдутся... Чего уставились?.. Мужиков с усами не видали?.. Поехали.

- Мы не пассажиры, мы ожидающие, - прошептала девочка.

- Так бы сразу и сказали, ядрено вошь! Кого ожидаем-то?

- Маму. Без весточек год целый в городе пропадает...

- Прости, стрекоза. И ты, бабуль-к, извиняй за неудобства...

«Бусик» просигналил тревожно, и покотил в обратном направлении по проселочной дороге, взъерошивая грейдерную пыль.

Александр БАЛБЕКИН

День Ивана Купалы

Ровно в полночь низкая, сытая луна вышла из облаков, осветила старое болото. Недовольно заскрипело старое дерево, жалуясь на боль в иссохшихся ветках, где-то заухал филин. Из воды, покрытой тиной, вынырнула мавка, откинула белокурые волосы с лица. Легкий переливчатый смех взметнул светлячков, маленькая ножка легко ступила на берег, слегка примяв сочную траву.

- До рассвета вернись! — прокаркало из болота, но утопленница уже скрылась за деревьями. — Эх, убьётнет...

***

На пологом берегу жарко пылал костер, заливалась счастливая свирель. Веселые пары под звонкий смех и одобрительные крики прыгали через высокое пламя, мелькали босые ноги. Раскрасневшиеся парни ловили хохочущих девчат, что подобрал подолы длинных белых сарафанов то сбивались в стайки, то рассыпались по берегу. Дразнились девушки, не давались в широкие ладони, и горели глаза у смеющихся преследователей. Долго смотрела мавка на веселый праздник, скрытая темнотой и кустами калины, не смея выйти. Но вот завела свирель тихую мелодию, нежную и печальную. Рыжеволосый музыкант устало опустился на камень, подальше от угасающего костра. И потянулись пары в лес, а кто-то по широкой тропе отправился в деревню. Опустел берег, погас огонь, и только луна устало смотрела на одинокого юношу с дудочкой. Лишь тогда тонкая бледная рука решилась, отодвинула ветки и переливчатый голосок позвал:

- Егорушка!

Вздрыгнул голубоглазый музыкант,

оборвалась вольная мелодия. Удивленно огляделся по сторонам. И вдруг встал, нетвердой походкой, как хмельной, подошел к темным кустам.

- Егорушка... - прошептала мавка, касаясь влажными пальцами рыжих, нацелованных солнцем волос.

- Настасья, - только и смог выдохнуть паренек.

***

- Ты совсем один остался. Пойдем со мной, Егорушка! — нежный голосок звал, окутывая спокойствием, и только бесцветные глаза смотрели твердо, настороженно.

- Я тебе, вот, принес... - на широкой ладони сверкнул самоцветами гребень, тонкой работы, костяной. Такой многого стоит, не поскупился парень. Отшатнулась дева, прозрачные глаза прикрыла, но подарок взяла. Как не взять?

- Ждал меня, значит, - чуть слышно шепнула, прижимая к груди.

- Ждал, - кивнул Егорушка и коснулся губами ледяного лба. И будто всю тяжесть небес взвалил на плечи, когда выдохнул: - не приходи больше.

***

Рассвет уже окрасил розовым небо, когда в тишине мягко чавкнуло болото, заглатывая белокурую утопленницу.

- Смотри-ка, вернулась, не убегла, - сонно прокаркало из гнилой воды. — и правильно, куды бежать-то...

А на берегу реки еще долго плакала, надрываясь, свирель.

Светлана КУЗЬМЕНКОВА

Марко достал чёрствую краюху...

Марко достал чёрствую краюху хлеба, горестно задумался, насколько её хватит Миле... И что потом? Сам он не ел уже двое суток, ещё чуть-чуть - и он не сможет нести ослабевшего ребёнка. И тогда они оба умрут. Теперь, когда до цели осталось совсем немного. Он обещал Вере, что донесёт дочь, во что бы то ни стало... Вера умерла три дня назад. Умерла счастливая и спокойная - уверенная, что Марко отыщет то место, где она родилась, маленький фермерский городок, их надежду сохранить дочери жизнь. Из последних сил она объясняла ему ориентиры, по которым следует идти, всё время переспрашивала дорогу, и только убедившись, тихо вздохнула и закрыла глаза. Мила снова спит - так легче переносить голод. Смерть матери прошла для неё незамеченной. Мама где-то там, позади... Ну и что, что не разговаривает, сил не осталось, вот и не... Она там.

Огромное красное солнце заняло полнеба. Хорошо хоть холод не донимает - с таким питанием они давным-давно замёрзли бы. Отец рассказывал, что где-то там, наверху, за пределами Плоскости, живёт Бог. Он добрый, Он любит всех, Он не даст им погибнуть... Но все погибли. Почти все. По Плоскости бродят редкие, сходящие с ума, одиночки. Красное солнце сводит их с ума. У Веры тоже был приступ, она чуть не убила их... Марко всегда был очень ответственным - кому-то он мог показаться педантичным занудой. Вера часто смеялась над этой его чертой. Однажды она даже ушла от него. Вернулась через три года. С ребёнком. Она знала - Марко так любит её, что скорее сделает вид, будто ничего не случилось, чем согласится снова остаться один. Потом они прожили ещё несколько лет, и Вера была уже другая - тихая, задумчивая, подолгу смотрела на него, улыбаясь, гладила по щеке... А потом случилось ЭТО.

Солнце начало разбухать, становясь красным. За какой-то год с небольшим оно отъело на небе столько места, что стало страшно. Да и само небо было теперь красным - днём, а по ночам багровым. Сами ночи были короткие - два часа от силы - и душные. Всем стало ясно, что это и есть конец света.

Поймать бы какую-нибудь зверушку. Крупных уже нет, их перебили сразу же, как участились перебои с продуктами. А пугливая мелочь всё ещё прячется по щелям. Бог,

ну помощи нам хоть немного, мы ведь почти дошли! Мила открыла глаза и попросила есть. Он достал хлеб, отломил от него маленький кусочек, который девочка сразу же проглотила, почти не разжёвывая.

- Дай ещё...

Марко дал. Зачем мучить ребёнка, конец неминуем, он больше не может её нести.

* * *

- Взгляните, профессор, вот результаты последних тестов. После импульсного облучения в красном спектре колония погибла, но какая-то часть вирусов выжила и пытается приспособиться. Мы обнаружили особь, которой удалось выбраться далеко за пределы колонии.

- Что ж, пересадите её в другую чашку - посмотрим, удастся ли ей в одиночку начать всё заново...

* * *

Когда с неба спустилась огромная труба, и втянула их с Милой внутрь, Марко был уже слишком слаб, чтобы чему-то удивляться. Они долго летели в кромешной тьме. Может это смерть? И в последнее мгновение Вера тоже видела гигантский столб, спускающийся с небес? Или это Бог?

Потом его, крепко держащего хрупкое тело ребёнка, даже в смерти не желающего с ним расставаться, понёс тёплый ветер. Мила - не его дочь, но она дочь Веры. Он обещал. И он любит малышку. Так же, как любил Веру.

Ветер вынес их на равнину. Бескрайняя, покрытая густой травой, она напоминала ему одну из сказок отца - о новой земле для верных, прошедших испытание. Марко встал на колени и начал собирать ягоды. Бросая по несколько штук в рот, большую часть принёс Миле. Девочка тут же перепачкала ими рот и улыбнулась.

Феликс САВИКОВ

Гришаткина весна

Гришатка услышал, как батя загремел в сенях ведрами и понял, что проснулся. В доме было холодно, печь успела остыть за ночь, он ворочался, ворочался - а согреться никак не мог. Да еще и овчина, которой он был укрыт, вдруг стала коротка. Гришатка прятал от холодного воздуха нос - снаружи оказывались босые пятки. Поджимал ноги, перебирал пальцами, стягивая одеяло вниз - и оказывался по плечи на улицах. Он даже хныкнул от обиды, но спохватился - нельзя, батя услышит, сразу же заворчит, заставит слезть с лавки и идти кормить скотину. Или сестры встанут. "А это уж не дай Господи", - по-взрослому подумал Гришатка и перекрестился. Если сестренки проснутся - все, пропал выходной. А ему так хотелось еще немного поваляться, посчитать пауков на потолке и подумать о своем, ребячьем.

Гришатке было уже семь, и он сызмальства подсоблял отцу в работе, с тех самых пор, как тем летом умерла от горячки мамка, и он вдруг оказался за старшого. Три сестренки - шутка ли, и ведь каждую надо накормить и сопли утереть, да и приглядеть, а то, чего доброго, в печь залезут али курей выпустят, а то и к свинье норовят заползти. А она злющая, только опоросилась и даже отца не подпускает,

едва руку ему наведни не прокусила. Старшей сестренке только исполнилось четыре, младшенькие были совсем малые - два года и годик, где уж тут их оставишь без присмотра.

Он услышал, как заскрипела дверь, и понял - батя ушел во двор, поить телят, кормить свинью и дать зерна курам, которые вот уже неделю как отказывались нести яйца. Гришатка слышал, как тетка Марья говорила недавно, что это какой-то Куриный Мор пришел, что яиц нет по всей деревне, и что придется, видно, ехать в воскресенье на базар в большое село и покупать их там, а заодно попросить тамошнего коневого лекаря дать какое-нибудь лекарство. Гришатка тогда всю ночь лежал и караулил - вдруг этот Куриный мор еще раз придет. Уж он тогда не подпустит его к курам, уж он ему покажет! А потом уснул и видел страшный сон про то, как Куриный мор все-таки пришел, но не за яйцами, а за Гришаткой. Мор был страшный, с длинной бородой и кривым глазом, как у деда Евсея, и Гришатка все прятался и прятался, а Мор гонялся за ним по избе, тряс бородой и что-то кричал громким голосом. Гришатка едва не полетел тогда с лавки со сна. Он рассказал отцу, а отец засмеялся и сказал, что Мор - это никакой не дед и даже не человек, а хворь такая, из-за которой куры не

несут яйца. Гришатка тогда понял, что Мор за ним не придет, но все равно ночью лежал и боялся, уж очень страшный во сне был этот дед. Он вспомнил, какой сегодня день, и аж подпрыгнул на лавке. Воскресенье! Сегодня придет тетка Марья подсобить по хозяйству, и быть может, ему удастся уговорить батю, чтобы тот взял его с собой в большое село. Вот было бы хорошо! Он едва не вскочил, но, вспомнив про сестренку, спящих на печи, опомнился. Вытащив из-под овчины, на которой спал, рубашонку, поясок и порточки, он бесшумно сполз с лавки и, как был, голышом, прошмыгнул в сени. От холода зуб на зуб не попадал, он запрыгал на одной ноге, чтобы согреться, и уже завязывая на рубахе поясок, услышал, как звонко поет во дворе голос тетки Марьи.

- Кузьма, здравствуй!

- Здравствуй, Марья Никитишна!

- отозвался отец весело.

И Гришатка поскорее выбежал на улицу.

Он любил тетку Марью, уж очень хорошая и добрая она была. Всегда приносила им молока, Нюрку, младшенькую, нянчила, бусы свои из сушеного гороха давала ей погрызть и никогда не сердилась, если Нюрка кусала ее за палец своими острыми зубами. Она разрешала Гришатке побегать по улице, погонять с другими мальчишками

коровьи лепешки по льду над ручьем, поозорничать и пошалить, и никогда не ругала, хоть он и приходил под вечер такой мокрый, что хоть выжимай. Тетка Марья была вдова, мужа засек до смерти барский приказчик за какую-то провинность, но она всегда улыбалась и смеялась, и Гришатка иногда думал, может, она шутковала, что она вдова, и дядька Илья под вечер поджидает ее дома, выходит из подпола и смеется, вот, мол, как мы с тобой, Марья, всех обманули. И они садятся у печи и едят гороховую кашу и слушают, как поют на улице первые весенние песни деревенские девушки.

На улице было еще темно, только узкий лучик солнышка показался на восходе. Гришатка вздрогнул от ветра, забравшегося в портки, вспомнил присловье: "Пришел марток - надевай семь порток". Мамка, когда жива была, так часто говорила. А теперь мамки нет, и марток уже прошел, а он все повторяет про себя эти слова. Сверху откуда-то каркнула громко и весело ворона, и Гришатка, задрав голову, увидел, что она сидит на суку и смотрит на него, склонив голову набок, как будто ждет ответа на свой «кар». В темноте она казалось большой, и Гришатка подумал, что, наверное, это очень старая ворона, и решил про себя, что не станет ее гонять, когда придет лето.

А лето еще, ох, как не близко. Снег

только сошел, и на улице, с утра особенно, было совсем свежо. Гришатка, когда выходил давать скотине корм, промерзал до самых кончиков ушей, поэтому, чтобы согреться, ему приходилось передвигаться по двору вприпрыжку. Почему-то «припрыжка» эта приходилась аккурат на самые большие лужи. Встав в самую огромную, ту, что оставалась дольше всех посреди двора, Гришатка опасливо поглядывал на окна избы - не выйдет ли батя, и отважно начинал мерить глубину отцовским сапогом. Сначала осторожно, чтобы вода не налилась в голенища, потом смелее, а потом батя выскакивал на двор, грозя хворостиной, и Гришатка снова начинал передвигаться вприпрыжку, только в два раза быстрее. Каждый раз, пробегая мимо окошка, за которым уже торчали любопытные носики сестер, он корчил страшную рожу. Сестренки скисали от смеха. Младшенькая пускала пузыри и таращилась на Гришатку, а он уж рад стараться.

Сейчас лужа почти высохла, кое-где пробивалась зеленая травка, которую успели основательно подщипать куры, и Гришатка дня два уже ломал голову — придумывал новую забаву.

Тетка Марья стояла у заборчика, которым был огорожен курятник, и разговаривала с отцом. Гришатка увидел ее и заулыбался.

- Тетка Марья! - крикнул он и побежал к ней.

Отец повернулся к нему и хотел заругаться, мол, разбудишь же сестренку, но вдруг засмеялся, глядя на него добрыми глазами.

- Гришатка, сынок, как же ты спал! - сказал он своим хриплым голосом. - Смотри-ка, Никитишна, на нем точно домово́й катался, вихры в разны стороны торчат.

Тетка Марья засмеялась, обняла Гришатку одной рукой, а второй сунула ему в рот горсть сушеных ягод калины. Ягоды были вкусные, жесткие, Гришатка засунул их за щеку и оставил там, чтобы потихоньку отгрызать по малюсенькому кусочку и наслаждаться.

- Ты чего не спишь, Гришатка? - спросила тетка Марья. - Я не велела отцу тебя будить, а ты вон какой, вскочил чуть свет.

Он поднял голову и посмотрел на нее, зная, что самое время проситься.

- Тетка Марья, а ты отпустишь меня с отцом в большое село? Тетка Марья переглянулась с отцом и подмигнула ему.

- Отчего же, езжай, коли отец разрешит, - сказала она.

- Я тебе калач привезу, у меня копейка есть - торопливо добавил Гришатка, боясь, как бы она не передумала. С набитым ртом вышло не

очень понятно, он хотел проглотить ягоду, поперхнулся и начал кашлять. Отец стал хлопать его по спине, тетка Марья побежала за водой, а Гришатка, испугавшись, что теперь все решат, что он заболел, и оставят его дома, схватил отца за руку и не отпускал, пока не прокашлялся.

- Давай-ка, Гришатка, глотни воды, сынок, - тетка Марья подала ему кружку и он, отпив глоток, снова схватился за отца.

- Батя, я выздоровел уже! Я все ягоды выплюнул, гляди! - и он раскрыл рот, чтобы отец увидел, что он говорит правду. - Возьми меня с собой в село!

Тот потербил бороду, посмотрел на тетку Марью.

- Отчего ж не возьму. Тащи ведерко свое, курям воды налей пока. А я свинье дам да телят напою, а там и тронемся.

Гришатка запрыгал по двору на одной ноге, едва не потеряв от радости портки. Тетка Марья, смеясь, пошла в дом, отец - в хлев, к телятам. Они быстро управились, вдвоем-то сподручней; отец запряг чалую кобылу Отраду, Гришатка залез в телегу, туда же поставили лукошки для яиц, и вот уже лошадь, весело помахивая хвостом, повезла их по улице.

Светало. Отец правил, Гришатка сидел рядом с ним, как большой, свесив

ноги и глядя во все стороны - боялся упустить что-то интересное. Они выехали из деревни по грязной, не просохшей еще после недавнего дождя дороге, и лошадь легко побежала под гору, прочь от дома. Под горой оказалось большое поле, невспаханная земля была черным-черна, и только кое-где еще видны были маленькие, последние уже кучки снега. Гришатка смотрел на них и ерзал - так хотелось ему залезть туда ногой в отцовском сапоге, уж больно манил его к себе этот последний, выпавший уже весной снежок. Но останавливаться было нельзя, да и отец бы не разрешил - вон, как он нахмурился, не иначе, про Куриный Мор думает. Гришатка уселся поспокойней и тоже принялся думать про Мор, но ему это быстро надоело, и он снова стал вертеться и крутить головой по сторонам.

Они взобрались на небольшой пригорок, и Гришатка аж застыл от удивления: так много всего вдруг оказалось впереди! Кончились крестьянские поля, и пошла невспаханная земля, целина, а там, ежась еще от последних мартовских холодов, тянулась к солнышку первая весенняя травка. Она была совсем еще маленькая, и такая нежно-зеленая, что у Гришатки неизвестно почему вдруг защекотало в носу. Он никогда не видел столько травы. Казалось, она шла от края земли до другого ее края, и все это безбрежное

море зелени колыхалось ветерком, колыхалось, колыхалось...! Гришатка смотрел-смотрел, и внутри нарастало что-то такое, чего он еще не знал, что-то такое большое и громкое, что захотелось вдруг вскочить с телеги и побежать и закричать во все горло. Он не выдержал.

- Э-ге-гей! - закричал он протяжно.
- Смотри, батя, смотри!

Кобыла вдруг дернула, видимо, испугавшись его голоса, понесла, и Гришатка упал на спину, и батя тоже упал на спину, и они барахтались, а лошадь весело бежала по дороге, разбрасывая из-под копыт грязь. Батя и Гришатка лежали в телеге и не могли подняться, потому что кобыла бежала быстро и телега тряслась на ухабах.

- Вот ты даешь, Гришатка, совсем домовою тебе ночью голову задурил, - заругался отец, и вдруг как засмеется! И Гришатка тоже засмеялся, потому что отец смеялся, а потом и сам стал смеяться и смеялся до тех пор, пока у него не заболел живот.

Батя кое-как поднялся, ухватил веревки, которыми была привязана лошадь (Гришатка постоянно забывал, как они называются), потянул, и Отрада стала бежать медленнее.

- Ну, вставай уже, сынок, - сказал он добрым голосом, и Гришатка тоже поднялся, уцепившись за его большую мозолистую руку.

Он снова сел рядом и свесил ноги, глядя по сторонам. Кобылка бежала ровно, повсюду была только травка, но она уже Гришатке надоела. Он сначала прислонился головой к отцовскому плечу, а потом и вовсе лег на дно телеги, и стал смотреть, как небо над головой становится все светлее и светлее, и вот уже оно не синее, а такое же, как глаза тетки Марьи - голубовато-серое, еще хмурое после зимы, но уже такое весеннее. Он увидел, как пролетели над ними птички, и подумал: как же хорошо! Как же хорошо вот так лежать, укрывшись отцовским тулупом, слышать, как фыркает изредка лошадь Отрада, взбегая по дороге на пригорок, и знать, что скоро лето, лето, лето! Эх, поскорее бы тепло! Вот-вот уже пойдут грибы, и Гришатка с сыном дядьки Потапа, Емелькой, снаряжатся за ними в барскую рощу. Они станут ходить, важно переключаясь, чуть потеряют друг дружку из виду, будут притворяться, что заблудились, и искать место для ночевки, наберут полные лукошки душистых сморщенных сморчков и их старших братьев - красавцев-строчков, а вечером мамка нажарит их со сметаной...

Тут Гришатка вспомнил, что мамки больше нет. А если мамки нет, то кто будет жарить грибы? Он вздохнул и вдруг заплакал, представив, как принес лукошко, а жарить некому, а батя не умеет. Он старался не

шмыгать носом, но батя услышал, и Гришатка почувствовал, как он поворачивается в телеге, чтобы посмотреть на него.

- Ты чего, сынок?

Гришатка хотел ответить, как взрослый, но сказал только "мамка" и совсем расплакался. Отец тяжело вздохнул и отвернулся, а он все плакал и плакал, и успокоился только тогда, когда уснул. Он проспал до самого конца пути и проснулся, когда Отрада уже остановилась. Гришатка услышал, как батя спрашивает у кого-то, где найти коневого лекаря, и понял, что они почти приехали. Он вытер рукавом глаза и поднялся в телеге, выглядывая наружу. Они стояли посреди какой-то большой улицы, и дома были и спереди, и сзади, и везде слышались голоса. Гришатка увидел, что рядом с телегой стоит какой-то худой мужик и разговаривает с отцом, а отец выглядит так важно, ну ни дать, ни взять, большой человек. Даже борода у него стала какая-то важная, и Гришатка гордо подумал, что отец у него ну прямо настоящий барин.

- Езжай прямо, - говорил тем временем худой мужик. - В конце улицы будет сверток, а там не заблудишься - изба с забором как раз и есть дохтурская.

Батя поблагодарил, тронул лошадь, и они поехали дальше. Гришатка проводил худого мужика взглядом и

покачал головой. Он почему-то думал, что раз село большое, то и люди в нем должны быть большие, а оказалось, что батя его даже больше. По улице пронесся вкусный запах свежего хлеба, и в животе у Гришатки заурчало. Он посмотрел на солнце, и понял, что уже совсем день, а ведь он не ел ничего и вчера, только вечером успел перехватить пару ложек вкусной отрубной каши, которую приготовила им тетка Марья. При воспоминании о каше живот снова заговорил, и Гришатка посмотрел на спину отца, словно ожидая, что она вдруг что-то скажет. Но спина молчала, а нить Гришатка не хотел, поэтому он сделал вид, что совсем-совсем не хочет есть, и перебрался на место рядом с отцом, как ни в чем не бывало.

- Батя, а я тетке Марье калач посулил, - сказал он как бы невзначай. - Заедем потом, а?

Батя посмотрел на него, но Гришатка притворился, что рассматривает гриву лошади. Он не хотел, чтобы батя подумал про него, что он маленький и не может потерпеть. Он ведь не про себя спросил, а про тетку Марью, что такого? - Потерпи, сынок, - ласково потрепав его по плечу своей большой рукой, сказал отец. - Вот возьмем лекарство, поедем на базар, и я тебе куплю булку или пирожок с калиной.

- Я тетке Марье посулил, -

торопливо сказал Гришатка, испугавшись, что отец разгадал его хитрость и больше не возьмет с собой. - А я еще хоть целый день могу! Отец ничего не сказал, только от уголков его глаза разбежались во все стороны лучики-морщинки. Гришатка понял, что отец не злится на него, и вздохнул. И все-таки, как долго еще ждать пирожка с калиной!

Они повернули налево, как и говорил им худой мужик, и увидели впереди избу, обнесенную низким заборчиком. На завалинке сидели и разговаривали две тетки, и Гришатка заметил даже издалека, что у одной во рту совсем не было зубов. Он так вытаращился, что она увидела, перестала разговаривать и посмотрела на него.

Гришатка покраснел и отвернулся. Пока батя привязывал лошадь, он успел прыгнуть с телеги с другой стороны, чтобы не попасться теткам на глаза, но было поздно. Он услышал, как отец здоровается с ними, а потом называет его имя.

- Гришатка, сынок, поди-ка сюда! Он подошел. Тетки разглядывали его, и Гришатка насупился, потому что он не любил, когда его разглядывали. Батя сказал, чтобы он подождал здесь, а сам, сжимая в руке тряпочку, в которую завернуты были деньги для лекаря, зашел в избу. Гришатка остался один, и испугался, что сейчас его заругают за

то, что он так смотрел на беззубую тетку. Он глядел себе под ноги, на отцовские сапоги, и ждал, что вот сейчас начнут ругаться, но никто не ругался, и он, с опаской покосившись на их лица, увидел, что обе тетки улыбаются.

Беззубая тетка улыбалась, глядя на него. Вторая - тоже, и вдруг Гришатка понял, что сам он тоже улыбается. Он подумал, что беззубая тетка, наверное, добрая, раз не обиделась, что он так ее разглядывал.

- Вот постреленок, - сказала она, глядя на Гришатку. - Сколько тебе лет? Знаешь?

- Семь, - важно сказал он, и чтобы они не подумали, что он маленький, сказал: - Мамка у меня умерла, и я теперь за старшого.

Тетка покачала головой.

- Да ты совсем большой, - как-то грустно сказала она и погладила его по голове своей огрубевшей рукой.

- У меня еще есть три сестры и тетка Марья, - добавил Гришатка, чтобы порадовать ее. - Она хорошая, печет мне блины и варит кашу. А Нюрка ест бусы из гороха. Снова громко заурчал живот, и Гришатка покраснел. Так хотелось есть, что хоть плачь. Беззубая тетка переглянулась с другой теткой и поднялась с завалинки.

- Ты побудешь здесь, Прасковья? Свожу мальчика к себе, дам ему кое-чего. Не боишься? - спросила она у Гришатки.

- Я тут живу, рукой подать. Гришатка не боялся. Они вышли со двора и перешли улицу, - и все, вот уже был дом, где она жила.

Дом у беззубой тетки был старый, какой-то кривой и с дырявым полом. Гришатка удивился, он думал, что в большом селе не бывает дырявых полов. Когда они зашли внутрь, он сразу почувствовал вкусный запах. Это в горшке на печи варилась картошка. Беззубая тетка потыкала ее щепиной и, повернувшись с Гришатке, подмигнула.

- Садись, постреленок. Накормлю тебя.

Гришатка радостно уселся за стол, оглядываясь вокруг. В избе было светло, солнышко светило Гришатке в затылок, и он нежился под его лучами. Скоро перед ним на столе появился горшок с картошкой, тетка дала ложку, и он тут же зачерпнул бульон. Он был горячий, и Гришатка даже немного обжегся, когда начал есть. Но не подал виду, что ему больно. Он съел целых две картошки и похлебал бульон. Тетка сидела напротив, но не смотрела на него, а возилась с полотенцем, на котором была большая дырка. Гришатка подумал, что мамка не стала бы такое зашивать, а взяла бы и отнесла в хлев, чтобы вытирать корове Пеструхе вымя. Он

посмотрел вокруг и понял, что беззубая тетка очень бедная. У нее, наверное, даже коровы не было. Гришатка задумался. У них в деревне тоже была бедная, тетка Матрена, но у нее была корова. Наверное, это совсем плохо, когда нет коровы.

Тетка увидела, что он перестал жевать и поднялась.

- Наелся, постреленок?

Гришатка закивал. Ему было стыдно, потому что тетка была бедная, а он съел так много. Вот придет ее беззубый сынок (Гришатка почему-то твердо был уверен, что и у тетких детей зубов тоже нет), а есть-то и нечего. А он, Гришатка, не мог потерпеть до базара. Он понуро вышел из-за стола.

- Идем, провожу тебя, постреленок.

Тетка вышла на улицу, хмурый Гришатка - за ней. Они пошли через двор, тем же путем, что и раньше, но тут вдруг Гришатка заметил возле дома коневого доктора, там, где около заборчика протекал маленький весенний ручеек, что-то желтое, и как будто живое. Цветы?

Он даже рот разинул от удивления. Как же такое может быть? Ведь на улице же еще снег лежит! Гришатка остановился посреди улицы, прямо как деревенский дурачок Петя.
- Эй, сынок, ты что там? Потерялся?

Батя уже звал, и Гришатка, опомнившись, побежал к телеге. Отец был довольный, добрый, улыбался. Наверное, коневой доктор дал ему лекарство, и Мор больше не придет в деревню, решил Гришатка. Отец отвязал лошадь, и они уже собрались трогаться, но тут подошла беззубая тетка.

- Кузьма Фомич, не возьмешь до базара? Дочка у меня там рядом живет, поведать хочу.

Отец крикнул, поглядел на Гришатку.

- Ну-ка, молодец, подвинься-ка чуток, - подмигнув, сказал он. - Садись, Ефросинья, только не обессудь, парень у меня озорной, ежели чего, ты его сразу в ребра.

Они засмеялись, а Гришатка надулся. Чего это сразу в ребра. Он вовсе не собирался шалить. Тем более, тетка Фрося ему нравилась. И он собирался расспросить у нее про эти чудные желтые цветы, которые видел у заборчика. Наверное, тетка Фрося знает, ведь она же сидела на завалинке рядом с ними.

Тетка залезла в телегу. Отрада удивленно оглянулась - как это, в телеге было два человека, а стало три. У нее было такое смешное выражение на лице, что Гришатка покотился со смеху. Батя тоже засмеялся, тронул поводья, и они поехали.

Гришатка сначала сел поближе к

отцу, но тот молчал, стало скучно, и он перебрался к тетке Фросе. Он хотел спросить у нее про желтые цветы, но вдруг заробел и просидел молча почти всю дорогу до базара, даже не вертелся. И вот вдали уже показались телеги, окружившие базарное место. Гришатка испугался - он никогда не видел столько народу сразу. Он прижался к тетке Фросе, а она погладила его по голове своей жесткой рукой.

- Не пужайся, постреленок, - сказала она ласково.

Гришатка тотчас выпрямился. - Да я и не испугался, - сказал он громко, чтобы слышал батя. - Я про цветы спросить хотел.

- Про желтые? - угадала тетка Фрося.

- Про желтые, - кивнул Гришатка. - Знаешь про них?

- Знаю, отчего же нет, - сказала она. - Это ведь мать-трава. Она самая первая в наших краях цветет, весну встречает. Ее еще мать-мачехой называют, царь-травой. Да ты посмотри дома у ручья какого али в канаве. Там ее много растет. Лечебная она, от всякой хвори помогает.

- И от куриного мора?

Тетка Фрося и батя засмеялись.

- Нет, постреленок, от куриного мора нет, - сказала она. - Но вот ежели кашлять будешь - запросто

поможет.

«Батя кашляет, - подумал Гришатка. — Надо ему нарвать». Тетка Фрося рассказала ему про то, почему траву называют мать-мачехой. Гришатка открыл рот и слушал. Он и не знал, что такое бывает, и только качал головой, и совсем не заметил, как они прибыли на базар.

Отец встал с самого краю, ворча, что придется далеко идти и опасаясь, что поколет яйца. Тетка Фрося вылезла из телеги, подмигнула Гришатке на прощание и потрепала его по плечу.

- Прощевай, постреленок. Слушайся батьку и не озоруй.

Гришатка глядел ей вслед, пока она не потерялась. Батя посмотрел на него, усмехнулся в бороду.

- Ну что, останешься здесь? Покараулишь Отраду, не забоишься один?

- Так я же не один, батька, - рассудительно, совсем как большой, сказал Гришатка. — Вон сколько народу. Не забуюсь я.

Батя обещал воротиться совсем скоро и ушел, и Гришатка остался в телеге. Преисполнившись важности от сознания собственной значимости, - ну как же, чай, не просто так, а лошадь сторожит! — он принял суровый вид и стал всех разглядывать.

Вот мужик из их деревни, дядька

Иван, стоит, продает поросят. Вот рядом с ним кудрявый, как баран Федька, парень развернул перед крестьянкой большой кусок домотканого полотна. Везде говорили, везде торговались, везде спорили. Гришатка даже устал, пока ждал батьку. Тот вернулся нескоро, с полными лукошками яиц, красный, видимо, выпил все-таки с мужиками чарку. Гришатка, успевший уже слезть с телеги, снова забрался внутрь.

- Ох, - сказал батя, - мы ведь с тобой совсем запомнили. А калачи сестренкам! А пирожки с калиной! А тетке Марье калач.

И он лукаво подмигнул Гришатке.

- Ну, давай свою копейку. Гришатка полез в карман. Там ничего не было. Он проверил еще — раз — пусто. Батя смотрел на него.

- Ну чего ты сынок?

Гришатка вытащил руку, насупился и опустил глаза

- Потерял али? Эх ты. Ладно, — батька погладил его по голове. — Бог дал, Бог взял. Куплю я тетке Марье калач. Только сам отдашь и не говори, что я купил.

Гришатка не хотел плакать, но когда он так сказал, то не удержался и заревел.

- Ну что ты, взялся еще посреди базара, - сказал отец, прижав его к себе. — Увидят девки деревенские, на смех

поднимут.

Гришатка сразу же замотал головой, показывая, что перестает плакать. Скажут еще, что он маленький, и батя не возьмет его с собой в следующий раз. Он угрюмо оттер слезы рукавом и повернулся к лукошкам. Батя купил калачи, и они поехали домой. Гришатка сидел рядом с отцом, щурился от весеннего солнца, и думал о маме-мачехе. Когда они оказались за деревней и поехали вдоль ручья, он все высматривал знакомые желтые головки, и когда увидел, попросил батю остановиться. Сказал, что хочет оправиться, а сам раз — и к ручью.

- Гришатка, ты чего? — крикнул батя.

- Хочу тебе нарвать, - крикнул в ответ Гришатка. — Тетка Фрося сказала, от кашля помогает. А ты кашляешь.

Земля у ручья была скользкая, и Гришатка, не удержавшись, ухнул в него обеими ногами. Брызги так и полетели.

- Гришатка! Прибью, озорник! — сразу же заругался батя из телеги. Гришатка посмотрел на себя, стоящего по щиколотку в воде, посмотрел на батю, и поежился.

- Батя, я нечаянно! — закричал он.

Цветы росли у самого берега, желтые, яркие, как солнышки. Гришатка

нарвал немного, стараясь оставить корешки в земле. Пусть еще растут. Он потом, может, еще придет. И тогда уже увидит листья, и проверит, не сшутковала ли тетка Фрося. Дело ли — снизу теплые листики, сверху холодные. Гришатка наклонился к земле, разглядывая стебельки — а вдруг листики уже появились. Но там ничего не было, и он только вздохнул. Он вышел из воды и побрел к телеге, зная, что сейчас ему попадет. Батя уже вылезал, и лицо его было сердитое. Гришатке очень не хотелось попасть под руку, и он обошел телегу, чтобы положить цветы с другой стороны, где батя не достанет.

- Поди-ка сюда, сынок, - угрожающе сказал батька.

Светило солнышко. Теплый ветерок трепал гришаткины вихры и забирался под рубаху, щекоча до мурашек. Гришатка сам не понял, как так вышло, а вот уже, как зайчик, которого он однажды видел в поле, он прыгнул в сторону, спасаясь от батиной тяжелой руки.

- Гришатка! — взревел батя. — А ну подойди!

Гришатка честно хотел подойти, но опять почему-то оказался в совсем другой стороне, а батя, тяжело выдохнув, ухватил рукой воздух.

- Ужо попадешься ты у меня! — сказал батя грозно и побежал за

Гришаткой.

А Гришатка от него - и напрямиком к ручью, у которого собирал мать-траву. Прыг — и вот он уже в воде. Батяка стал на берегу, бранясь и грозя кулаком. Потом тяжело вздохнул и полез в ручей. Гришатка уже было вылез на другой берег, но тут земля опять обвалилась — и он полетел в воду. Брызги окатили их обоих, Гришатка не удержался на ногах и, закрыв глаза, упал, ухватившись за что-то мягкое. Раздался громкий плеск... и батя совсем рядом заохал и засмеялся одновременно.

- Ох, озорник! Ох, бездельник! Гришатка открыл глаза и увидел, что отец сидит рядом с ним в ручье и смеется. Потом жесткая рука ухватила Гришатку за вихор.

- Попался!

Гришатка кое-как вскочил, вырвавшись из батякиной хватки, выбрался на берег и побежал от ручья, батя - за ним.

Они бежали друг за другом, пока не утомились, а потом оба упали на

свежую солому телеги, укрылись тулупом, сняв мокрые сапоги и портки, и смеялись, и батя пел песни, а лошадь Отрада везла их домой, и в небе звенели птицы, и Гришатка был счастлив...

А ночью, когда все уже спали, Гришатка лежал под теплой овчиной и все думал о копейке, которую он сунул тетке Фросе в карман кофты. Он уснул, и ему приснилось, как тетка Фрося нашла копейку, как она пошла на базар и купила молока, а ее беззубые дети собрались вокруг стола и радуются. И она налила им молока, и все удивлялась, откуда у нее копейка.

А он, Гришатка, знает, откуда, но никому не скажет, подумал он во сне. А потом ему стала сниться мать-траву, и он и сам не заметил, как пришло утро.

Юлия ВИННЕР

Георгич

- Корпус работай! — кричит Георгич.

Корпус — это значит, по печени. Работаю «троечку»: солнечное, челюсть и акцентировано - в печень. Дылда первые два удара легко нейтрализует, но третий пропускает и болезненно морщится.

- Хорошо! — кричит Георгич, - Ещё минуту!

За минуту я успеваю полдюжины «троечек», но Дылда уже настороже, а на последнем выходе из атаки умудряется подловить меня и «засветить» точнёхонько в глаз.

- Минуту отдыха — и следующий! — говорит Георгич, и я глубоко дышу, стараясь запасть кислородом на вторую пятиминутку спарринга. Второй — Толстый. Он здорово держит удар и всё время виснет на мне. За пять минут таскания этой туши по рингу я устаю больше, чем за нормальный бой. Где его Георгич нашёл, такого кабана? После второй части этого «марлезонского балета» мне бы хорошенько отдохнуть, но сегодня Георгич припас сюрприз — маленького тощего улыбочивого паренька. Улыбочивый-то он — улыбочивый, но работает — любо-дорого посмотреть, совсем меня загонял, а я уже сегодня свои запланированные пару килограммов скинул, по одышке чувствую. Ага, одышка! Тут я, наконец, Георгича понимаю и восстанавливаю ритм. Свой ритм. Дело быстро налаживается. Мелкий пропускает левый хук и перестаёт мельтешить перчатками у носа. Георгич одобрительно хмыкает и только

изредка для порядка корректирует:
- Руки! Руки не опускай, челюсть закрой!
Бок не подставляй! Двигайся, двигайся!

Георгич — классный тренер. Без него мне чемпионом не стать. Грузит он запредельно, но зато я пока на ринге — король, в газетах так и пишут. Мол, «король ринга Виталий Первухин в очередной раз одержал победу нокаутом». В пятом раунде, потому что, как Георгич определил, «заигрался». Мог бы и в третьем всё решить, но захотелось «себя показать». А чего бы не попрыгать, если я свежей огурца, а противник еще в самом начале получил свои «боевые сто грамм» - пару нокдаунов, а держался только «на зубах». И, в конце концов, зрители тоже имеют право на оплаченное удовольствие.

... Мы идем с Георгичем через парк к автостоянке. Так ближе, а сил сегодня отдано немало. Впереди метрах в сорока — Дылда, Толстый и Мелкий. Я не знаю, как их зовут на самом деле, Георгич никогда не знакомит меня со спарринг — партнёрами. Видимо, считает, что по-приятельски я выкладываться не буду, жалеть их буду. Ребята неплохие. У каждого — свои «фишечки». С такими вполсилы работать — себе в убыток, вон глаз как заплывает.

У выхода из парка нас ждут. А кого же ещё, если в это время нормальные люди уже у телевизоров?

Начинается всё быстро, без пустого трёпа.

Наши ребята встают, как

мушкетёры, в круг спина к спине в «глухую» и выцеливают самых отчаянных. Неплохо работают, я вполне успеваю на помощь, но Георгиц вдруг виснет у меня на плечах и как заклинание шепчет:
 - Справятся они, справятся! Нельзя тебе! Бой у тебя завтра! А они справятся!
 Но я вырываюсь и бегу. И вчетвером мы легко разгоняем всю шоблу, и «враг бежит, бежит, бежит»!

Мы улыбаемся друг-другу, хлопаем друг-друга по плечам, что-то такое говорим, неважное уже, просто отходим от боя. И вдруг Толстый говорит:

- ...Георгиц!

Наш Георгиц лежит, неловко подломив под себя руку, и яснее ясного, что живой человек так лежать не может.

Он и не живой. Из спины, прямо напротив сердца торчит загнутый «под руку» концев спицы.

- За что?! — ору я, но почему-то сразу понимаю, что не «за что», а «для чего». Дылда, будто читая у меня в голове, говорит:

- Он тебя от грязи берёт, всем говорил, что можно чемпионом честно стать. К нему ходили, предлагали бой сдать, а он....

... Ну что же, Георгиц, ходили к тебе, теперь придут ко мне, а уж я им

...пообещаю. Всё честно будет! Мы с партнёрами смотрим в глаза друг другу. Хорошие ребята. Такие не подведут. Кстати, вспомнил я этого Мелкого, он по юношам в позапрошлом году до полуфинала дошёл, а потом, говорят, руку сломал....

Мы тащим Георгица к машине, мчим в скорую, хотя понимаем, что спешить теперь не обязательно. Милиция? Да пускай гонятся! Порядок нужно в городе обеспечивать, а не центральную улицу патрулировать! Скорость — под сотню. Еле выворачиваю руль у крыльца. Эй, кто тут? Срочно! Человека спасти надо! Срочно! Человека!

Врач осматривает Георгица и разводит руками. Мы понимаем его, но хоть бы что-нибудь!!! Нет? У подъезда менты. Дождались. Начинается нудятина про документы, про правила.... Я прямо у сержанта спрашиваю:

- Денег тебе надо? Сколько? Он узнаёт меня и просит автограф. Из-за автографа и гнался?

Ну, на тебе автограф.

Завтра он вдесятеро в цене вырастет.

Завтра я за Георгица мстить буду.

Сергей ПЕТРОВ

Дорога в никуда

Бессонница рвала в клочья остатки ночи. Раздражало всё: наглый рассвет, заглядывающий в окно, мирное посапывание жены, бесстыдно разметавшейся на кровати, стук форточки, с которой забавлялся разгулявшийся ветер, мещанский фикус в углу.

- Ты что не спишь, Вадим? — пробормотала Наташка, чтобы тут же снова провалиться в сон до утра.

Отвечать не хотелось. Да и что скажешь, если на этот вопрос есть ответ, но проговорить его не хватает мужества. Не скажешь же Наташке, с которой два года живёшь под одной крышей, что с мыслями о Юльке, Юле, Юленьке он не расстанется несколько месяцев.

Вадим взял подушку и, на цыпочках прокравшись в гостиную, облегчённо вздохнул. Здесь наедине с собой он мог судить себя самой строгой мерой. При этом он и прокурор, и судья, и защитник.

Вот она перед ним - Юлия Смолина, худенькая, стройная, голубоглазая со смешным хвостиком, перетянутым серебристой в тон платью ленточкой.

Он, Вадим Мезенцев, высокий, хорошо сложенный, кареглазый, с копной

густых тёмно-каштановых волос.

- Не смотри на меня так, я не выдержу твоего взгляда, - это она.

- Кто сказал, что любви с первого взгляда не бывает? — это он.

Оба мечтали об аспирантуре. Но Вадима ждала армия, а Юлю - школа в Эвенкии. Встретившись летом в родном посёлке, и он, и она забыли обо всём. Хотелось быть вместе постоянно: касаться, чувствовать, гореть. Вадим стал её первым мужчиной.

- Самый нежный, самый добрый, мой, мой, - шептала Юлка в порыве страсти.

- Не верь мне, Юлька, прошу, не верь, - раздражённо бормотал Вадим.

Из потёмок его озлобленной души внезапно выплыло плохое настроение. Выплыло и замерло. Радость Юльки превратилась в пыль. Но она постаралась его понять, простить. Не стоит ссориться: им отмерено так мало времени, завтра каждого из них ждёт неизвестность, как говорится, дорога в никуда.

Когда Юля в августе приехала в Эвенкию в лакированных туфельках, там уже лежал снег. Говорят, здесь когда-то жили динозавры? Язык эвенков имеет много общего с русским? Это тема её

будущей диссертации? Но звенков в обозримом пространстве не было. О диссертации думать не хотелось. Время остановилось. Замерла Юлька. Оживала, если слышала стук в окно и вопрос почтальона дяди Васи:

- Эй, хозяйка? Есть кто дома? Ну, дочка, пляши!

Плясала. Потом трясущимися руками открывала конверт, читала первый раз, второй, потом шёпотом повторяла вслед за автором: «Любимая», «девочка моя», «люблю, люблю, люблю...» Затем бережно распрямляла на листочках каждую морщинку, каждый изгиб и оставляла письмо в развёрнутом виде на столе. Посёлок — две улицы, магазин и школа. Время пошло. Теперь оно измерялось сорока пяти минутными уроками, учебным днём, учебной четвертью.

- Мне бы только «день простоять да ночь продержаться», - думала Юля, делая вид, что слушает невразумительный лепет стоящего у доски ученика. — О чём это он? — вздрагивала она, возвращаясь в реальность.

В том году караван с продуктами питания для рабочих графитного рудника, единственного предприятия в посёлке, не пришёл. В магазине продавали водку, которую местные жители покупали ящиками, маринованные огурцы,

сайру в масле, московские конфеты. Местные жители питались дарами тундры. Неприспособленная к жизни Юлька этого была лишена. К началу ноября у неё стали выпадать волосы, из дёсен сочиться кровь.

В декабре на лёд Нижней Тунгуски сел первый самолёт. С ним Юлька улетела домой. А оттуда через неделю отправилась поездом в Спасск-Дальний, к Вадиму. И опять - в никуда.

Вадим нервно закурил - вспышка на мгновение осветила его измученное бессонницей, бледное лицо. Что дальше? Память замолчала перед лицом строгого судьи — совести, но ненадолго. Как преступника тянет к месту преступления, так и его тянуло к воспоминаниям.

Юлька встретил на бронетранспортёре: знай наших, — и отвёз в однокомнатную квартиру, которую молодому лейтенанту выделило командование. Не беда, что первый этаж, не беда, что влажные комнатные тапки за ночь примерзали к полу... На узкой солдатской кровати горели страсти, способные растопить любой холод. А днём, чтобы не замёрзнуть, Юлька надевала особое обмундирование: ватные брюки, фуфайку, валенки. Свадьбу решили не откладывать. Мечтали о ребёнке. И мечта, кажется, сбылась.

Накануне регистрации Вадим пришёл домой пьяный. Плохое настроение в соответствии с его линейной жизненной формулой перешло в раздражение, затем в агрессию.

- Я в этой жизни чувствую себя проигравшим, - начал он вполне миролюбиво. — Мне не везло с самого детства. Корни-то гнилые. Я родился слабым. У матери не было молока. Где силу взять? Был слабым, слабым и остался. Отец — офицер-неудачник, уволенный из армии за пьянку. Чувство обиды заставляло его искать виноватых. Искал и находил. Отыгрывался на жене, детях... Пьяный, он становился неменяемым: бил мать смертным боем, выгонял нас, детей, босых, раздетых, на мороз. Мы прятались в соседской баньке... - глаза Вадима, ставшие угольными, блестели не по-доброму.

Накинув на плечи шубейку, Юлька подвинула шаткий стул ближе к дверям. Вадим продолжал:

- Так было, пока мы с Серёгой не подросли и не дали отцу настоящую взбучку. Да, били... Помогло. Теперь он издевался над матерью только в наше отсутствие. Жили бедно: на зарплату учительницы начальных классов. А у нас, если ты не богат и не знаменит, ты — никто! Но за себя постоять я всегда мог... Пусть попробуют... Пробовали — и получали... - Вадим сжал кулаки. - Я

был в возрасте, когда человек учится быть злым.

Юля боялась пошевелиться.

- А дальше ты сама знаешь: Валька, моя первая школьная любовь, предпочла мне преподавателя института... Я не хуже этого старика: учился всегда хорошо, закончил с отличием политех. В аспирантуру собрался. Обещали... Бац! В армию забрали. В армию, которую я ненавижу! А в аспирантуре вместо меня учится другой: у него есть «волосатая рука» ... Скажи, как после этого жить?! — Вадим с размаху стукнул кулаком по столу.

- Вадик, - стараясь быть спокойной, начала Юля. — Нельзя же смотреть на жизнь, как на серию неприятностей. Жизнь — это ряд испытаний, которые мы вместе переживём. Поверь, мы не бессильные жертвы обстоятельств. Мы сами научимся контролировать происходящее вокруг нас. Ты выпил, возбуждён... - не успела Юля закончить фразу, чтобы примирить будущего мужа с действительностью, как получила удар по лицу.

Приютили соседи. Всю ночь плакала. Утром простила. В обед отправились в ЗАГС. Радость снова превратилась в пыль.

Родился Женька. Оттаяла Юля.

Сын — свет в окошке, её кровиночка. Ребёнок метался между родителями. Он не понимал, кто прав, кто виноват. Ему нужны были оба.

- Мама, а почему мой папа всё время злой?— спрашивал сын.

- Какой же он злой? Просто его обидели, - как могла, объясняла Юля.

Отслужили Мезенцевы, переехали в небольшой городок. Работа не приносила Вадиму ни морального, ни материального удовлетворения. Жили на учительскую зарплату Юли. Время от времени Мезенцев напивался до потери сознания. А когда приходил в себя, бил Юльку сначала только по голове, но так, чтобы не было видно синяков, а потом и об этом перестал беспокоиться.

Одиннадцать лет терпела Юля. Почему? Одному Богу известно. Наконец, терпение кончилось: Женьку за руку, сумку в руку и... в никуда!

Голос совести замолчал, но зато в истерике забился будильник: на работу пора. «Эх, хорошо бы начать всё сначала!» - с этой мыслью Вадим вышел из дома.

На автобусной остановке два успешных похмельиться мужика с красными от перепоя глазами с утра пораньше искали ответ на извечный русский вопрос: «Ты меня уважаешь?» Если «да», отношусь к тебе хорошо. Если «нет», получишь по шапке. Слово за слово, дошли до рукоприкладства. Каждый защищал своё «я», требуя к себе уважения. Вадим бросился их разнимать. В руке одного из мужиков блеснул нож.

Вадим лежал в луже крови... Вокруг суетились какие-то люди, скрипели тормоза, визжала сирена...

- Мужики, прошелестел Вадим одними губами, - научитесь сначала уважать себя...

В этот миг почему-то посмело взойти никчёмное солнце... А Мезенцев уже шёл по пустынной дороге в никуда...

Людмила ТАБАКОВА

ТИМКА

Любовь русалки

1

В который раз она одна оставалась с матерью. Братья, похихикав, исчезали уже несколько дней подряд. Мать беспокоилась, но не торопилась принимать решение, до конца не выяснив ситуацию. Возвращались братья довольные и сытые. Когда с ними пыталась завести разговор, они отшучивались, обещая всё рассказать позже. Вот и сегодня, не проплыв и двух поисковых разворотов, они опять бросили её с быстро уставшей матушкой. Она не могла поверить своим глазам, такого пренебрежения и непослушания никогда не встречала от близких.

«Наверное, я стала слишком стара и неуклюжа», — думала мать, печально поглядывая на любимицу. - «Как она останется одна, Ласточка моя?» Она нежно прикоснулась к ней и шлёпнула плавником. Та, воодушевлённая лаской, завертелась, выписывая круги.

«Четырнадцать, совсем ребёнок! Надо найти для неё семью, одной нельзя». Скорее из-за желания согреться в тёплой воде побережья, мать направилась к бухте. Дочь, резвясь, последовала за ней. К удивлению здесь оказались удачные возможности для охоты. Сильное придонное течение резко поворачивало и возвращалось в море, теряясь в глубине. Длинная песчаная коса перегораживала небольшую бухточку, оставляя узкую щель около прибрежного мыса.

«А что, можно попробовать! Если рыбу разогнать в потоке течения, преградить дорогу косяку, прогнать через щель, то потом останется только глушить её в укромной бухточке».

Распределив обязанности, мать спряталась около мыса, а дочь отправилась в море. Она уже знала, как разыскать стаю сельди и гнать её по намеченному плану. Одной будет сложно, приходилось рассчитывать на течение. От страха рыба дико несется в водном потоке, не тратя силы на сопротивление воде.

Мать долго ждала: «Получится ли? Малышка ещё так не сообразительна!» И вдруг, она чуть не упустила момент, плотный косяк рыбы вывалился прямо на неё. Она развернула своё огромное тело, поток рыбы стал разбиваться в разные стороны, часть его попадала в щель между мысом и косой. Нужно было обязательно выждать, но и слишком затягивать тоже нельзя. Мгновения казались бесконечными. Мать уже

видела дочь. Мысленно скомандовав «пора», они обе устремились друг за другом по узкому проходу в бухту.

Вода от рыбы в маленькой ловушке закипела. Охотницы быстро насыщали трёхдневный голод, нанося оглушительные удары хвостом. В одном месте сельдь сбилась в огромный пузырь. Пока старуха-мать дивилась диву дивному и рассматривала тёмное пятно над головой, «её Ласточка» кинулась и рванула шар на себя. В зубах что-то застряло. На поверхности сильный всплеск, кто-то отчаянно закрутился в воде, над головой зарябило от расплывающихся кругов. «Ласточка» выплюнула сеть и стала рассматривать непонятное существо, которое свалилось ей прямо на нос. У него много плавников, а вот хвоста совсем нет. Он пытался освободиться от сети, но запутывался ещё больше. Его судорожные движения могли разорвать любое сердце. Хотя мать подавала ей знаки не приближаться, она оказалась рядом, и позволила ему ухватиться за себя. Сострадалица стала подталкивать его к косе. Постепенно его объятия стали ослабевать и он начал соскальзывать вниз. Укоризненно выдохнув, недовольная матушка начала помогать и через несколько минут они вытолкали тело рыбака на песок.

- Ой, не хорошо это, милая, человека лучше не спасать! Плохая примета. Не смотри на него!

- От чего? Кто такой человек?

- Когда-то мы вместе жили на земле и ничем не отличались друг от друга, но разошлись наши дорожки, а может, ссора была, теперь никто и не припомнит. Наши ноги превратились в хвост, и никого сильнее нет теперь на всей воде от края и до края. Только не смотри на него, не надо.

-Я одним глазком, он не дышит. Совсем не дышит!

Она приподнялась из воды по пояс и вытолкнула своё красивое тело на песок сильным взмахом хвоста. Дотянулась и ударила подбородком в грудь. Он закашлял, и фонтан воды взметнулся изо рта. Спасительница увидела голубые глаза и своё отражение в них.

На обратной дороге они молчали, шумно вздыхали и украдкой поглядывали друг на друга.

После удивительного спасения Нэду стало невероятно везти в море. Стоило ему забросить сеть, как он моментально заполнял свою байдарку треской, макрелью, а то тунцом или палтусом.

Весть о таком сказочном везении моментально разнеслась не только по поселку, но и по всему побережью. Из никому не нужного бедолаги он сразу превратился в завидного жениха. Через месяц он отремонтировал старый дом и купил два добротных бота. Нанял команду и задумался, а не попробовать ли удачу в охоте на китов. Самый богатый торговец в посёлке обещал помочь приобрести всю необходимую оснастку с условием, что Нэд возьмёт в жёны его дочь. За что такое счастье свалилось на него!

Рано утром, неся новенький гарпун на плечах, Нэд направился к пристани. На пути сидел древний старик, бездомный дурачок. Он перебирал гальку на берегу и беседовал сам с собой на незнакомом языке.

Поговаривали, что когда-то старик был богат, имел несколько лодок. Двое его сыновей слыли первыми рыбаками, но однажды, их судно перевернулось, и оба пропали в море. Старик тронулся умом и с тех пор нес всякую чушь, даже отдельных слов было не возможно разобрать.

У Нэда было хорошее настроение, с помолвкой дело решено, деньги на гарпун одолжил будущий тесть. Проходя мимо бродяги, он снисходительно хлопнул его по плечу. Старик поднял глаза, и вдруг чётко произнёс:

-А, удачливый Нэд! Хе-хе! А знаешь почему? Русалка в тебя влюбилась! Вот прознает про свадьбу и утащит к себе.

У Нэда ёкнуло в груди. Ему все время чудилось, что за ним кто-то наблюдает у песчаной косы, а теперь ещё эти слова деревенского дуручка.

3

Сегодня она решила, что поплывёт с братьями, они давно собирались показать ей один прикол.

- Ты ела язык кита? Попробуешь, больше не взглянешь на свою селёдку!

-С ума сошли, мальчики, втроём на кита!

-Не бойся, говорю, есть один финт!

-Возьмём как обычно в треугольник и погоним к берегу. Я сегодня там видел рыбаков.

Полосатик поначалу не обращал на них внимания, но они мешались на пути, кусали и дразнили его. Он старался уйти от столкновения и не заметил, как очутился на мелководье. Внезапно острая боль пронзила откуда-то сверху. Кит опрокинулся, и канат захлестнул его тело. Он попытался перевернуться обратно, но боль снова и снова прокалывала его в разных местах.

Братья подавали ей знаки не высовываться. Из укрытия они наблюдали, как рыбаки гарпунили кита. Когда он измотался и перестал двигаться, его стали буксировать к берегу.

-А вот теперь наш выход!- скомандовали братья.

Они подскочили к корме, и каждый ухватил по кровавому канату, волокущему кита. Небольшой бот сбавил ход, и сильно накренился.

- Отпустят, как миленькие!- наглые разбойники не сомневались в своей удаче.- Ну-ка, сестричка, подтолкни скорлупу с другой стороны!

Она выпрыгнула из воды, и вместо того, чтобы опрокинуть суденышко, зависла в воздухе, рассматривая мечущихся людей на палубе.

Сердце остановилось, время оборвалось, она поймала на себе его взгляд. Как она мечтала, и как она боялась оказаться перед этим взглядом. Ненависть, отчаянье, страх были в его глазах. Она кинулась к братьям и стала умолять отпустить канаты и оставить рыбаков с уловом в покое. Те, не видя от неё помощи, начали громко ругаться и прогонять её.

Нэд решил, что ни за что не отдаст кита. Он схватил гарпун и выстрелил в бурлящее море за кормой.

Удар был резкий и когтистый. Красный тёплый шлейф окутал её и заструился над головой. Испуганные братья отпустили канаты и пытались поддержать её. Они толкали её к песчаной косе.

Чёрно-белая касатка ещё долго дышала, её кровь заливала песок и красила тихонько набегаящую волну. Умерла она ночью, плавающие вокруг дельфины прощались с ней.

По закону жанра

Отсюда было всё хорошо видно. Скоро пожар пойдёт на убыль, и языки пламени перестанут отражаться в тёмной воде озера. Какая тишина воцарится здесь, когда не станет слышно гула и треска огня. Тишина и покой.... Ну, что-же, пора в последний раз взглянуть на дело рук своих, глубоко вздохнуть, и уйти, не оглядываясь.

* * *

Мысль появилась сама по себе. Андрей даже не мог бы вспомнить точно, когда именно он подумал о чём-то подобном впервые. Но постепенно мысль стала принимать вполне реальные очертания, и формироваться в очень опасную, но заманчивую идею. Помнится только, что в один из немногих вечеров, когда он заранее не сговорился с друзьями-приятелями, да и все остальные планы тоже не сработали, Лида, как обычно, сидела у телевизора и смотрела один из бесконечных слезоточивых сериалов. Она их обожала настолько, насколько их терпеть не мог Андрей. На кухне у них был второй, маленький телевизор, но в этот раз не транслировали никаких матчей, да и скучновато ему стало, и поэтому Андрей развалился в соседнем от

Лидино кресле, и уставился в экран, заранее скептически ухмыляясь. Через пять минут он ухватил суть интриги, и шумно поёрзав в кресле, решил высказать своё мнение, чтобы хоть как-то поддеть жену.

- Эти твои сериалы рассчитаны либо на маленьких детей, либо же на полных дебилов. Всё легко предсказать заранее. Когда у героя или героини появляется новая любовь, то ненужный персонаж вовремя падает с лестницы, или попадает под машину. Это же примитивный закон мелодрамы. Как только тебе не скучно смотреть эти сказки!

- А мне нравится, - по обыкновению коротко ответила Лида.

Андрей встал и демонстративно ушёл на балкон курить. Обычно он выказывал своё умственное превосходство гораздо дольше и изощрённее.

- А нечего смотреть всякую чушь, - думал Андрей, стоя на балконе, - только Лидка, с её куриными мозгами, может верить, что нужный шанс стучит в дверь в нужное время, и переживать над всякими выдумками. А в жизни.... В жизни везение чаще поворачивается спиной.

Он не успел додумать то, что уже

обретало конкретную форму, потому что в этот момент зазвонил телефон. Он услышал в трубке голос Веры, и стал уже думать только о том, что сказать Лиде на этот раз, чтобы вышло правдоподобно и коротко. Как всегда, нужный предлог легко нашёлся. Через неделю, когда он в очередной раз возвращался домой от Веры, а может быть, и от Натальи, сказать трудно, он вдруг заметил, что снова думает о том, как было бы хорошо, если бы Лиды не было дома. Ну, может же она, возвращаясь от подруги, сломать ногу и попасть в больницу, или купить что-то несвежее и отравиться. Хотя нет, с ней всегда всё в порядке. Она хорошая хозяйка и покупает всё только качественное, поздно она не возвращается, да и подруг у неё немного. Так что, она, скорее всего, дома. Андрей знал, что Лида ничего ему не скажет, но от этого ещё противнее.

- Да, удачное стечение обстоятельств можно лишь вообразить, - подумал Андрей, - но почему только вообразить? А если сделать его своими руками?

Эта мысль Андрея сначала позабавила. Почему бы не начать писать сценарии для сериалов — фантазии ему хватило бы с избытком.

С Лидой они прожили вместе уже шесть лет, и давно поняли, что

совершенно чужие друг другу. Можно, конечно, развестись, но тогда придётся делить всё нажитое вместе имущество. И что он получит? Квартира принадлежит Лиде, она досталась ей по наследству, как и дача на берегу живописного озера в глубине красивейшего леса на Карельском перешейке. Андрей познакомился с Лидой, когда она уже была сиротой. Она работала в фирме, куда устроил Андрея старинный приятель. Её родители были довольно обеспеченными людьми, а Лида была их единственным ребёнком. Андрей сразу понял, что эта девушка — не очень красивая, склонная к полноте, с близорукими глазами за толстыми стёклами квадратных очков — находка для такого Дон-Жуана, как он. Всё вышло даже быстрее и проще, чем он предполагал. Лида, с детства, видимо, ждавшая принца, с лёгкостью увидела его в Андрее. Она во всём с ним соглашалась, когда он планировал их общее будущее, но вот прописать его к себе, и переписать на него дачу, как на главу семьи, Андрей не смог её убедить, как ни старался. То ли родители ей что-то внушили в своё время, то ли чувствовала она какую-то фальшь, но когда Андрей стал проявлять нетерпение, а потом и несдерживаемую более злость, она молча отворачивалась и занималась своими делами. И он отступился. Вскоре он завёл себе

множество приятелей и милых подружек, которые отвлекали его от домашней тоски, и с кем он мог продемонстрировать свой развитый интеллект и накачанные мускулы. Лида же чаще всего сидела перед телевизором, или уходила с книжкой в скверик перед домом. Материально они ни в чём не нуждались — зарплата перечислялась на их общий счёт, на этом Андрей настоял. Сумма скопилась немаленькая, поскольку детей у них не было. Лида мечтала о ребёнке, но Андрей убедил её, что сначала надо пожить для себя. Чем он и занимался, благо денег на развлечения хватало. Но разве он не заслуживает хорошей жизни? Он молод, умён, талантлив, в фирме он стал незаменимым человеком, он всегда окружён целой толпой тех, кто хотел бы завести с ним тесные отношения. Кто же осудит его, что ему нравится выпить в компании, свозить на дачу очередную подружку, благо Лида там почти не бывает. Последнее время он зачастил туда с Верой, да и один ездил, чтобы подготовить всё к очередному пикнику. Представить на минутку, что Лида поехала туда с ним. Они выпьют шампанского, вспомнят, как в первый год совместной жизни ездили сюда каждый выходной, они разожгли бы камин... А потом она уснула бы, а ему нужно было бы уезжать, чтобы успеть утром на работу. Работали они вместе, но в

разные смены. Она бы осталась, а ночью из камина выпадет недогоревшее полено и займётся ковёр на полу, а потом и шторы. А от дыма так легко задохнуться. Всё, как в настоящей мелодраме — когда персонаж становится лишним, его убивают.

Вот так было произнесено слово. А потом уже Андрей понял, то обдумывает это серьёзно, до мелочей, с присущей ему скрупулёзностью.

Всё можно устроить так, что никто не придерётся. Выдумать повод, уговорить Лиду, напоить её — это будет нетрудно, она пьёт очень мало и быстро опьянеет. Остальное зависит от его ловкости и умения. Ну, а потом немного потерпеть, изобразить скорбь, выдержать траур, а там... У неё почти никого нет, кроме него. Две-три приятельницы, не особо близкие, да ещё их общий сослуживец Антон, который последнее время что-то зачастил в гости. Смешно! Разве может кого-то в с е р ь ё з з а и н т е р е с о в а т ь тридцатилетняя, довольно полная, близорукая, почти не следящая за своей внешностью женщина? Андрей даже засмеялся вслух от такого предположения. Нет, Антону явно нужно что-то от него, Андрея, вот он и решил действовать через Лидку. Выходит, милая, плакать о тебе будет некому. Дачу, конечно, жаль, но нужно же чем-то жертвовать. Так что,

недельки через две всё будет подготовлено. И Андрей стал обдумывать детали.

Всё получилось. Да, теперь уже можно сказать с уверенностью, потому что позади все страхи, сомнения, унижения, отчаянье... Было очень трудно всё довести до конца и не вызвать подозрений. Но теперь уже нет дороги назад. А в голове почему-то застряла фраза: «Таков закон жанра». Именно с похожей фразы всё началось. В конце концов, пришлось во всём признаться Антону, но без его помощи и поддержки ничего бы не вышло. Он молодец — ждёт сейчас на вокзале, волнуется. Уже погасли последние отблески пламени, отражающиеся в озере. Из-за деревьев виден лишь дым, поднимающийся с места пожара. Дом был деревянный, старый, так что всё сгорело дотла. Присутствие алкоголя в крови, никаких следов насилия... Только вот в душе будто такое же пепелище. Но это должно пройти. Лида глубоко вздохнула, повернулась, и пошла, не оглядываясь, по дороге к станции...

Ирина МИРОНОВА

Геронтофил

Надо же что-нибудь сделать. Сижусь и тупо смотрю в монитор. Там уже давно переливается заставка — яркие цветы на чёрном фоне. Взгляд натывается на лепестки белоснежной лилии, и память услужливо отбрасывает меня в прошлое.

Я познакомился с ней на форуме, куда зашёл в поисках уроков по флешу. Форум оказался литературным, хотя то, что мне было надо, я там тоже нашёл. Но от нечего делать, полез в другие темы, и когда увидел её аватарку, почему-то сразу решил завязать разговор. Никнейм у неё был Лилия, а на аве в раскрытых ладонях распускался радужный лотос. У остальных участников форума были аватары, что называется, с человеческим лицом. Но дело даже не в этом. Она откликнулась там, где я задавал вопросы чисто технического характера. И объясняла всё так грамотно и увлекательно, что сразу было понятно — компьютерные программы для неё не развлечение, а развлечением являлись разговоры о прозе и поэзии. Мы мило беседовали на самые разные темы. Я занимаюсь компьютерным дизайном, но мама — учительница литературы — привила мне любовь к книгам, к поэтам Серебряного века, к классике прозы. Раньше я был

готов читать всё подряд, и моя малогабаритная «однушка» была забита книгами под потолок. С появлением компьютера, который стал для меня и работой, и отдыхом, надобность покупать книги отпала, я просто искал в мировой паутине всё то, что душа желала в данный момент.

Поначалу Лилия меня развлекала, она рассуждала обо всём с детской непосредственностью, но вдумчиво, к тому же обладала хорошим чувством юмора. Я взял себе имя Бальтазар. Меня зовут Дмитрий, и все друзья называют меня не иначе, как Димон. Ну, Демонов в паутине пруд пруди, вот я и решил отличиться. Лилия поинтересовалась, что такому могущественному демону понадобилось от простого цветка, или сериалы уже не приносят морального удовлетворения? Вообще, мы зубоскалили, выясняли, кто чем дышит, обменялись аськами, и постепенно поняли, что любим одну и ту же музыку, одни и те же книги и фильмы. А потом она дала мне почитать свои стихи, и я пропал. Ещё в самом начале знакомства выяснилось, что мы с ней живём в одном городе, и, в конце концов, я решился назначить ей свидание. Согласилась она не сразу, я уговаривал почти месяц, постепенно становясь всё более красноречивым. Стихи она тоже вдруг перестала показывать, но я был

уже настолько полон ими, что воображение нарисовало мне ту, что могла так чудесно сочетать в себе воздушность рифм и практические навыки программиста. В моих мечтах она была черноглазой с длинными пепельными волосами...

Договорились встретиться в открытом кафе, которое уютно расположилось на пешеходной улице возле центральной магистрали нашего города, напротив величественного собора, над колоннами которого гнездятся голуби, прилетающие на каменные плитки мостовой возле кафешки разжиться крошками и потанцевать, распушив хвост, свои голубиные танцы. Она написала, что будет в соломенной шляпке, с белой лилией в руке. Я счёл это остроумным, и сказал, что меня она узнает по рогам и копытам.

Перебрав весь свой гардероб, я поймал себя на мысли, что очень хочу произвести впечатление и жутко волнуюсь. В итоге, оделся, как на работу: светлая рубашка в еле заметную полоску, галстук и чёрные джинсы. Пиджак по причине жаркого дня отнёс сразу, да и галстук по дороге снял и сунул в карман. Подходя к кафе, я ещё издали увидел женщину в белой соломенной шляпке с широкими полями, она сидела, склонив голову, в руках, на

которых были белые кружевные перчатки до локтя, она держала белую, почти увядшую, лилию. Сердце подпрыгнуло. Но тут она подняла лицо мне навстречу, и сердце ухнуло куда-то вниз и покатилося. Роза на длинном стебле, которую я купил по дороге, упала на каменные плитки. Женщина была стара. Нет, выглядела она неплохо — светлые, почти без седины, короткие волосы, синие глаза в сетке морщинок на чуть загорелом лице, лёгкий румянец на щеках, ещё красивая линия рта с вздёрнутой верхней губой. Но ей было никак не меньше шестидесяти. Подобрал свою розу, я обвёл глазами кафе, потому что решил, что это простое совпадение.

- Ну, и где же Ваши рога и копыта? — прозвучал насмешливый мелодичный голос. Его обладательница смотрела на меня из-под полей шляпки с лёгкой улыбкой, от которой верхняя губа смешно вздёрнулась, и даже с каким-то сочувствием. Я упал на стул напротив нее.

- Вы Лилия?

- Не люблю это имя. Зато люблю Маяковского, поэтому дома все называют меня Лиля. И Вас, Митенька, я попросила бы так ко мне обращаться. Я не знал, куда себя деть от стыда и досады. Митенькой меня ещё никто не называл. Лёгкая сухая рука, усыпанная старческой «гречкой», опустилась на

мою руку, в которой я всё ещё сжимал злополучную розу.

- Знаете, я оставляю свой опознавательный знак здесь, ведь чётное число цветов мне пока не полагается, - она поставила лилию в стаканчик с салфетками, - а розу, если позволите, я отнесу домой. Несмотря на Ваше разочарование, не откажитесь проводить меня, представьте, что я Ваша бабушка, страдающая маразмом.

Чувство юмора, по крайней мере, всё так же при ней. Я встал, она взяла меня под руку, и мы пошли. Походка у неё была лёгкой, как у девушки. По дороге мы начали ничего не значащий разговор — о погоде, о нашем городе, о книгах... Я боялся спрашивать, зачем она придумала весь этот розыгрыш. А потом она сказала:

- Давайте, я Вам почитаю свои стихи...

И стала читать. Одно, второе... Когда она внезапно остановилась и сказала: «Ну, вот мы и пришли», кивнув на парадную дверь старинного особняка, я не удивился, что она живёт в таком месте.

- Прощайте, Митенька! Если захотите, встретимся в... - она слегка запнулась - в интернете.

Последнее слово она словно попробовала на вкус. Домой я вернулся

абсолютно не в себе. А вечером вышел в сеть. Лилия была там. И мы снова общались, как и прежде. И я поражался, насколько она молода душой. Но на просьбу прочесть ещё что-нибудь своё, она ответила резким отказом. И тогда я, сам того не ожидая, попросил ещё раз встретиться в реале. Она долго молчала, но потом согласилась. И мы встретились, и снова бродили по городу, и она читала свои стихи... Я рассказывал о работе, пытался расспросить и её, откуда у неё такие познания в программировании, но она сказала, что устала и расскажет завтра. А назавтра я и сам забыл об этом, и мы говорили о музыке. А после этой третьей встречи она исчезла. Совсем. На форуме её не было, в аське тоже, а когда я подошёл к знакомой парадной, оказалось, что за вычурными дверями особняка — коридор, ведущий в проходной двор, каких много в нашем городе. К концу недели я понял, что со мной что-то не в порядке. Образы реальной пожилой женщины и девушки-лилии объединились в моём воображении, словно сотканые из бриллиантовой паутины стихов. Я не знал, чего я хочу, и как назвать то, что я чувствую. Я просидел ещё два дня в ожидании отклика, а потом решил поделиться своей проблемой с Витькой, моим другом детства и соучредителем нашей маленькой дизайнерской фирмы. Я

понимал, что зря это делаю, потому что он давно пытался сосватать мне свою сестру Катерину, которую из-за властного характера и привычки всеми командовать, я прозвал Екатериной Великой. Я много раз пытался объяснить Витьке, что люблю в женщинах нежность и тихий нрав, но он не оставлял надежды сделаться моим шурином. Зачем я ему это рассказал? Как можно объяснить, почему я, вполне нормальный до этого момента, обеспеченный, образованный, пользующийся успехом у противоположного пола, тридцатилетний мужчина «запал» на старуху. Да так, что нет мне ни сна, ни покоя. Витька смотрел почти безразлично.

- И ты поэтому всю неделю не показывался в офисе? «Поработаю дома»... Нет, я бы понял, если бы она была «звезда» типа Пугачихи, а так... бабушке просто скучно стало. А денег она у тебя не просила?

Я уже пожалел, что рассказал ему. Витька, видимо, что-то прочёл на моём лице, потому что распалился окончательно.

- Никогда не думал, что ты, - он поискал слово, - геронтофил!

Дверь за ним с шумом захлопнулась. Я опять уткнулся в

монитор.

Всё. Завтра пойду к психологу. Я двинул мышку, чтобы убрать заставку и выключить комп, но увидел, что окно «аськи» мигает жёлтым. Она! Сердце словно обдали жидким азотом. В ответ на мою длинную тираду, она коротко назначила встречу на завтра всё в том же кафе.

Я купил букет белых лилий, и примчался заранее. Сел за столик и стал ждать. На мостовой красавец-голубь выделял замысловатые «па» перед голубкой. Я засмотрелся на них, и не сразу заметил, что рядом кто-то стоит. Девушка. Пепельные длинные волосы, почти чёрные глаза из-за расширенных зрачков. Наркоманка? Подошла поклянчить на дозу? Не похоже.

Она села на стул напротив и заговорила.

- Дима, простите меня. Это я во всём виновата. Я воспользовалась бабушкиными стихами, а когда поняла, что именно их Вы и ждёте от меня, то смалодушничала. Я умолила Лилю (меня называли в честь бабушки, но чтобы отличать, я — Лилька) сходить вместо меня на встречу. Она была такой

счастливой, и так рассказывала про ваши прогулки! Я, дура, даже приревновала. Никогда себе не прощу. В компьютере она совершенно не разбирается, даже не знает, как его включить. Не знала... Её больше нет, Дима! Врачи давно готовили нас к тому, что с её слабым сердцем, это может случиться в любой момент. Когда её забирала «скорая», она попросила меня встретиться с Вами и предать вот это.

Она протянула мне тоненькую тетрадочку. Стихи.

- Я уже удалила ваш номер из аськи, и на форум я больше не приду. Если бы Вы знали, как больно... Простите, и...забудьте...

Девушка коснулась моей руки таким знакомым жестом, повернулась и пошла к проспекту. Я смотрел ей вслед. Сейчас она смешается с пёстрой толпой, и я никогда не узнаю, как она улыбается — вздёргивается ли при этом так же смешно её верхняя губа. И никто не расскажет мне о том, какой была Лиля... Я вскочил и кинулся следом. Напуганные голуби, громко хлопая крыльями, взмыли ввысь.

Ирина МИРОНОВА

Догма

Где-то в глубинах Космоса в плотности межзвездной пыли, находясь посередине между двумя Солнцами, уравновешивающими власть друг друга, медленно крутилась небольшая планета, населенная разумными живыми существами. Планета под названием Дилема — равномерно нагреваясь с обеих сторон, представляла собой два теплых полюса, разделяемых широкой полосой вечной мерзлоты, покрывающей огромную территорию экватора. Эта корка льда и снега как бы окольцовывала планету и делила ее на разные миры, отличающиеся между собой и географическим положением и условием жизни, и мировоззрением живущих на Дилеме существ, и идеологией развития прогресса этих существ.

Один из полюсов вследствие природных катаклизмов и многочисленных атак метеоритов был больше не пригоден к жизни. На другом полюсе жизнь кипела в прямом смысле этого слова. В этой части планеты всегда было жарко и светло. Не было ни времен года, ни дня и ночи. Жители научились строить дома под землей, а позже при возведении высотных зданий — проектировать систему окон и жалюзи с полной изоляцией солнечных лучей. Так, здесь каждый сам решал,

когда ему отходить ко сну. На огромной же территории экватора была вечная мерзлота и снег никогда не сходил с гор. Но и здесь научились жить. Тела существ покрывались густой шерстью, защищающей от холода. Зрачки глаз были узкими, и хорошо натренированными, избирательно пропуская яркий, отраженный от кристально чистого снега свет. И никто никогда не страдал от недостатка тепла. Здесь давным-давно организм приспособился к суровым условиям, и эти суровые условия стали уже неотъемлемой частью комфортного существования.

Но между этими двумя мирами была война.

Две культуры, две великих цивилизации, две расы, живущих каждая по своим законам, не понимающие друг друга и видящие друг в друге только лишь угрозу своей собственной жизни. Одни любили тепло и называли себя Жарос. Другие научились жить в холоде и видели в нем свое спасение — Колдохоняне. Ни те, ни другие ничего не хотели слышать о мире и желали лишь одного — захвата чужой территории и изменения условий обитания на ней. Война шла уже много веков, унося тысячи жизней, и постепенно

уничтожая обе великие расы. И все более становилось очевидным, что необходимо кардинальное и окончательное решение проблемы.

— ...На протяжении многих сотен песочных лет мы терпим на нашей планете присутствие этих существ. Мы не можем жить с ними в мире. Это абсолютно исключено, и каждый из вас знает это. Мы ведем войну, терпим поражения, тратим свои ресурсы, и, что самое ужасное, наши жизни. За последние пятьдесят песочных лет в результате различных столкновений и боевых действий, и, я подчеркиваю — нападений на наши территории — погибли тысячи наших солдат. Нас истребляют, нас изживают с Дилеммы... — разносился по всему Капитолию твердый уверенный голос, отражаясь от стен, и возвращаясь эхом, придавая своему оратору еще больше твердости и делая его еще более грозным и уверенным в своих словах. Военный председатель в парадном белом мундире стоял на трибуне, словно возвышаясь своим мощным мраморным телом над кафедрой, и произносил речь, все больше убеждая всех присутствующих в правильности своих слов. Он практически не шевелился, лишь изредка поворачивал голову, чтобы окинуть взором собравшуюся аудиторию, оказывая психологическое давление на членов

Сената только лишь своим грозным голосом. Это придавало оратору еще больше важности и величия. Казалось, что он способен сворачивать горы, корезить листы метала и повелевать целой армией одним только взглядом. Его волевое, но холодное, словно камень, лицо покрывалось потом, и, не выражая практически никаких эмоций, кроме уверенности в своей власти, внушало страх и заставляло трепетать.

— ...Сейчас настал тот самый момент, когда мы можем раз и навсегда покончить с этой страшной угрозой — угрозой под названием раса Колдохонян. Если мы не сделаем этого сейчас с ними, они сделают это с нами — они уничтожат нашу цивилизацию и навсегда изгладят наше имя из летописи времен. Мы просто обязаны защитить себя. Мы имеем полное право на существование и должны сделать все возможное, чтобы это право отстаивать. Сейчас у нас еще есть шанс. Военный председатель немного опустил свою гордую голову и бросил взгляд на кафедру, на которой лежали его записи. После небольшой паузы он поднял глаза на аудиторию и произнес:

— Мы разработали проект, который положит конец этой ужасной и многовековой войне. Его суть заключается в следующем: мы проведем под землей до экватора несколько туннелей, по которым будет

производится управляемая ядерная реакция. Огромное количество тепла от этой реакции согреет землю в районе экватора и растопит многовековые льды. Одновременно с этим мы начнем массовое наступление на территорию врага. Демобилизованная и изжаренная армия, не привыкшая к теплу, будет в миг сокрушена одним мощным ударом. Мы навсегда сотрем следы расы Колдохонян с этой планеты и получим их территории. Мы сможем заселиться на новой местности — на той части Дилемы, которая сейчас непригодна для жизни, но потом станет нашим домом.

Ужасаясь услышанному, восседая среди членов Сената на последних рядах, молодой цивилизационный служащий резко вскочил на ноги. Это был Герос — юрист, потомственный сенатор. Его отец, дед и прадеды служили своей цивилизации. И главное, чему они всегда учили его — цивилизация сильна только тогда, когда сохраняет в себе мир, только тогда, когда сохраняет мир вокруг себя. Жестокость — это путь к разрушению. Разрушение, вырвавшись на свободу, уничтожит все вокруг себя, а потом, насытившись, поглотит и свою родину. Разрушение уничтожит все, и даже ту цивилизацию, из которой выйдет. В соответствии с этими принципами, Герос просто не мог мириться с тем бредом, который он сейчас слышал.

Дрожащим голосом, он произнес:

— Уважаемый военный председатель... я... поражаюсь тому... ужасу, который сейчас прозвучал в этом собрании... — Герос запнулся. Он тут же почувствовал на себе тяжелый взгляд своего оппонента. Не легко было противостоять могуществу военного генерала — он был страшен и силен и не любил, когда с ним спорили. Молодой сенатор почувствовал, как по его телу пробежала дрожь и выступил пот, и в прохладной аудитории, как будто стало жарко. Робея, но, преодолевая свою робость, Герос продолжил:

— Нельзя так просто взять и уничтожить целую расу. Они тоже имеют право на жизнь. Кроме того, неизвестно, к чему приведет этот страшный технический эксперимент.

— Я согласен. — поддержал его один из зрелых сенаторов, тоже поднявшись со своего места. — Это варварство. И, кроме того, слишком большой риск. Герос повернул голову, на мгновение встретившись взглядом со своим, как ему тогда показалось спасителем, и, слегка улыбнувшись и почувствовав в себе бульшую уверенность, возвысил голос:

— Именно! Мы не имеем право уничтожать целую цивилизацию! Это аморально! Не мы давали жизнь расе Колдохонян и не нам так просто ее

отнимать. Мы должны искать компромисс. Я уверен, если мы постараемся, то сможем сосуществовать вместе. Никто не хочет этой войны. Нужно найти другой способ, чтобы прекратить ее. А то, что предлагаете вы — путь к разрушению. Ваш проект, военный председатель, утопия. История знала не мало случаев, когда природа одерживала верх над техническим прогрессом. Если что-то пойдет не так в вашем проекте — вы уничтожите целую планету. Ядерная реакция может выйти из под контроля и тогда не только раса Колдохонян, но и раса Жаросов будет истреблена. Молодой служащий остановился и выдохнул, и тут же почувствовал, как его сердце заколотилось еще сильнее. Кровь прилила к голове. Он продолжал смотреть на военного председателя. Тот безо всяких эмоций на лице начал медленно говорить.

— Прежде чем критиковать технический аспект дела, следовало бы ознакомиться с ним поподробнее, юноша. Здесь, — председатель поднял в руке папку с бумагами, — Расчеты специалистов. Все ситуации просчитаны не на один раз. Риски сведены к минимуму. Даже если что-то пойдет не так — ядерная реакция, проходящая под землей и удаленная от нашего расселения, не приведет ни к каким серьезным последствиям. Что же

касается моральной стороны этого дела...

Генерал оглядел всю собравшуюся аудиторию и возвысил голос. — Посудите сами: проблема нашего сосуществования заключается в том, что оно невозможно. Нам необходимо то, что является смертью для цивилизации Колдохонян, подобно, как и им для нормального существования необходимо то, что нас уничтожит. Мы живем в совершенно разных мирах. То, что для одних среда обитания — для других смерть. Мы настолько разные, что не сможем жить вместе. Вы прекрасно знаете: нам необходимо тепло, а в нем они жить не могут, в то время, как холод, который для них привычен — смертельно губителен для нас. Рано или поздно кто-то из нас начнет расселяться. У нас уже начинаются проблемы с нехваткой территории. Столкновения не избежать. Либо мы уничтожим их, либо они нас — другого выхода нет! Наше сосуществование невозможно! И мы тоже имеем право на жизнь! — громко произнес генерал. В этот момент произошло то, чего больше всего боялся Герос. Волна аплодисментов и ликований начала прокатываться по залу. Сначала один, потом двое, трое, несколько, и вот уже половина Сената встало на ноги и яростными криками начало поддерживать военного председателя.

"Да!", "Да, он прав!", "Это действительно так!" — слышалось со всех сторон.

Молодой сенатор не мог поверить своим глазам. Как будто все разом сошли с ума. В аудитории стало душно. Закружилась голова. Цивилизационный служащий скривился и в ужасе выбежал из зала на улицу.

В огромном изысканном кабинете, заставленном обшитой кожей и шерстью деревянной мебелью, и увешенном дорогими коврами, собрались министры во главе с председателем правительства. Расположившись полукругом на больших удобных стульях возле камина, они слушали своего правителя, чей спокойный размеренный приятный говор под треск горящего дерева, казалось, усыплял лучше любой колыбельной.

— ...Мы не можем жить в мире с расой Жарос. Вы все это прекрасно знаете. Мы слишком разные. Мы настолько разные, что условия нашего обитания взаимноопасны друг для друга. Принципы нашей жизни противоречат друг другу. То, что хорошо для нас — для них смерть, и наоборот — то, что им необходимо для нормального существования, уничтожит нас. Как это не печально признавать, но проблема нашего сосуществования заключается в том, что оно невозможно. Рано или

поздно кто-то из нас начнет расселяться. У нас уже начинаются проблемы с нехваткой территории. Столкновения не избежать. Либо мы уничтожим их, либо они нас — другого выхода нет.

Правитель оглядел всех собравшихся. Его спокойное, покрытое небольшой шерстью, лицо не выразило никаких эмоций. Но, чувствуя, что его министры уже начинают ожесточенно бороться со сном, он решил перейти к самой сути дела. Хотя его и забавляло то, что его служащие уже готовы были на любые способы стимулирования организма, лишь бы только не заснуть у него на приеме и не показать этим самым свое неуважение к верховной власти.

— Мы разработали проект, — начал он, — Который позволит нам... — правитель на мгновение остановился, — ...Уничтожить расу Жаросов и сделать их территорию более пригодной для нашего обитания. Мощная метеорологическая установка создаст сильнейший циклон на полюсе, где проживают Жарос. Она закроет небо над их территорией густыми облаками. Солнечный свет будет доходить до земли в очень небольших количествах. В результате температура понизится и на полюсе сформируются приблизительно такие же условия как на экваторе. Раса Жаросов замерзнет, мы добьем их

мощным ударом и захватим их территории. — с какой-то печалью и болью заключил правитель и сам ужаснулся от собственных слов.

— Прошу прощения, но мне кажется — это безумие. — негромко, но очень четко проговорил один из министров. — Мы не можем в раз уничтожить целую расу... так нельзя.

Правитель медленно повернул голову в сторону того, кто осмелился критиковать его замысел и посмотрел на него так, как будто бы искал спасения в его словах.

— К сожалению другого выхода у нас нет. — произнес правитель.

— Нет. — ответил министр. — Выход всегда есть. Всегда можно найти компромисс. Я уверен, мы сможем существовать вместе и положить конец этой бессмысленной войне. Мы приспособимся. Нужно постараться.

— Господин министр, вы знаете, что наши расы слишком разные и по своим потребностям не совместимы для существования друг с другом. Даже во время военных действий, Жаросам приходится надевать специальные тепловые скафандры, а нам идти в атаку, пробивая дорогу холодowymi пушками.

— Господин правитель, я уверен, мы сможем найти другой, более

цивилизованный путь. Среди солдат отмечались случаи приспособляемости организма к экстремальным условиям. При расселении новые жители смогут постепенно акклиматизироваться на чужой территории...

— Это невозможно! — тут же возразил один из военных министров, сидящий недалеко от камина.

Правитель резко обернулся в его сторону и быстро вернулся взглядом к тому, кто предлагал сейчас альтернативный путь — альтернативный насилию.

— Нет. Возможно. — произнес тот. — Я уверен, мы сможем приспособиться друг другу, мы сможем сосуществовать вместе. Уничтожить целую цивилизацию — это безумие, господин правитель. Не делайте этого. Правитель посмотрел в глаза своему министру, а затем опустил голову. Он колебался. Он не хотел насилия. Он искал хотя бы какую-нибудь тонкую нить, чтобы зацепиться за нее и чтобы эта нить привела его к другому пути. И он нашел эту нить.

— Хорошо. — произнес он, выпрямившись. — Если появятся доказательства того, что Жарос может приспособиться к холоду, а Колдохонянин к теплу — мы будем искать другой путь разрешения этой ситуации. Если кто-то перейдет территорию врага и при этом

останется жив и сможет существовать в новых условиях — это будет доказательством правильности ваших слов... и началом новой эры.

...Молодой сенатор Герос стоял на улице возле здания Капитолия под палящими лучами Солнца. Обдуваемый прохладным ветерком, он все еще находился под ужасом впечатлений от осознания надвигающейся и неизбежной катастрофы.

И вдруг что-то как будто ударило его. Что-то ворвалось в его разум с такой силой, будто летело тысячи километров и, разогнавшись, не смогло затормозить по инерции. Осознание чего-то пришло... Вызов... Ему брошен вызов... Правитель расы Колдохонян... Конец войны... Начало новой эры... Это пари. И ставка — сотни тысяч жизней... Это был вызов... И он принимал его. Герос по ступенькам вбежал в Капитолий и ворвался в аудиторию, в которой еще шли оживленные обсуждения операции военного министра. — *Послушайте меня!* — прокричал он. Десятки сенаторов на своих местах замолкли и повернулись в его сторону. — *Я докажу, что мы можем существовать вместе. Я докажу, что мы сможем приспособиться друг к другу. Я докажу, что организм может перестраиваться к новым условиям. Я перейду экватор.*

Наступила пауза.

— *Это безумие.* — наконец произнес военный председатель, слегка ухмыльнувшись. — *Нашим солдатам приходится надевать специальные тепловые скафандры, когда мы подходим к территории Колдохонян. И они очень неудобны, и непригодны для жизни, а только — для кратковременного ведения боя.*

— *Нет.* — возразил молодой горячий сенатор. — *Безумие — ваш проект. Вы собираетесь уничтожить целую цивилизацию и ставите под угрозу свою собственную. Не думайте, что все пройдет так гладко. Колдохоняне будут сопротивляться. Начнется только новый виток войны... которая закончится взаимным истреблением друг друга. Погибнут обе цивилизации.* — Герос гордо выпрямился и произнес. — *Я перейду экватор без всякого скафандра.*

— *Ты погибнешь.* — возразил генерал.

— *Нет.* — ответил молодой сенатор. — *Я докажу всем, что вы ошибаетесь. Это только лишь ваше убеждение, которое вы пытаетесь навязать остальным. Ваша догма. И я разрушу ее.* — и, обратившись в зал, он возвысил голос: — *Если кто-то хочет послужить своей цивилизации. Если кто-то хочет остановить эту страшную войну и предотвратить гибель двух*

великих культур. Если кто-то так же сильно любит свое отечество — я почти за честь разделить с ним тягости этой экспедиции. И наш совместный поход войдет в историю и изменит ее раз и навсегда.

В зале наступила долгая тишина.

Герос, одетый в несколько видов нательного белья, различных рубашек, штанов, шерстяных кофт, укутанный в теплый шарф и в толстом непродуваемом тулупе с капюшоном, тяжело и медленно, но уверенно шел по слегка заснеженной равнине, волоча за собой сани с провиантом и различными приспособлениями для походной жизни, предназначения которых он с трудом мог сейчас понять.

— Ничтожества. Гнусные ничтожества. Все гнусные ничтожества. Разожравшиеся, разжиревшие, обленившиеся и отупевшие сенаторы. — ворчал он все сильнее с каждым новым шагом. — Думают, что могут так легко повелевать сотнями жизней. А сами не могут даже пальцем пошевелить. Сидят там в своих дворцах и ни о чем не думают. Хоть бы раз что-нибудь значимое сделали бы в своей жизни.

Он еще не дошел даже и до границы с вражеской цивилизацией. Он еще только подходил к ней. Светило Солнце, дул легкий ветерок, разнося небольшие

редкие снежинки. Герос знал, что по меркам экватора, это еще очень тепло, но ему уже сейчас становилось холодно и то и дело бросало в дрожь. Он еще и не представлял, что его ждет впереди. И каждый шаг, который он совершал, поднимал в душе новую волну сомнений. Каждое движение он делал так, как будто, разрывая оковы собственного страха и желания вернуться назад. "Здравый смысл" как будто склеивал все тело, не давая идти дальше и заставляя невольно задумываться над целесообразностью и успешностью этого похода.

Наконец он подошел к границе. Множество высоких столбов по правую и по левую руку от него удалялись своими рядами в противоположные стороны. Молодой, и теперь уже, судя по всему, бывший сенатор посмотрел на камеру, находящуюся на верху одного из этих сканеров. Он знал — его видят. О нем предупредили, и сигнализация должна быть отключена.

Герос сделал несколько шагов, пройдя между столбами, и остановился. Он посмотрел вперед. Безжизненная холодная абсолютно белая заснеженная пустыня уходила глубоко в даль, и словно непреступная стена, ставила собой величественное непостижимое препятствие, говоря: "Ты не пройдешь здесь".

И только сейчас сенатор осознал ужасную мысль — он может не дойти до цивилизации Колдохонян, а навсегда остаться в той бескрайней пустыне. Он захотел обернуться назад, но понял, что это заставит его вернуться домой. И, тем не менее, ему нужно было запечатлеть в памяти этот момент. Возможно это последнее, что он видел в своей жизни. Он развернулся и с ужасом посмотрел на то, что оставил позади себя. Размытая, еле различимая граница между землей и тонким налетом снега уходила в даль. Множество городов, близко расположенных друг к другу, сливались в один большой горизонт жизни и биологического и технического движения... **ЦИВИЛИЗАЦИЯ.**

Герос закрыл глаза и повернулся обратно к своей снежной пустыне, перед которой стоял и частью которой уже ощущал себя. Безжизненная, абсолютно монотонная, но все-таки, на удивление, такая красивая.

Он пошел вперед, волоча за собой сани, и чувствуя, как этот бесконечный великолепно-белый горизонт уже начинает засасывать его в свои бескрайние просторы.

Он пробирался сквозь снежную метель, разрывая своим телом плотную стену агрессивного ветра. Множество огромных хлопьев снега ударялись ему в

лицо, и, казалось, рассекали нежную кожу своими острыми мельчайшими иголками. Холод. Невероятный холод. Никогда в жизни он еще не ощущал такой сильный холод. Он сковывал все тело. Невозможно было идти. Невозможно было двигаться. Хотелось упасть, закопаться в снег, и остаться в нем навсегда. Каждый новый шаг давался с огромным трудом. Тело трясло. Тряслись губы. Дрожала челюсть. Казалось еще чуть-чуть и зубы начнут стучать друг о друга и это невозможно будет остановить. Лицо болело. Такая необычная неизведанная до селе боль. Герос сделал еще несколько шагов и повалился на снег. Он устал. Он больше не мог идти дальше. Он просто сидел в снегу, заносимый метелью и думал, что ему делать дальше. Он понял, что если просидит так еще немного, то его покроет толстый слой этих белых хрупких холодных хлопьев, и он навсегда останется в их объятьях.

Молодой сенатор сжал немного снега в перчатке, и тут у него промелькнула мысль.

— Снег. — тихо произнес он. — Этот снег...

Он сгреб некоторое количество этого снега в одну кучу, и начал делать небольшую насыпь. Потом он уплотнил эту насыпь, и начал делать ее больше. Вырывая под собой яму, он использовал

снег, чтобы сделать из него высокую толстую стену. Закончив, он зарылся в яму и тут же почувствовал, насколько ему стало легче. Ветер больше не дул в лицо. Он мог без боязни открыть глаза. Все стало так спокойно. Как будто какая-то война закончилась. Он выглядывал из своей ямы, словно из норы, наблюдая за тем, как вдаль уносились снежные хлопья, огибая его толстую высокую насыпь. Там — за пределами этой норы ветер сносил все на своем пути, а здесь было так тихо, тепло и уютно. Кровь прилила к лицу. Герос начинал немного согреваться. Первое, чему он уже научился — защита от снежной метели. Теперь он понимал — с этой стихией можно бороться. И вдруг он почувствовал, как его пальцы на руках начали болеть. Сначала на руках, потом на ногах. Боль становилась все сильнее и сильнее. Она нарастала. Она становилась невыносимой. Отогреваясь, после холода, конечности начинали невероятно сильно ныть. И тогда он понял, что эта борьба со стихией еще не закончилась. Ему еще очень многое предстоит узнать о ней.

Отсидевшись в снежной норе, согревшись, перекусив, и в какой-то момент времени, почувствовав, что от холода начинает невыносимо сильно тянуть в смертельно-забвенный сон, Герос вылез на поверхность и побрел

дальше по бескрайней белой пустыне, каждым своим новым шагом делая вызов бездушной, но могущественной, стихии. Вскоре он почувствовал, что кожа на его обветренном лице стала жесткой и начала шелушиться. Обмороженные пальцы конечностей постоянно ныли, хотя уже и не так сильно.

Пройдя некоторое расстояние, он вдруг вспомнил, что среди различных непонятных пока для него вещей, которые он тащит за собой на санях, есть какие-то плоские палки. Он не помнил, как они назывались, но помнил, что были предназначены для облегчения ходьбы по снегу. Утопая в сугробах, наметаемых пургой, он решил попробовать использовать это средство передвижения и был невероятно счастлив от удивления, насколько же удобнее оказалось пересекать снежные барханы с помощью этих странных приспособлений. Он постепенно учился выживать в непривычных и экстремальных для него условиях и начинал понимать многие вещи. Так, например, он обнаружил, что снег, как материал, является неплохим теплоизолятором и из него вполне можно строить временное жилище для отдыха.

Герос шел еще очень долго, и уже не помнил, сколько таких жилищ он оставил позади себя. Ему казалось, что эта враждебная ледяная пустыня не имеет конца, и он удивлялся, куда же

подевались все многочисленные вражеские полки — неужели на таком огромном расстоянии нет ни одного города, ни одной деревни, ни одного боевого лагеря. Раса Колдохонян — такое чувство, что ее даже и не существовало вовсе. О ней все так много говорили, но на своем пути молодой сенатор не встретил еще ни одного живого существа. Как будто на экваторе вообще не существовало никакой жизни, а враг — был всего лишь вымышленной угрозой — выдумкой верховенства расы Жарос. Он уже было подумал, что нет на самом деле никакой войны, и никакого противостояния — просто кому-то нужна была эта политическая игра. Как печально, что он узнал об этом только сейчас и не сможет уже никому об этом рассказать. А может цивилизация Колдохонян и существует — просто она находится под землей? Это тоже очень интересный момент. Геросу казалось, что он просто потерялся в холодных бескрайних просторах этой снежной пустыни. Он сверял свое местоположение с навигационными приборами, и убеждался, что идет в правильном направлении. Вот только не знал, куда ведет это направление — в бездну бесконечности забвения или к новым открытиям. Через некоторое время закончились съестные припасы. Молодой сенатор оставил позади все не нужные, как ему показалось, вещи, чтобы облегчить груз

саней, взяв с собой только маленький портативный обогреватель. Его кожа на руках и лице уже начала трескаться, и маленькие ранки кровоточили. Ресницы слипались, и такое чувство, будто замерзали, при каждом моргании, склеиваясь между собой. Герос не помнил, когда последний раз он останавливался, сооружая небольшое жилище из снега, чтобы передохнуть, но знал, что следующая его остановка станет для него последней. Его силы были на исходе. И если он зароется сейчас в уютную снежную нору, чтобы отогреться и набраться сил, то уснет там, и больше никогда не проснется. Теперь он мог только идти вперед. И либо он дойдет уже, наконец, хоть до чего-нибудь, либо — рано или поздно упадет в бессилии и замерзнет посреди холодного экватора. Сенатор шаг за шагом на лыжах, с трудом передвигая ноги, тяжело опираясь на тонкие палки, качаясь из стороны в сторону, медленно плыл по заснеженной равнине. Он уже всерьез пожалел о своей затее, и осознание невероятной бессмысленности такой его смерти, приводило его в ужас. Он старался об этом не думать, но постоянная боль то в мышцах, то в пальцах, то потрескавшейся кожи лица, то во всех местах на теле одновременно заставляла его все сильнее проклинать свое последнее выступление в Сенате и поспешное принятие глупого

необдуманного решения.

Но с каждым шагом пытаюсь догнать, приблизиться, дойти до края бесконечности горизонта, Герос стал наблюдать размытые, слегка различимые, очертания чего-то неопределенно, неуловимого, неохотно выглядывающего из под очередного далекого заснеженного холма. Смахнув с ресниц иней и лед, сенатор ускорил шаг, насколько только это было возможно, и, тупо смотря вперед, не отрываясь, часто моргая, с надеждой полетел к своей единственной возможности обнаружить хотя бы признаки присутствия разумной жизни. Он забрался на небольшой холм и остановился. Его сердце заколотилось сильнее, разгоняя кровь и согревая организм.

— Ци-ви-лиза-а-ция. — тихо проговорил он, шевеля потрескавшимися губами.

Правитель расы Колдохонян сидел в своем теплом уютном кабинете возле камина, в котором тихо размеренно потрескивал горящий хворост. К нему зашел слуга и объявил о срочном визите главного министра.

— Что ему нужно? Впрочем,пусти его. — спокойно произнес правитель.

Главный министр вошел в кабинет.

— Мы нашли одного Жароса... — сказал он и задумался, не зная как закончить предложение.

Вскоре в дверях появился уставший, измотанный, кое-как стоящий на ногах, с обмороженным, с потрескавшейся кожей, кровоточащим лицом, трясущийся, совершенно ужасно выглядевший молодой сенатор Герос. Он сразу же тяжело повалился на одно колено, не в силах больше удержаться на ногах.

— Что с вами? Окажите ему помощь. — возмущенно приказал слугам правитель.

— У меня дело к тебе. — хрипло произнес Герос, предупредив любые действия слуг.

— Зачем ты пришел?

— Ты знаешь, зачем. — ответил сенатор, криво ухмыльнувшись. Он хотел продолжить фразой: "Ты бросил мне вызов", но правитель итак уже прочитал это в его глазах. Он прочитал все: и выступление в Сенате, и спор с военным председателем, и переход по экватору, и страх, и боль, и чувство холода, и слезы, и отчаяние, и чувство победы, и волнение от результата встречи с ним — с правителем расы Колдохонян. Он прочитал это все в уставших, но сверкающих гордых глазах молодого сенатора Героса. И слышал главную его мысль "Ты бросил мне вызов."

Я принял вызов". Правитель отчетливо читал в разуме представителя враждебной ему расы: "Смотри! Мы можем жить в мире. Мы можем найти компромисс совместного существования в разных условиях. Мы можем акклиматизироваться. На моем теле даже начали расти волосы. Мой организм ПРИСПОСАБЛИВАЕТСЯ".

Правитель с недоумением, но чувством неподдельной радости и облегчения, сверху вниз взирал на того, кто как никто другой сейчас являлся его союзником.

— Отправьте расе Жарос предложение о перемирии. — произнес он.

...Недалеко от границы двух цивилизаций — на той ее стороне, где еще местами лежал снег, покрывая собой желтую траву, сидя на возвышенности, сверкающими глазами смотря в долину, где раса Жарос построила свои города, молодой Колдохонянин, используя

специальную пену и нож, соскребал со своего тела шерсть, начисто выбривая белую гладкую кожу. Когда он закончил, то поднялся на ноги, и накинул на себя просторный светлый балахон. В сырую слегка подмерзшую землю, пролетев вдоль ноги и блеснув искривленным металлическим лезвием, с четким звуком воткнулся нож. Колдохонянин взвалил на плечи тяжелый рюкзак, до краев наполненный бутылками с водой, и одну бутылку взял в правую руку. Много воды. Ему потребуется очень много воды. Как можно больше. Чтобы обливаться ей под палящими лучами Солнца.

Колдохонянин улыбнулся и медленно стал спускаться в долину расы Жарос.

Максим Николаевич ПЕРФИЛЬЕВ

Sunrise Silence
by Talamaska

Содержание

Вступительное слово..... 3

Поэзия

Поэт и поэзия

А.Штрыков «Я открываю книжный шкаф...».....	4
«Когда этот мир станет слишком толков...».....	4
Ф.Савиков «Количество волнующих сюжетов...»	5
С.Кузьменкова «Сон поэта».....	5
Г.Каюмова «Мне не дано».....	6
И.Миронова «Булату Окуджаве».....	7
С.Петров «Плагиатральное».....	7

Философская лирика

А.Штрыков «Души в клетках».....	8
А.Штрыков «Чем привычнее ночь...».....	9
А.Штрыков «Пахота».....	10
Н.Кот «Сегодня мне стало совсем никогда...».....	11
Н.Вешняя «Ох, судьбу мою, пташу капризную...».....	11
Ф.Савиков «Дорога с полями по обе стороны...»	12
Ф.Савиков «Время сыплет секунды в воронки часов...».....	13
Е.Белоглазов «Андерсен».....	14
Е.Белоглазов «Звезда Мигрень».....	16
Г.Каюмова «Ночные разговоры».....	17
Г.Каюмова «Настроение по...».....	17
Г.Каюмова «Слишком».....	18
А.Зырянов «Ангел».....	19
М.Тарасова «Я мечусь по перронам...».....	20
М.Тарасова «Среди тысяч миражей - миг...».....	21
М.Тарасова «Нас учили пружинами...».....	21
Г.Овчинников «Не храни, мое сердце, зла...».....	22
Л.Войнакова «Листья сбились в безликую стаю...».....	22
И.Миронова «Что может быть печальней...».....	23
С.Кузьменкова «Похороны».....	24
Б.Большов «Возраст».....	24

Духовная лирика

Е.Старкова «Мгновение ока».....	26
Н.Корнышова «Я хочу рассказать тебе сказку...»	26
И.Миронова «Зима сняла свой плен...».....	27
Ф.Савиков «Капли холодного пота...».....	28
Б.Большов «Притча».....	29

Мистика

С.Петров «Единорог».....	30
Т.Трофимова «Невеста».....	31
Ф.Савиков «Сон».....	31
Ю.Барко «На нехоженой тропе...».....	32
Ю.Барко «Старый храм».....	33

Стихи о природе

Б.Большов «Солнце».....	34
Б.Большов «Март».....	34
Н.Вешняя «В тот вечер я играла в дольче вита...»	35
Н.Вешняя «Неизбывная даль».....	36
Н.Вешняя «Мандариновое».....	37
Л.Войнакова «Мне этой осени было мало».....	37
Ю.Барко «Посвящается лошадям».....	38
Ю.Барко «Русский соловей».....	39
Ю.Барко «Чаепитие солнца».....	40
И.Миронова «Зима на подходе, торопятся птицы...».....	40
Т.Севастьянова «Стали дни...».....	41
Ф.Савиков «Ещё вчера ты мило улыбалась...»..	42
Ф.Савиков «Затекло за шиворот...».....	43
В.Балашова «Старик-июль задышит зноем...»...	44
М.Барышев «Календарь».....	44
Г.Каюмова «Я б хотела...».....	45
Г.Каюмова «Молоко и мед».....	46
М.Денисенко «Берег».....	47
М.Денисенко «Туман».....	48
М.Денисенко «Прибой».....	49
Н.Кот «Море».....	50
С.Петров «Эта женщина – эхо надежд...».....	51
Н.Гегер «Первый снег».....	51

Любовная лирика

Е.Лисичкина «Семья».....	52
Е.Лисичкина «Мы научились расставаться по чуть-чуть...».....	53
Е.Лисичкина «У ангелов земных свои причуды»	54
Ф.Савиков «Бокал шампанского, и свечи...»...	54
Б.Большов «Гадание».....	56

И.Миронова «Стая ворон, опустевшее поле...»	57	В.Балашова «Полинкина зарядка».....	92
Г.Каюмова «Ты лепил мое лицо заново...».....	58	И.Миронова «Дружок».....	93
Т.Севастьянова «Икару».....	58	А.Плесовских «Колыбельная для вероники».....	94
Е.Белоглазов «Синь, побежалосьт, алая...».....	59	М.Тарасова «Времена года».....	95
Стёрх Петров «Не для всех».....	60	А.Ландышев «Лесник».....	96
В.Морозов «Хотел укрыть тебя собой».....	61	Баллады	
А.Плесовских «Сейчас мы стали страсти палочками...».....	62	А.Штрыков «Провансальский мотив».....	98
С.Кузьменкова «Обманулась. Тобой я опять обманулась...».....	63	Ю.Барко «Ночь Фавна».....	100
И.Сезам «Я снова пишу тебе письмо...».....	64	Н.Корнышова «Море помнит о нас...».....	102
И.Сезам «Пожалуйста».....	65	Б.Большов «Песня дракона».....	103
А.Харви «Почти закончилось вино».....	66	А.Жданова «Песнь о Скади».....	104
С.Петров «Мосты».....	66	Драматургия	
А.Жданова «В любви никто не одинок».....	67	Сценарии	
Г.Тачков «Любимой в канун Яблоневого Спаса».....	69	Ж.Богусевич «Старик и девочка».....	106
Гражданская лирика		В.Дворжак «Желудь».....	115
В.Морозов «Спасибо, отец».....	70	Проза	
И.Митрошин «Как жаль – кончается кассета...»	71	Юмор и сатира	
С.Петров «Вот и встретились».....	72	В.Рыбалкин «День смеха».....	118
С.Петров «Стенька».....	73	С.Петров «Товариш Фурманов и картошка».....	122
И.Миронова «Утро на Черной речке».....	74	С.Петров «Иван да Марья».....	126
И.Миронова «Дом Ипатьева. Тихая заводь...»...	75	И.Гордеева «Ироничные миниатюры».....	127
А.Зырянов «125».....	76	Миниатюры, эссе	
М.Денисенко «Вокзал».....	78	Ф.Феоктистов «Рыбари».....	128
Ю.Корзикин «И снова под ногами пыль и гравий...».....	79	И.Сезам «Иногда».....	129
Б.Большов «Необыкновенный концерт».....	80	Г.Каюмова «Вы когда-нибудь видели, как рвутся бусы?...».....	131
Ф.Савиков «В Гефсиманском саду».....	82	Г.Каюмова «На обочине тумана».....	131
Ф.Савиков «Песенка на эшафоте».....	83	Г.Каюмова «Круги на воде».....	131
М.Тарасова «Путаюсь мыслями...».....	84	Ю.Войцеховская «Прощание».....	132
М.Тарасова «Надоело скульпить и кидаться в морось».....	85	В.Балашова «Почему уходят близкие».....	132
Н.Вешняя «Мой маленький город - моя немудрёная родина».....	86	М.Перфильев «Мысли вслух».....	133
М.Барышев «Мне уже никогда не родиться...»...	87	Рассказы	
В.Дворжак «Симург».....	87	А.Балбекин «Остановка».....	134
Городская лирика		С.Кузьменкова «День Ивана Купалы».....	135
Ф.Савиков «Город».....	88	Ф.Савиков «Марко достал чёрствую краюху...»	136
М.Тарасова «Питер».....	89	Ю.Виннер «Гришаткина весна».....	138
Б.Большов «Домский собор».....	90	С.Петров «Георгич».....	150
Б.Большов «Хамсин».....	91	Л.Табакова «Дорога в никуда».....	152
Б.Большов «Ориенталь».....	91	Т.Трофимова «Любовь русалки».....	157
Для детей		И.Миронова «По закону жанра».....	161
А.Жданова «Очень тихо...».....	92	И.Миронова «Геронтофил».....	164
		М.Перфильев «Догма».....	170

Алмазный дождь
литературный альманах
Выпуск 1/2013

При поддержке литературного клуба «Остров»